
НОЙ
ՆՈՅ
1993 · 6

НОЙ

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

МОСКВА
1993

ISBN 5-7270-0012-2

Этот номер
армяно-еврейского
вестника увидел свет
благодоря участию
семьи Алавердян.

Аветик Исаакян

ЕВРЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Когда Иегова сотворил человека из земли,
Собрал землю с четырех сторон света —
Взял с севера, с юга взял,
И с востока, и с запада,
Чтобы человек, где бы он ни скитался,
Везде себя чувствовать мог в своем мире.
Когда же устанет и смерть принесет
Его неутолимым желаньям конец,
Отовсюду бы слышал он голос матери:
«Приди, сынок, успокойся на моей груди».

11 июля 1935, Париж

Подстрочный перевод Гаянэ АХВЕРДЯН

Дереник ДЕМИРЧЯН

АРМЯНИН*

Да разве вы что-нибудь смыслите в Армянине... Какое странное, загадочное существо. Видимость, но не он сам. А что же он сам, его характер? Напрасный труд; ищешь его суть, находишь, но сразу видишь, что и это — видимость. У него беспокойное лицо, его трудно рисовать. Причудлив его национальный облик. Возможно, численностью он и мал. но страданиями велик. По времени древнейший, по состоянию — неизменнейший. У его страны самое невыгодное положение, но он изо всех сил цепляется за нее. Его будущее кажется безнадежным, но он все-таки надеется. Скажем так: в своей жизни ему неведомы только два понятия — удача и отчаяние. Как узнать его, как измерить? Его мера — крайность. Удивительное постоянство крайности. /.../

Смотришь на этого силача — поистине осел, целую гору взвалил на себя, придавлен гнетом, хребет трещит. Работа это или самоубийство? Или он мстит кому? На кого злится, за что себя казнит? И сколько при том силы, трудолюбия.

/.../ А возьми его к себе в дом слугой... О чем он мечтает? Скопить деньжат и открыть духан. Хочет быть не прислугой, а господином своего хлеба, хозяином своего дела. *Армянин* уже означает *хозяин, господин...* А видели вы его на чужбине? Там он лживый и нищий. Предложи ему самое выгодное дело — откажется, пусть нация его кормит. И молча умрет, совсем не жалея себя, будто назло,— и это крестьянин, который вчера исступленно возделывал землю, мучался, надрывал свою душу. Самое выносливое животное на своей земле. Так собирает урожай, словно будет жить вечно. Словно никому ничего не желает оставить. Но войди в его

*** Армянский текст эссе, опубликованный в собрании сочинений Д.Демирчяна, иссечен сокращениями. Просим читателей: если кто-то располагает полным текстом эссе «Армянин», пришлите его в «НОЙ», и мы опубликуем размышления писателя полностью. - Редакция.**

жилище, увидишь — тысячи паразитов уселись на его горбу, едят его хлеб, как со стола праотца Авраама.

Вы видели его жилище? Ведь это кротовья нора. Но обойди его страну... Какие дивные монастыри, мощные крепости, узорчатые хачкары! Разве поверишь, что все это воздвиг он? Слушаешь его разговор, половина слов — хула на церковь и Бога. Всю страну застроил храмами, но и раз в год не зайдет помолиться, жизнь проживет без молитвы. Веру свою никогда не проповедовал другим. И разве поверишь, что его история есть история величайших религиозных войн? Что устами Нарекаци это немолящееся племя вознесло величайшие молитвы к Господу...

Терпеть не может обряды, требы, чины, этикет. В основном деревенщина. Его католикос Айрик Хримян больше всего ненавидел патриаршество. Зато в дипломатии он превыше всего старается быть искренним. Настолько искренен и наивен, что, без сомнения, оставляет впечатления хитреца и лицемера. Тогда как его партнеры на подмостках мирового театра, всего лишь играя, понарошке замахиваются на противника топором, армянин на самом деле обрушивает топор на голову врага. «Ведь все должно быть по правде!» — больше всего озабочен он.

Кроткий увалень, как богатырь Давид Сасунский, он неожиданно пробуждается и разит с богатырской силой. /.../ Когда надвигается величайшая опасность, он вдруг становится героем и восстает, как вишап, дракон. А вообще он добр. Тот, кто способен его улестить, может спокойно его обобрать. Но даже если ты ему друг, он твою дружбу отводит. Там, где другой народ способен снискать любовь других, Армянин всегда находит возможность вызвать неприязнь _ у него талант к этому. Чужому успеху завидует, как вардапет*. Если с кем-то поссорился, не забудет обиду, словно дал обет помнить зло. У каждого армянина есть армянин, с которым он враждует до смерти , это необходимо для него.

Он возмущает порядок, не признает власть ни в обществе,

*** Вардапет - архимандрит, ученый духовного знания.**

ни в государстве, ни в идеологии. Разобщенный, независимый, мятежный народ.

Где революция, там Армянство. Радикальный, как «изм». Одновременно воюет на трех фронтах: против шаха, султана и царя. Скажем, каждый Армянин — маленький Ширакаци или Дон Кихот. Он пережил самые чудовищные погромы и ничему не научился. /.../ Почему? Чем он недоволен, чего он хочет? /.../ Отчего он так тоскует, срывается, замкнут в себе? И чем измерить возвышенность его?

Возможно, он мечтает о мести. Что-то плохое вынашивает в сердце. Для того и обособился, чтобы злоумышлять, вредить, плести заговоры? Нет. А знаете ли вы самую великую добродетель Армянина? Он — самое прощающее племя в мире. Чем была вся его история? Истреблением, погромами, страданием... /.../ «Устраивай мне погром! Режь меня — это и твоя казнь, и моя месть.» Но мне кажется, что в глубине армянского сердца очень глубоко запрятана обида. Мне кажется, из-за этого он и позволяет себя резать, или как японец, если он на кого-то смертельно обижен, созывает друзей, заявляет о своем обидчике и вспарывает себе живот.

Таков Армянин. Он не хочет, чтобы его трогали, чтобы к нему приближались, чтобы его любили. Он сам по себе. Суровых обычаев. Добрый и свободолюбивый.

Когда смотрю на Армянина, мне кажется, что его обида — это обида орла, низвергнутого с вершин. Трепещет, рушится в камни и грязь, ломает крылья. Подносят ему еду — отворачивается, отказывается. Не любит ни рабства, ни счастья. Предпочитает страдание и свободу. Меланхоличен. Замкнут. Обособлен. Сам по себе. Не растворяется. Но у него нет мелкой ненависти — это чувство неведомо вершинам. У него в сердце глубокая печаль плененного орла.

Это Гайк, которого лишили единственного условия бытия — свободы. «Ничего от вас не хочу»,— говорит он гонителям. Пусть вам остается ваше иго, ваше счастье, идите, живите мирно и счастливо. Если вы любите жизнь, то я люблю то, что дороже жизни — Свободу...»

Элиас КАНЕТТИ

ЕВРЕИ

Нет народа, который трудней понять, чем евреев. Они разбрелись по всей обитаемой земле, потеряв землю, откуда они родом. Их способность приспособляться принесла им славу, но и худую репутацию, при этом, однако, степень приспособляемости может быть самой разной. Среди них есть испанцы, есть индийцы, есть китайцы. Они уносят с собой язык и культуру одной страны в другую страну, и держатся за них сильней, чем за свое добро. Дураки могут рассказывать басни о том, что все евреи одинаковы; тот, кто их знает, скорее согласится с тем, что среди евреев встречается больше разнообразных типов, чем в любом другом народе. Диапазон различий в характере и внешнем облике евреев принадлежит к числу самых удивительных явлений, с которыми сталкиваешься в жизни. Крылатое выражение, что среди них есть самые лучшие и самые худшие люди,— в наивное форме передает некий факт. Они не такие, как все. Они другие. Но в действительности они, если можно так выразиться, самые другие друг для друга.

Они вызывают удивление уже тем, что они все еще существуют. Они не единственный народ, который можно встретить повсюду; армяне, например, распространились так же широко. Не являются они и самым древним народом: история китайцев уходит в более глубокую и незапамятную древность. Но из всех старых народов они — единственный, который *странствует так долго*. У них было больше, чем у кого-либо, времени, чтобы исчезнуть бесследно. И все-таки они существуют — сегодня больше, чем когда-либо.

До самого недавнего времени не было у них ни территориального, ни языкового единства. Большинство уже не знало древнееврейского, они говорили на ста языках. Их древняя религия была для миллионов евреев пустым бурдюком; число евреев-христиан, особенно среди интеллигентов, напротив, постепенно росло; еще больше среди них людей нерелигиозных. На первый взгляд, с точки зрения обыкновенного самосохранения, им следовало бы делать все, чтобы заставить других забыть, что евреи - это евреи, и забыть об этом самим. Но они

не могут забыть; по большей части и не хотят. Невольно спрашиваешь себя, в чем собственно состоит их особость, что делает их евреями, где то главное и последнее, что связывает их друг с другом, когда они говорят себе: я - еврей.

Это последнее стоит у истоков их истории и с непостижимой равномерностью повторяется на протяжении всей истории: это *исход из Египта*. Стоит лишний раз представить себе, о чем повествует это предание. Целый народ, хоть и сосчитанный, но включающий огромные толпы, сорок лет подряд идет по пустыне. Его легендарному праотцу было обещано потомство, бесчисленное, как песок морской. И вот оно шевствует, это потомство, второй песок, по песку. Море пропускает их и смыкается над врагами. Их цель - обетованная земля, которую они завоюют мечом.

Образ этой толпы, годы и годы бредущей через пустыню, стал массовым символом евреев. Он оставался таким же ясным и ощутимым, как встарь. Народ видит себя вкупе еще до того, как он обрел пристанище и рассеялся, и видит себя в пути, в странствии. В этом состоянии *собранности* получает он свои законы. Перед ним - цель, понимаемая как цель массы. Приключения сменяются приключениями, и это - общая судьба. Это - *голая* масса; в этом окружении еще почти ничего нет от множественности отдельных жизней, переплетающихся друг с другом. А вокруг нее - песок, самая голая изо всех масс. Ничто не может довести до такой остроты чувство одиночества, предоставленности самой себе этой растянувшейся в движении толпы, как картина песков. Порой цель исчезает, и массе грозит распад; ее пробуждают к жизни мощные удары самого разнообразного свойства; удары сплачивают и сжимают ее. Число людей в походе, шестьсот или семьсот тысяч, огромно лишь по скромным меркам древности. Важнее длительность похода. То, что растянуто в этой массе на сорок лет, позднее может растянуться на любое время. И понимание этого срока как наказания становится мукой всех позднейших странствий.

Фрагмент из книги «Масса и власть». (Страна и мир. 1985, № 7, с. 85-86).

Борис ГОЛЛЕР (Иерусалим)

ПРИВАЛ КОМЕДИАНТА, ИЛИ ВЕНОК ГРИБОЕДОВУ

Трагедия в пяти картинах с прологом и эпилогом

Моему отцу

Я надеюсь, моя смерть не скажет обо мне ничего такого, чего не сказала бы моя жизнь.
М.Монтень

Я как живу, так и пишу - свободно и свободно
А.Грибоедов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Грибоедов Александр Сергеевич - **Автор** одной Комедии и Драмы (собственной судьбы).

ПЕРСОНАЖИ И ПОСТОЯННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ ЕГО

Она (Нина Александровна Грибоедова, урожденная княжна Чавчавадзе) - самое удивительное из видений его...

Чацкий Александр Андреевич - главный персонаж его; он же: **Одоевский Александр Иванович**, мятежник; **Касперий,** посол Древнего Рима в Армянском царстве; **Шереметьев** Василий, корнет гвардии.

Сашка - слуга Автора и его молочный брат.

Пушкин Александр Сергеевич
Булгарин Фаддей Венедиктович } - сочинители российские.

Хлестова - старуха из Комедии; она же: Грибоедова **Настасья Федоровна,** мать Автора.

Фамусов - московский барин; он же: Грибоедов Алексей Федорович, дядя автора.

Софья - барышня; она же: Авдотья Истомина, балерина; Элиза Паскевич (урожденная Грибоедова), жена Главнокомандующего.

Скалозуб; он же: Подвыпивший офицер; член Следственной комиссии; князь Голенищев-Кутузов, генерал-губернатор С.-Петербурга.

Мальцев Иван Сергеевич - советник посольства в Персии, молодой человек.

Мальмберх - врач Русской миссии в Тегеране.

Манучихр-хан - главный евнух шаха и особо доверенное лицо его.

Мирза-Якуб - главный казначей шахского гарема.

Маликов Соломон - армянский юноша, племянник Манучихр-хана.

Дадашев (Дадаш-бек) - переводчик миссии.

Перс - кондитер.

Молодой офицер.

Прочие (со словами и без слов) - персонажи Комедии и Драмы.

В самой глубине сцены возникают порой горы и дымы. На сцене две площадки: Комедии и Драмы. И первая из них, наглядно - сцена Театра, какой она бывает задолго до представления: будничный свет, набросаны в беспорядке предметы реквизита. Сбоку на среднем плане - классический театральный павильон, что мог бы служить декорацией к комедии «Горе от ума» где-то в минувшем веке, во времена павильонов (только двухэтажный).

Дом **Фамусова** - из грубых деревянных щитов, обитых крашеным холстом. Павильон возведен пока лишь до первого этажа (или полуразобран). Стена второго этажа стоит рядом, прислоненная к чему-то. Отдельные детали обстановки дома ютятся здесь же, на полу, меж павильоном и ближней кулисой.

А другая площадка - столь же откровенно - «сцена Жизни».

Резиденция Русской миссии (посольства) в Тегеране в январе 1829-го. Дом Посланника - последний, начиная от ворот, в череде из трех домов, занятых миссией. Старинное восточное подворье, знавшее на веку и роскошь, и паденье. Убранство на персидский манер. В дверных проемах внутри дома портьеры вместо дверей. На окнах занавески вместо стекол. Тут было, верно, прохладно или просто холодно - все-таки январь, зима. На улице - никак не выше минус 3-х по Реомюру. В доме чадят мангалы на круглых стальных листах. В парадных комнатах «бохари» - плоские высокие камины.

Впрочем, все это, главным образом, за сценой, «за кадром». На сцене - одна комната, служившая приемной Посланнику. Может, даже только угол комнаты: низкий всточный диван, покрытый ковром, низкий столик перед ним, графленый в шахматную клетку. На столике шахматы - массивные, старинные, в начале действия - оставленные кем-то посреди игры. Комнату замыкает в глубине портьера входа.

Это и есть основное **место действия.**

Время действия - по главному сюжету его - поздний вечер 29 и утро 30 января 1829 г.

ПРОЛОГ

...Он сидит на диване, за столиком, втянувшись в угол дивана. В домашнем халате, в туфлях на босу ногу. В круглых очках...
И, возможно, не нам с вами, а кому-то другому, кого видит только он - зрителю и тайному собеседнику:

Автор. Вы все зовете меня Автором, а между тем я, именно как Автор, и не создал еще ничего истинно изящного! Так... Начала... Наброски. Много планов. И множество причин - почему они остались без осуществленья? *(На губах его какая-то странная усмешка: грустная и вместе брезгливая. И похоже - над собой.)* И та история, о которой пойдет речь, тоже вряд ли таит в себе что-либо значительное... Хотя... есть в ней, пожалуй, несколько неплохих ходов, и сама ситуация - не скажешь: банальна. Впрочем... *(Помолчал.)* А что касается так называемой знаменитой Комедии... то есть «Горя от ума» - то она вообще привиделась мне во сне. Однажды. Тоже в Персии, в саду... Может, она была случайность?.. Я спал в киоске, в саду... Надо мной звезды в кулак величиной! Нигде так не светят звезды, как в этой скучной Персии. А сны... они больше не повторяются. Редко повторяются. Я всю жизнь мечтал написать трагедию в духе Шекспира... и с тою же свободою, но... Вот, и этому наброску мне вряд ли удастся придать завершенный вид... *(Помолчал. И с той же усмешкой.)* Театр для одного драматурга?.. А почему бы и нет?. Театр для одного драматурга!.. *(Еще помолчал.)* А почем вам знать?.. А может, его театр для одного себя был невыразимо прекрасней ваших?!

ТЕАТР ДЛЯ ОДНОГО ДРАМАТУРГА

Картина первая

Вошел доктор **Мальмберх** - широкий, легкий; крупный торс, большие руки, полированный череп Сократа, весь - ощущение надежности и устойчивости.

Мальмберх. Теперь я дам вам пилюлю, и вы уснете! Расскажете после мне - какие вы видели сны!
Автор *(будем называть его так, несмотря на возражение его)*. Благодарю вас! *(Принял пилюлю, запил водой из стопки.)* Постойте! Я хотел спросить у вас... *(Замялся.)* Жена пишет ко мне... что нету еще биений младенца. Она - в сомнении. Вы осматривали ее пред нашим отъездом сюда?
Мальмберх *(легко)*. Не я один - еще доктор Макниль! Мы оба. Мы вам сказали тогда. У нее все в порядке. Она вполне способна родить вам

нормального здорового малого. А биений нет - так потому, что их еще не должно быть! Она просто торопится. Как все юные матери!..
Автор. Я и сам так думал, но... Вокруг нее там всякие матушки, тетушки... И эти божьи старушки уверяют ее...
Мальмберх *(хмыкнул).* Ну, старушки всегда понимают много! Какой разговор! Бросьте! Не слушайте ни гадалок, ни старушек... Поверьте мне! Я уж стольких людей встретил на этом свете и стольких проводил на тот...
Автор. Благодарю. Я отпишу ей!..
Мальмберх *(кивнул).* Сделайте это!..

Поклонился. Уходит пружинистой походкой, словно вытесняя собой воздух на ходу...

Автор. Неужто и ему остался один рассвет?.. *(Пожал плечами.)* Это - доктор Мальмберх. Наш немец. Ординатор Эриванского гошпиталя. Весьма достойный персонаж! Он мог себе спокойно сидеть в своем Эриванском гошпитале! Но почему-то отправился со мной!..

Снова чуть отдернулась портьера при входе и появился **Мальцев** - архивный юноша лет двадцати: аккуратен, воспитан, кажется, застенчив до крайности...

Мальцев *(с порога).* Не спите? Александр Сергеич?.. *(Держит папку для бумаг, по-чиновничьи прижав ее к бедру.)*
Автор *(живо).* Входите-входите! Не сплю. Только собираюсь!..
Мальцев *(раскрывая перед ним папку).* Вот-с! Наша нота персиянам, кою вы надиктовали давеча!
Автор. О-О! И по-персидски уже?..
Мальцев *(со скромной гордостью).* Да. Дадаш-бек тотчас и перевел, а Мирза-Сулейман переписал. Своим каллиграфическим почерком. Ежели все в порядке... можно бы, чтоб Хаджатур сразу и отнес...
Автор. Нынче? А который теперь час?..
Мальцев. Десятый, верно...
Автор. Нет, поздно! Решат, мы слишком обеспокоены. Но будем торопиться! Завтра успеется. Поутру! *(Листает бумаги.)* А вы сами смотрели?
Мальцев. Нет... Но я ж не знаю по-персидски!
Автор. Ах, да! Все забываю, простите меня! У вас еще есть время поучиться! Это как бы французский язык Востока! В самом деле - прекрасный язык! Он ничего не менял?.. В тексте?..
Мальцев. Дадеш-бек?.. Нет. *(Поправился.)* Нет, как будто! Во всяком

случае - я просил его ничего не менять.
Автор. Главное, чтоб он сохранил энергические выражения!.. Теперь нужны энергические выражения!.. *(Просматривает текст. Поднял брови.)* «Кебле-элем»?.. Но я не диктовал так: «кебле-элем»!
Мальцев. Что?.. Что-то не так?..
Автор. Да. Опять это обращение к шаху - «кебле-элем»! Я говорил уже Дадашеву!.. Я не обращаюсь так к шаху! «Центр мира»! «Средоточие вселенной»!
Мальцев. А как нужно? Александр Сергеич?..
Автор. Просто... «Его величеству шахиншаху». Я успел приучить наших дорогих хозяев, что обращаюсь только так. И не хотел бы, чтоб они переучивались. Еще в данных обстоятельствах!
Мальцев. Дадашев уверял меня, что знает, как пишутся такие бумаги.
Автор. Он действительно знает! И он знает, что делает!..
Мальцев. Он добавил еще - все пишут так! И англичане в том числе.
Автор. Вот англичане могут писать, как им заблагорассудится! Благоволите попросить Дадашева, чтоб зашел ко мне. Завтра поутру.
Мальцев. Теперь придется переписывать?
Автор. Да. Конечно!.. И если Дадашев кого и наказал, так это своего друга Мирзу-Сулеймана. С его каллиграфическим почерком!.. *(Усмехнулся.)* Нет-нет, не забирайте! Я еще посмотрю!
Мальцев. Хорошо! Спокойной ночи, Александр Сергеич?
Автор. Да. Спокойной! Спокойной... Я хотел вам что-то важное... Ах, да! Прошу, как советника посольства! Объяснять всем, кого встретите, из сотрудников миссии - и повторять на каждом шагу!.. Я не могу - и ни при каких обстоятельствах! - допустить выдачи Мирзы-Якуба! *Мы* не можем! И желал бы, чтоб ни у кого не оставалось иллюзий на сей счет.
Мальцев. Почему не можем?.. Александр Сергеич?.. Чтоб я мог и объяснять, как надобно.
Автор *(жестко).* Потому что посольство, которое выдаст кому-либо подданного своей страны, уронит достоинство собственной страны! Только и всего!
Мальцев. Мне так и говорить?..
Автор. И в тех же словах. По возможности! И, по возможности, - со всем пылом вашей юности!
Мальцев. Я понял, Александр Сергеич! Можете быть надежны...

Уходит.

Автор *(вслед).* Это Мальцев, советник посольства. Мальцев! Иван Сергеич... Мы с ним тезки по отцу. *(Пожал плечами.)* Персонаж еще неясный для меня! (*Сидит недвижно, глядя в одну точку. Пошевелился.)*

И чем не драма?.. Завязка?.. Нет ничего проще! Некто Мирза-Якуб, весьма важное лицо в некой стране... приближенный евнух шаха и казначей его гарема является в посольство другой страны... коей он теперь считается бывшим подданным, по трактату о мире! - и просит отправить его домой. В Эривань. Со всем имуществом его... И некий посланник, имярек... *(Та же усмешка.)* ... дает ему прибежище в миссии. И только-то? - спросите вы. (*Вздохнул.*) И только! Но... вы не знаете Персии, ежели решите, что эта завязка глупа! Второй по значению евнух шаха и казначей его гарема! А понять, что такое гарем и что такое евнух в нем - это не под силу европейскому уму!..

Неслышно вошел некто - в пышном халате и в чалме.
Мужчина, без возраста, с расплывшимся телом старой женщины. Поблескивают перстни на пухлых женских пальцах.
Склонился по-восточному, преувеличенно низко.

Автор. Садитесь, почтенный Мирза-Якуб!..
Мирза-Якуб. Благодарю!..

Поклонился еще и остался стоять.
Во всем облике его что-то странное: жалкое и, вместе, надменное.
Гордыня, которую черпают в самом унижении своем.

Автор. Вы твердо решили?
Мирза-Якуб. Да. Твердо!..

Пауза.

Я смею надеяться, ваше превосходительство?
Автор. Погодите! *(Раздумывает.)* С имуществом вашим будет непросто. Вообще, все будет непросто!
Мирза-Якуб. Но... пункт Туркманчайского трактата о размене пленных с обеих сторон...
Автор. Да, знаю-знаю! Я сам озаботился, чтоб существовал этот пункт... и сам составил его в настоящей редакции!
Мирза-Якуб. Ваше превосходительство! Человек моего положения... евнух, то есть, считается бывшим пленным? Если он является таковым?
Автор. Да. Разумеется. Да. Считается!..

Пауза.

Во всяком случае... я хотел бы знать ваши резоны! Мне надобно знать!
Мирза-Якуб. Я хочу воротиться домой. Только и всего.
Автор. Я понимаю...

Пауза.

Но имущество ваше нажито непосредственно на службе шаху!.. Это может вызвать...

Мирза-Якуб. Но я нажил его своим трудом. Хотя... то, чем я занимался... вынужден был! - вряд ли считается таковым... с обычной точки зрения... *(Усмехнулся - надменно и жалко.)* Ваше превосходительство! Пусть без имущества!

Пауза.

Вы отказываете?

Автор. Нет. Я сказал. Я думаю!..

Пауза.

Но менять привычки... Привычный способ бытия!..

Мирза-Якуб молчит.

А ежли без имущества... что вас ждет в Эривани? Близких, сколько я знаю, у вас там нет. Не осталось после всех войн. Что вас ждет?

Мирза-Якуб. Камни, ваше превосходительство! Камни!..

Автор. Камни?.. Да. Камни... Камни - это серьезно.

Мирза-Якуб. Я достаточно послужил этому дому. Я хочу вернуться в свой. Человек имеет право вернуться домой!

Пауза.

Автор. И вы давно это надумали?

Мирза-Якуб. Нет. Недавно. А может... я об этом думал всегда!

Автор. А что скажет ваш начальник?.. Высокочтимый Манучихр-хан?

Мирза-Якуб. Не знаю, что он скажет. *(Та же усмешка.)* Не знаю. Были два армянских мальчика. Оба играли на пыльных камнях Эривани. Потом... по восемнадцати лет... оба отправились в поход с русскими... В злосчастный поход Цицианова на Эривань! Оба были взяты в плен персами. С обоими сделали то... что сделали... И... оба стали тем, кто они есть сейчас: Манучихр-хан - главный евнух шаха. Муэтемид-эд-доуле... Особо доверенное лицо его. И Мирза-Якуб - главный казначей! Я не ведаю, что скажет Манучихр-хан!..

Автор. А... его величество шахиншах? Вы служили ему долго.

Мирза-Якуб. Тем более! Собака и та имеет право на старости вернуться в свою конуру... а не остаться умирать под пиршественным столом хозяев... в ожидании подачки. Уже не нужной!

Автор. Хорошо. Я согласен. Только...

Мирза-Якуб *(с той же странной усмешкой)*. И какое еще условие придумано для меня?

Автор *(жестко)*. Вы не поняли! Я хотел сказать... К посланнику не приходят ночью! Тайком, когда все спят... Будто он - не посланник вовсе, а скупщик краденого. Только днем! Открыто! У всех на глазах!

Мирза-Якуб. Благодарю вас! Я приду поутру. *(Тот же низкий поклон).*

Ушел. Словно растворился беззвучно.

Автор *(мрачно)*. И чем это кончится, я тоже знал, еще три дня тому. Когда Мирза-Якуб явился в посольство.

Пауза.

(Внезапно оживляясь.) Вот-с! И чем не завязка?.. А для любителей быстрых поворотов действа развязка не заставит себя ждать!.. Что ж! План счастлив, как говорится. План счастлив! Осталось только развернуть. В соответствии с истиной - страстей и обстоятельств. Что дальше?.. Теперь, верно, Мальцев беседует с Дадашевым. Он же - Дадаш-бек, наш первый толмач. Сиречь, переводчик.

В отдалении от него появляются **Дадашев** и **Мальцев**.
Мальцев. Придется переписывать ноту!

Дадашев. Вай! «Кебле-элем» нэ нравытся, конэшно?.. «Кебле-элем»?
Мальцев. Ну, да. «Кебле-элем»! И, признайся, господин посланник говаривал тебе, и не раз - я сам свидетель! - что он не обращается так к шаху: «центр мира», «средоточие вселенной», а пишет просто - «его величеству». И я просил тебя, если помнишь, ничего не прибавлять от себя, когда переводишь документ! И признайся, ты поступаешь не совсем хорошо, когда пользуешься тем, что я не знаю по-персидски.
Дадашев. Вай! Какой плохой этот Дадашев! Глупый Дадашев! Ему всэ говорят, а он ныкак нэ возмет в толк! *(Воздел руки к небу. После - резко.)* Ты лучше скажи, что он думает сэбэ? Твой началник?
Мальцев. А твой? Я попросил бы тебя...
Дадашев *(отмахнулся)*. Да, знаю, знаю! Что он думает сэбэ? Он сэбэ яму роет! Понымаешь? И тэбэ, кстаты! И тэбэ! И мнэ заодно!
Мальцев. Что ты несешь? Какую яму?
Дадашев. Хлубокую! Тры аршин хлубыны! Может, четыре!
Мальцев *(несколько надменно)*. Не понимаю!
Дадашев. А может - в пять аршин! А почем мне знать? Я не могилщик! «Кебле-элем» ему, выдыш, нэ нравытся! Лышный добрый слов шаху! Тут жарэным пахнэт! Паленым! Смэртью пахнэт! Понымаешь?.. А он скупытся на слова! «Кебле-элем»!
Мальцев. А-э... ты про это дело? С Мирзой-Якубом?
Дадашев. Спэрва мы рыщем, как волки... мэсяц! по всэму Тэхерану! Ищем какых-то женщин! Грузынок! Которых когда-то увэли в плэн!
Мальцев. Но мы ж не сами, и не своей волей, а по просьбе родственников!
Дадашев. Родствэнников! Ха! Ты молодец, Мальцев, женщин нэ знаешь. Да женщина, когда стала женщиной, - папу-маму забыла, нэ то, что родственныков! А гдэ эты женщины?.. Канэшно, в харемах! Сайты с ума! Харем - святыня для мусульманина!

Мальцев. Скажи, Дадашев, по-твоему, существует Туркманчайский трактат? О мире между Персией и Россией?
Дадашев. Что ты меня морочишь?
Мальцев. Там есть пункт о размене пленных с обеих сторон?
Дадашев. Да. Есть!
Мальцев. Тогда об чем разговор?..
Дадашев. Ну, что ты меня морочишь? Трактат! Трактат отделно, а жизнь - отделно! Трактат! Да эты женщины самы давно забыли, что надо их спасат!.. А-а! *(Махнул рукой.)* Вы всэ думаете по-русски - вот беда!
Мальцев. А как прикажешь думать нам?
Дадашев. Па-пэрсыдски, друг мой! Па-пэрсыдски! Если вас послалы в Пэрсию! Сперва - женщины... Потом этот евнух! Шахский! Да, паныmаешь ли ты, что такое евнух?
Мальцев. Понимаю, верно! *(И улыбнулся мальчишески.)*
Дадашев. Ну, да! Ты думаешь - просто, скапэц! А я тэбэ скажу. Евнух - это почты что жена шаха! Чему смэешься?
Мальцев. Прости! Но ты очень смешно сказал. Мирза-Якуб? Жена?
Дадашев. Это болше, чем жена! Чудак! Это - хранител тайн! Его нэ выпустят живым отсуда! И нас вмэсте с ным!
Мальцев. Ты слишком мрачно смотришь! Александр Сергеич знает, что делает.
Дадашев. Знает! А что он дэлает тогда, твой Александр Сэргеич?
Мальцев. Не говори так! Не смей! Ты не знаешь, кто это! Это - один из умнейших людей у нас на Руси. Писатель! Автор всем известной комедии! Коей зачитывались несколько лет тому! Все русское общество! «Горе от ума»! Не слыхал такую?
Дадашев. Что - «Горе от ума»? Какой «Горе от ума»? У нэго у самого - «горе от ума»!
Мальцев. Я просил тебя, Дадашев, никогда-никогда не относиться дурно об его превосходительстве! Во всяком случае при мне.

Расходятся.

Автор *(снова один, смеется)*. Вот так, примерно!.. Вот так, примерно!.. Во всяком случае завязка есть! Теперь?.. *(Соображает.)* Покуда посланник спит, и ему снятся сны. Скоро его начнут будить. Скоро явится Вестник. Драма, собственно, начнется в шесть утра. Или около того.

Где-то стук, будто в дверь.

Неужели уже все? А я не успел! *(Прислушивается.)*

Стук повторился.

Да погодите вы там! Посланник не принимает! Он спит! Он занят! Он сочиняет.

Пауза. И не понять уже, сон это или явь. К нему входят персы, много персов.

В роскошных халатах и белоснежных чалмах. Они несут на вытянутых руках шубы из разных мехов. И как бы распластывают перед ним свой товар.

Автор *(растерянно).* Шубы?.. Но я получил уже подарки шаха!.. И полагаются не шубы, а шали - по церемониалу!..

Пауза. Та же игра.

Но я не заказывал! и никаких шуб!..

Пауза. То же.

А-а... вы хотите, чтоб я уехал отсюда?

Пауза. Они начинают пятиться - так же, приседая и кланяясь, пока не исчезают вовсе.
Меж тем - **голоса** в глубине сцены:

Первый. К господину посланнику! Срочно! От Манучихр-хана!
Другой *(неуверенно).* Слышишь, Сашка?.. Наверное, надобно будить!
Третий *(степенно).* Кому надо, а кому и не надо!.. *(Помолчав.)* Да нельзя их будить. Им доктор Мальмберх вчерась от сна пилюлю дали.

Теперь возник павильон Комедии - все так же недостроенный. «Дом Фамусова». Горы и дымы на заднем плане.Снуют какие-то люди. Больше в военном, но есть и статские, и дамы. Рабочие сцены - верно, солдаты, - возятся на декорации, что-то прилаживая и приколачивая. Стук молотков. На пороге павильона появилась **Молодая дама** - явно «из общества», но одетая служанкой.
Дама-служанка *(томным голосом).* Светает! ах! как скоро ночь минула!
Двое солдат несут стенку второго этажа.

Солдаты *(молодому офицеру.)* Куды ее, ваше благородие?
Молодой офицер. Неси наверх! Это - второй этаж.

Солдаты уносят стенку. Остановились перед павильоном.

Солдаты *(меж собой):*
- А чегой-то будет?.. не скажешь?
- Та... барская затея! Феатр называется.

После стенку устанавливают на перекрытии.

Дама-служанка *(тому же офицеру).* Чацкого не видели?
Молодой офицер. Нет, представьте. *(Стоит, наблюдает за работой.)*
Дама-служанка. Ну, как я вам в этом? *(Повертелась перед ним.)*
Молодой офицер *(любезно и рассеянно).* Очаровательны! Из вас бы вышла прелестная субретка!
Дама-служанка. А сами даже не взглянули!

Автор в это время стоит на просцениуме в рассеяньи и как бы безучастно наблюдая.

Автор. Это лишь - моя Комедия. Это уже не имеет отношения ко мне. *(Но тут солдат на перекрытии сильно накренил стенку, так, что она чуть не свалилась.)* Ну, что он делает, а? что делает?! Да придерживай ее! А теперь приколачивай снизу! Приколачивай!.. *(После, как бы в извиненье себе.)* Я все еще достраиваю нечто. Такое - непонятное и мне самому...
Дама-служанка *(офицеру).* А что это там, вдали?.. Дым какой-то?
Молодой офицер. М-м... Вероятно, дым отечества! Костры солдатские!

Подходят еще участники спектакля...

Барышня *(строгого вида).* А рояль будет?
Молодой офицер. Ну, что вы! Рояль! В этой забытой богом Эривани даже и путной флейты не сыщешь!
Барышня. А как же тогда... «то флейта слышится... то будто фортепьяно»?
Молодой офицер. Придется обойтись полковым оркестром.
Дама-служанка. Фи! Полковым!
Барышня. Чацкий не попадался вам?
Молодой офицер. Нет. Все спрашивают.
Барышня. И куда он запропастился?
Автор *(улыбнулся грустно).* Моя Софья!.. Сия роль в моей судьбе, увы, необъяснима для меня!
Софья *(повела плечиком).* А как же без него?
Молодой офицер. Покуда репетируем только общие сцены. Бал у Фамусова.
Дама-служанка *(разочарованно).* Бал? И только?
Молодой офицер. Да. Самое начало, где съезд гостей. И там, где Чацкого ославляют сумасшедшим.
Софья *(помолчав, жалобно).* И рояля нет! И Чацкий куда-то делся!
Кто-то *(из офицеров).* Ну, может, он в странствии. Не воротился еще!..

Смех.

Автор *(нахмурившись).* Но я уже не могу вызвать его! Я постарел, он - нет!

Снова стук. Теперь ближе.

Молодой офицер. Ну, кто там расстучался опять? Ведь мы же репетируем!

Свет меркнет. Интермедия голосов:

Голос: Да нельзя их будить! Они, поди, только второй сон видят!
Голос Мальцева *(уже раздраженно).* А ты почем знаешь, какой?
Голос. А мы про их все знаем! Мы с ими - молочные братья!
Автор *(улыбнувшись).* Это Сашка! Мой слуга. Очень важное лицо...

Пауза.

Скоро начнут будить! А жаль!..

А в темноте - уже раздраженные **голоса:**

Мальцев. Ну, разбудишь или нет? Кому говорят?! Скотина!

Сашка. ...Я не скотина, господин Мальцев! Я слуга. И не ваш, а господина посланника!

Дадашев. ...Ну, тэбэ, как чэловэку говорят! Буды! Тут смэртью пахнет! Понымаешь?

Сашка *(меланхолично).* Ну, уж сразу и смертью!.. *(После паузы.)* А-а... смертью - тогда ладно! От смерти и впрямь придется будить!.. Александр Сергеич! А, Александр Сергеич!

Удар! Это с треском упала на пол
плохо закрепленная стенка второго этажа.

Автор *(мрачно).* Опять не достроил! Ладно. В другой раз

Быстро входит **Сашка.**

Сашка *(с порога).* Александр Сергеич!

Автор. Чего кричишь? Не видишь? Я разговариваю!

Сашка. С кем?

Автор. С самим собой!

Сашка. А-а... Там пришли от Манучихр-хана. Племянники. Срочно требуют вас. Говорят, толпа собирается в городе супротив нас.

Автор *(усмехнулся).* И много племянников пришло?

Сашка. Нет. Одне-с!

Автор. А-а... А то у тебя никогда понять нельзя, где один, где много... И ради этого стоило будить меня в такую рань?

Сашка терпеливо молчит

Но ты же знаешь: нельзя меня будить так - рывком! У меня потом весь день голова болит! Что я буду делать с такой башкой?.. *(Помотал головой.)*

Пауза.

(И, как бы созерцая себя со стороны, - в зал.) И этак вот... в домашнем халате и в туфлях на босу ногу, заспанный и злой... Александр Сергеич Грибоедов, Посол России в Персии и Полномочный министр вступил в свой последний день!..

Пауза.

(Зло.) Нет! Все вон! Ничего не выходит! Не получается!.. *(Жест, каким рвут бумагу пополам и еще пополам.)*

Сверху к ногам его, осыпая сцену,
падает дождь из порванных черновиков.

Картина вторая

Автор и **Сашка** *(продолжение).* Сашка подбирает
с полу бумаги, потом стал сметать их, как сор.

Сашка. Ненужные? Александр Сергеич?..
Автор *(махнув рукой).* Ненужные!..

Пауза.

(Себе.) Душа моя полна! Так отчего же я нем, как гроб?.. А кажется, чего проще? Развязать язык! Как факир на базаре развязывает свой мешок... И вытащить на свет змея, свернувшегося клубком там, в глубине. Мудрого змия воспоминаний!.. И черпать из них, и черпать... а там... что Бог даст!

Пауза.

(Сашке.) Какая толпа? Что за толпа?
Сашка. Так, персияны, должны быть.
Автор. Ясно - не французы!
Сашка. Там пришли господин Маликов. Племянники Манучихр-хана. Срочно требуют вас. Как бы от него!
Автор. Срочно? *(Усмехнулся с издевкой.)*
Сашка. Срочно.
Автор. Погоди! Маликов - это который Соломон?
Сашка. Да. Их зовут Соломон.
Автор. Соломон - это хорошо! Соломон, значит, мудрый.
Сашка. Приезжие. Из Эривани.
Автор. Да, знаю, знаю. Милый юноша. И что мне нового может сказать сей премудрый Соломон? *(Помолчал. Бесстрастно.)* Из наших кто в городе есть?
Сашка. Ну, да. Рустам.
Автор. А что он там позабыл?
Сашка. Ушел за покупками.
Автор. Хм! Так, базар, верно закрыт?
Сашка. Ну, просто... прогуляться. Любопытно ему.
Автор. И хорошо. Вернется Рустам, и все узнаем, что там делается.

Пауза.

А может... дождаться Рустама и покуда не принимать никого?
Сашка. Нельзя-с! Очень требуют!

Пауза.

(Осторожно.) Позвать его? Александр Сергеич?
Автор. Кого?
Сашка. Да этого... Соломона.

Пауза.

Так позвать?
Автор *(усмехнувшись).* А ты знаешь, кто это?
Сашка. Племянники Манучихр-хана. Кому ж еще быть?
Автор. Это Вестник, чудак! Вестник! Вот позовешь его - и вся развязка на тебе!

Сашка *(ничего не поняв).* Истьвественно!

Вышел.

Автор *(один).* А что, если так?.. Под утро ему снится сон... и во сне он видит всех, или почти всех, персонажей своей судьбы. Разбросанных по свету. И тех, кого давно нет... И кого никогда не было... только в воображении его... Все это кружится в воображении. Мелькают картины. И после... и благодаря этому сну... он может свободно беседовать со всем светом. И не считаясь ни с какими единствами! М-м... А что скажет Буало?.. *(Решительно.)* К черту Буало! *(И тотчас - в сомнении.)* Впрочем... такое уже где-то было! А? Нет?.. Все уже где-то когда-то было!.. *(Тоскливо.)*

Голос *(женский).* А кто такой Буало?

Вошла **Она**. Бесцеремонно. Во всеоружии и в безоружности своих шестнадцати лет.

Автор *(улыбнулся).* Ты и вправду не знаешь?

Она. Нет. А кто это?

Автор. Прекрасно!

Она. Не смейся надо мной!

Автор. Я не смеюсь. Как прекрасно быть женатым на женщине, которая не знает, кто такой Буало.

Она. Опять смеешься?

Автор. Нет. Слово чести! *(И свободным тоном.)* Буало?.. Он же - Депрео. Старый классик. Француз. Это он установил три классических единства в драме. Времени, места и действия.

Она. А что это?

Автор. Это значит, драма должна развиваться в одни сутки. По времени. В одном и том же месте. И действие не должно прерываться.

Она. А разве так бывает в жизни?

Автор. Не знаю... По этим правилам ты, например, уже не вписываешься в эту пиесу.

Она. То есть, как так?.. я не вписываюсь?

Автор. Ну, да. Противуречишь сразу двум единствам: времени и места. Я - здесь, в Тегеране... а мы расстались с тобой в Тебризе. И больше месяца тому.

Она. Он ничего не понимает, твой Буало!

Автор *(улыбнулся).* Может быть... Хотя... было несколько неплохих людей, которые что-то сказали в этом мире и что-то написали... следуя его правилам. Молиер, например. Слыхала такого?

Она. За кого ты принимаешь меня? «Мизантроп», «Дон-Жуан»!..

Автор. Да. И... он умер на сцене. И тогда дали занавес! Это надо суметь! Он был хороший драматург.

Она. Не надо! Я боюсь!...

Автор. Чего ты боишься?

Она. Не надо о смерти!.. Я не рассказывала тебе! Это было давно. Еще в юности... Еще до тебя! Я провела два страшных года. Мне было лет двенадцать... Я вдруг открыла для себя, что я тоже умру. Мне стало так страшно! Днем еще ничего - люди!.. отвлекаешься невольно. А ночью... Лежишь и представляешь себе, лежишь и представляешь... Я тогда ужасно худая была.

Автор. Я помню.

Она *(строго).* Но ты тогда не мог знать, какая худая на самом деле! В платье не так заметно!.. Казалось... кости и те просвечивали. И я ненавидела себя. Эти тонкие кости, кожу, как бумага... И смертельно завидовала всем другим... Но... Как только я начинала думать, что умру... я начинала все любить в себе. И эти тонкие кости, и кожу, как бумага!..

Автор. Понимаю. Со всеми так бывает. В юности...

Она. Не со всеми! Только со мной!.. *(Подумав немного.)* А почему мне всегда кажется, что все, что происходит, - это только со мной?

Автор. Потому что... тебе только шестнадцать лет!

Она. Пятнадцать. Не прибавляй мне, пожалуйста! Шестнадцати еще нет. Я очень боюсь старости!..

Автор. Ты... и старость? *(Рассмеялся.)*

Она *(опустилась на колени подле, потерлась щекой об его руку).* Теперь другую. Можно? Ту, что простреленная! (*Рассматривает руку.)* Тебе было очень больно?..

Автор. Да. Нет. Не очень. Не помню уже. Те боли быстро забываются.

Она *(мечтательно).* Ты еще обещал мне рассказать всю свою жизнь. От самого начала!.. *(Целует его руку.)* Я снюсь тебе? Хоть иногда?

Автор. Нет. Но когда я вижу тебя въяве, мне все кажется, что ты мне приснилась.

Где-то эхо шагов.

Она *(полушепотом).* А открыть тебе секрет?.. Я и теперь не могу никак привыкнуть к этой мысли. О смерти.

Автор *(прислушался).* Тише! Сюда идут!..

Она. Ты занят?

Автор. Да. Более или менее. Сочиняю одну драму. После расскажу... *(Прислушиваясь.)* Шаги судьбы! Какой легкий шаг!.. *(И заговорщицки подмигнул ей.)* Надуем ее?

Она *(растерянно).* Ага. Надуем!

Исчезает.

А перед Автором уже стоит Соломон **Маликов** - Вестник.

Армянский юноша лет восемнадцати.

Автор *(после паузы).* И что предлагает мне высокочтимый Манучихр-хан?

Маликов. Дядя просит передать... Ваше превосходительство! Если... пока не поздно... пока еще темно, и толпа перед воротами не собралась... перевести Мирзу-Якуба в другое, более безопасное место?..

Автор *(отрывисто)*. В какое... место?

Маликов. В мечеть Шах-Абдул-Азима.

Автор. А чем это лучше для него?.. мечети Имам-Джюме? Где, по вашим словам, и сбирается толпа?

Маликов. Дядя пояснил, что всякая мечеть должна служить защитой мусульманину. Там еще какое-то слово, да я позабыл.

Автор. *Бест!* Убежище.

Маликов. Да. Точно. Именно - бест! Как вы узнали?.. И что в истории было много случаев, когда праведник, обвиненный в чем-то в одной мечети, находил спасение в другой.

Автор *(больше сам с собой)*. Да... бест... убежище! Всякая мечеть - это бест для мусульманина. Мирза-Якуб, правда, вряд ли является праведником, но...

Маликов. Вы согласны, ваше превосходительство?

Автор молчит, словно застыл.

До дяди дошел слух... что Молла-Месих нынче, во время утренней молитвы в мечети Имам-Джюме... намерен объявить джихад.

Та же пауза.

Священную войну! Против неверных, ваше превосходительство!

Автор *(пошевелился)*. Благодарю вас. Я знаю, что такое джихад. Остается спросить - кто неверный в данном случае?.. Я, должно быть! *(И рассмеялся надменно.)* Но Мирза-Якуб, покуда он здесь, находится под защитой Русской миссии! Самого имени России!

Маликов. Ваше превосходительство! Дядя потому и послал меня, а не кого другого... Он просил предупредить! Ему неизвестно, какие инструкции получит для сегодняшнего дня господин губернатор столицы Зюлли-Султан!

Автор. А-а... Вон как! *(С усмешкой.)* И как только вы запомнили это все? *(Почти без перехода.)* Ваш дядя - варвар! Он - чудовище! Честное слово! Скажите ему от меня! *(Юноша смотрит обалдело.)* И из-за этого стоило будить вас в такую рань? *(Рассмеялся. И Маликов принужденно рассмеялся за ним.)* Впрочем... мой дядя тоже обладал сей злокозненной привычкой - будить меня чуть свет. Что делать?.. Старикам плохо спится. У них думы о жизни. И они будят юношей, у которых нет ровно никаких дум. В этом, если хотите - одно из противоречий бытия.

Маликов. Я должен понять так, что вы против, ваше превосходительство?

Автор. Нет, мой друг. Я думаю.

Пауза - потому что опять увидел Ее: стоит в стороне,

смотрит жалобно.(И под этим взглядом.)

Что ж! Я согласен.

Маликов *(обрадованно).* Правда?

Автор. Да. Пожалуй. В этом есть смысл! *(И как бы убеждая самого себя.)* В конце концов, Мирза-Якуб - мусульманин... и естественно для него... м-м... в столь трудных обстоятельствах вручить защиту свою не слабым людям вроде нас, а непосредственно своему Богу!

Маликов *(обрадованно).* Это можно сделать тотчас?.. Я мог бы тогда тотчас и проводить его туда!

Автор. Вы?.. *(Поморщился.)* Не делайте лишних шагов! Молодой человек не должен делать лишних шагов. Его проводят и без вас. (*Усмехнулся мрачно.)* Не завидую тому, кто нынче покажется на этих улицах с таким спутником, как Мирза-Якуб...

Маликов *(по-детски).* А что может случиться?.. Я - племянник Манучихр-хана!

Автор *(не ответив).* Теперь остается только спросить его самого. Мирзу-Якуба. Вы не говорили с ним?

Маликов. Нет. Я прямо к вам. Но...

Автор. Уж не обессудьте! Раз вы вмешались в это все... Я - хозяин, он - гость. Если предложенье будет исходить от меня, он может подумать - и прогоняю его. *(Без перехода - крикнул куда-то.)* Сашка! Сашка!

Сашка *(входя).* Звали?

Автор. Ты же слышал, что звал. Благоволи проводить нашего гостя господина Маликова в комнаты, кои занимает наш гость господин Мирза-Якуб. *(И - Маликову.)* Видите ли, друг мой, имущество Мирзы-Якуба, как выяснилось тут в последние дни, может, и впрямь спорный вопрос. Но жизнь его - бесспорно! - принадлежит лишь ему самому! И лишь ему дано решать, кому он склонен вверить ее защиту.

Маликов вышел.

Она *(приблизилась и почти со страхом).* А если он не согласится?..

Он не ответил, стоит неподвижно. Пауза. Поднял голову - ее нет.

А входит **Мальмберх** своей пружинистой походкой.

Мальмберх *(весело).* Чуть свет уж на ногах - и я у ваших ног! Не помните, откуда это?

Автор *(помрачнев).* Помню, к сожалению! Это из моей Комедии. Я настрочил в ней столько каламбуров, что они теперь мешаются мне на каждом шагу!

Мальмберх. Как спали?

Автор. Прекрасно. То есть, ужасно! То есть, спал хорошо, но... Проклятая пилюля!

Мальмберх. Что же в ней плохого?

Автор. Не пойму, что с головой. Разыгралось воображение. Какое-то

мрачное пиршество воображения! Голова раскалывается - на прошлое и настоящее. И не всегда понять, где грань.

Мальмберх *(пожал плечами)*. Так это особая пилюля! По восточному рецепту.

Автор. И что в ней такого особенного?

Мальмберх. Восток есть Восток. Он знает секреты. Некоторые. Как соединить... Прошлое и настоящее. Прошлое и будущее! Нам это не понять. Европа преуспела в одном, Восток - в другом. Каждому свое.

Автор. Извольте объяснить!

Мальмберх. Пожалуй!.. Европейская мысль потратила тысячелетья на то, чтобы постичь одну человеческую жизнь. В ее конкретности. Ограниченности. На коротком отрезке. *(Двумя руками изобразил этот отрезок.)* На Востоке эта отдельная жизнь значит, скажем прямо, куда меньше, чем у нас... И нету этого особенного интереса к ней. Но... больше ее связь - с жизнью всех людей. С общей жизнью. С прошлым, с будущим... С Вечностью, если хотите!

Автор. Забавно! А почему мы с вами прежде не говорили об этом?

Мальмберх. Не знаю. Не привелось!

Автор. Забавно! Надо бы еще вернуться к этому разговору. Может, даже нынче?..

Пауза.

А там, конечно, тоже все уж на ногах?.. Все взволнованы?

Мальмберх. Есть немножко. *(Усмехнулся.)* Но нам как будто угрожают? Какая-то толпа, какие-то страсти?

Автор *(надменно)*. Слухи! Непроверенные!.. Напугать меня хотят! Но я не из пугливых!.. И потом... что за толпа? Какая толпа?.. Пошумят - разойдутся! Я знаю персов. И потом... Полагаю, шах Фетх-Али и губернатор Зюлли-Султан должны быть более обеспокоены этой толпой, чем я, грешный.

Мальмберх. Почему вы так уверены?

Автор. Что? новая война? Когда не оплачены еще долги предыдущей?.. Я не жду от моих партнеров такого забвения самих себя. Во всяком случае я посылаю ноту протеста! *(Усмехнулся.)* Очередная моя нота, где я принимаю угрожающий тон, ибо иного выхода у меня нет!..

Мальмберх. Вы все ж обеспокоены?

Автор. Нет. Не очень. Ну, во-первых... все тихо, как слышите, и никакой толпы нет... Так что, может, все еще - милые восточные штучки - слухи! А во-вторых... Не волнуйтесь! Я, как-никак - драматург... и понимаю толк в концовках!

Мальмберх. Только опасаюсь... Восток еще способен удивить нас!

Автор. Чем... удивить?

Мальмберх. Своей бескорыстностью. Или легкомыслием. Зовите, как

хотите. Чем-то, что во вред себе и в несогласии с реальностью в нашем понимании. И что, с их точки зрения - кто знает? - может, и есть другая реальностью!

Поклонился и вышел, оставив Автора в мрачном настроении.

Возник **Мирза-Якуб**.

Автор *(ему)*. А мне показалось приемлемым предложенье Манучихр-хана.

Мирза-Якуб. Ваше превосходительство! Не отсылайте меня! Я боюсь!

Автор *(подумал еще)*. Не бойтесь. Я все взвесил. Тут вряд ли есть какой-то подвох. Из мечети вас наверняка не возьмут - это противоречило б шариату. Который сейчас как бы против вас. А вы, наоборот, вступивши в мечеть, тем самым признаете над собой его власть. То есть, того же шариата. Это хитрый ход! Типично восточный. И лишь в наторенном уме Манучихр-хана мог возникнуть такой. Я бы сам не додумался, скажу откровенно. Я пока буду вести переговоры... Долго! Торговаться... А дня через два-три мы извлечем вас оттуда. Из мечети. Может, тайно... И отправим домой. В Эривань. Слово чести! Я не покину вас там!

Мирза-Якуб. Все равно. Я боюсь!.. Я понимаю, это звучит не совсем красиво, может - не совсем благородно... Но, Боже мой! - что благородство в этом мире?.. Я боюсь встречи с теми, кому служил столько лет! И тогда, когда служил, я тоже боялся!

Автор. Почтенный Мирза-Якуб! Страх - не лучший вожатый, каким следует руководствоваться в житейском лабиринте. Я, может, тоже боюсь. И что из того? Бояться людей - значит, баловать их. Я всегда так считал.

Мирза-Якуб. Вы?.. Боитесь?.. *(Надменно. И - быстро, яcростно.)* Мне было лишь восемнадцать, когда меня взяли в плен! Меня скрутили по рукам и ногам и подвели к скамье, залитой уже кровью десятков жертв передо мной. Меня швырнули на нее - будто ничего не было. Ни моей единственной жизни. Ни моей бессмертной души... И какой-то мясник в темных перчатках, тоже залитых кровью, приблизился ко мне...

Автор. Хватит. Я это слышал уже!

Но Мирза-Якуб, возможно, не услышал его.

Мирза-Якуб *(взялся за голову обеими руками и закричал)*. А-а-а!.. *(Длинно, на одной ноте. Точно это с ним - сейчас.)*

Автор. Успокойтесь! Сейчас же, слышите? Я не собираюсь неволить вас!

Мирза-Якуб *(приходя в себя)*. И тогда... во мне поселился этот страх!.. На всю жизнь. И я пришел к вам, чтоб вы помогли мне избыть его!.. Представьте... на моем месте юношу, которого вы послали ко мне.

Автор *(мрачно)*. Не я послал. Манучихр-хан. И зря, между прочим. Зря он его впутывает в это дело!.. Но это - между нами.

Мирза-Якуб. Манучихр-хан считает, что достаточно защищен в этом

мире. *(Та же усмешка.)* И он, и ближние его.

Автор. Вы думаете?.. А как по-вашему, он помнит это все? То, что рассказали мне вы?

Мирза-Якуб. Кто... помнит ли?

Автор. Манучихр-хан! Это с ним ведь тоже было. Вы извините. Но мне надо понять.

Мирза-Якуб. Не знаю. Мы с ним ни разу не говорили об этом!..

Автор. А-а...

Мирза-Якуб. У людей... нашего положения не принято об этом говорить.

Пауза.

Автор. А мне показалось приемлемым предложенье Манучихр-хана...

Мирза-Якуб. Это потому, ваше превосходительство... что вас, в жизни вашей, не бросали на эту скамью!

Исчезает неслышно.

Автор еще раздумывает, после опускается на диван. И тогда перед ним за шахматным столиком оказывается другой: тоже в пышном халате и в чалме, как Мирза-Якуб. Но несравнимо более величественный.

Автор *(склонил голову).* Я слушаю вас, высокочтимый Манучихр-хан.

Манучихр-хан. Сыграем лучше в шахматы.

Автор *(поморщился).* Зачем?.. Я не хочу шахмат.

Манучихр-хан *(явно изображая кого-то).* А Манучихр-хан, вы слыхали? - видался вчера с российским посланником. С Грибоедовым!.. И что они делали там?.. Да нет, ничего. Они пили шербет, и они играли в шахматы... *(Усмехнулся.)* Вы еще не привыкли. В Персии все все знают.

Автор. И *вы* опасаетесь чего-то? Вы, Манучихр-хан? Особо доверенное лицо в этой стране?

Манучихр-хан *(делает неопределенный жест).* Так, доверие существует, покуда не теряют его... Какой цвет предпочитает наш уважаемой гость?

Автор. Мне все равно!

Манучихр-хан. Тогда берите белые.

Автор. Почему - белые?

Манучихр-хан. Интересно посмотреть, какой вы сделаете первый ход! Собираетесь защищаться или нападать?

Автор. Не знаю. Защищаться, верно.

Манучихр-хан. Тогда тем более белые! Защищаться лучше всего - нападая!

Расставляют фигуры...

Автор *(улыбнулся).* А я тоже, признаться, не имею права встречаться с вами!

Манучихр-хан. А вам кто мешает?.. Ваш государь далеко.

Автор. Один старый француз. Буало, он же Депрео.

Манучихр-хан. Не слыхал о таком.
Автор. Однако это он установил три классических единства в драме. Времени, места и действия... Нынче какое у нас? Тридцатое? Генваря... По-европейскому. А наш разговор с вами был вчера. То есть, двадцать девятого!.. И не здесь, а в вашем доме.
Манучихр-хан. Не понимаю. А что он может сделать вам, этот француз?
Автор. О-о! Много! Он может доказать мне, что я не драматург! Как дважды два!.. Это куда хуже, чем если вы докажете мне, что я никудышный политик.
Манучихр-хан. Странные вещи вас продолжают занимать! И где он теперь, этот ваш француз?
Автор *(легко)*. Он умер давно! Он жил в семнадцатом веке.
Манучихр-хан. И вы... единственный из людей, известных мне, кто осмелился в присутствии шахиншаха, царя царей, пересидеть лишних десять минут во время аудиенции!.. Вы! - способны бояться какого-то старого француза? Притом - давно мертвого?..
Автор. Ужасно боюсь! Просто дрожу!
Манучихр-хан. Странные люди вы, русские! Это что, национальная черта? Если вас может волновать нечто столь невещественное!
Автор *(легко)*. Ну, знаете! Вить гнезда - это и птички умеют. Кормить птенцов. А всерьез волноваться чем-то, что нельзя потрогать... *(И двинул фигуру.)*
Манучихр-хан. Странно! Никогда не видел, чтоб так начинали. Не с центральной пешки.
Автор *(рассмеялся)*. Что ж... Странный человек! Странные вещи его занимают! Странные делает ходы!.. *(Рассмеялся)*. Попробую! Надеюсь чуть-чуть развязать фигуры на фланге.
Манучихр-хан. Да, но... за счет скованности центральных фигур!..
Автор. Что ж! Все в жизни - за счет чего-то. Обретаем в одном, теряем в другом. Не затрудняйтесь! Я плохо играю в шахматы.

Манучихр-хан задумался, после сделал свой ход...

Манучихр-хан. Хотите правду?.. даже если, возможно, резко отличную от вашей?..
Автор *(ровным тоном)*. Да, хочу. И жду!.. Я слишком пристрастен к собственному мнению, чтоб не относиться с уважением и к любому другому.
Манучихр-хан. Самым неудачным из ваших ходов здесь, в Тегеране... вообще, в Персии... был и останется Мирза-Якуб!.. То, что вы приняли его под защиту. Остальное, пожалуй, вам легко простили б. Или сравнительно легко.

Пауза.

Ваш ход! Ваш ход!.. *(Отодвинулся в тень.)*

Почти тотчас вошел **Сашка.**

Автор *(ему)*. Не возвращался еще?

Сашка. Кто? Рустам?

Автор. Нет. Этот юноша. Соломон. От Мирзы-Якуба.

Сашка. Нет. Не возвращались.

Автор. И о чем они так долго?..

Пауза.

И Рустам не приходил?

Сашка. Нет. Не приходил.

Пауза.

Автор *(с видом человека, которого посетила забавная мысль)*. Сашка, а Сашка! А пошли с тобой в евнухи к шаху?

Сашка. Не, не хочем. Не пойдем!..

Автор. Почему?.. Чудак! Богатые станем! Перстни, шали!.. Ну, не век же нам с тобой на жалованье прозябать?.. Так его еще и плотют не вовремя!

Сашка. А зачем мне тогда перстни?

Автор. А что мы теряем, в сущности?.. Не так много, не так много. Ежели разобраться... Это все - суета, брат, суета!.. Эх, ты! Суетный ты человек - Сашка!

Сашка. Не. Не могем. Не пойдем! Погодим еще...

Автор. Ну, как хочешь. Как хочешь! Об тебе радею... Хотел из тебя человека сделать!.. *(Усмехнулся мрачно.)* Не твоя вина... и даже не моя! - что человеком в этом мире может стать только евнух! Как хочешь! Как хочешь!.. Ладно! Ступай! Пошли ко мне сразу этого... Соломона. *(Остается один. Стоит неподвижно. Сам с собой)*. И о чем они - так долго?

Она *(появляясь)*. Ты не обманываешь?.. Что все это только театр?.. *(Негромко и испуганно.)*

Автор *(нарочито легко)*. Ну, что ты! Ты же видишь сама. Я держу все бразды... И все развивается согласно плану и моему собственному замыслу! Вот послушай, что я придумал. *(И невольно обнял ее.)*

Она *(мгновенно отвлеклась)*. Совсем худая, да?

Автор. Да нет, собственно...

Она *(вздохнула)*. Нет, я знаю, что ужасно!.. Но я уже вовсе не так худа, как была в двенадцать лет. Уверяю тебя! Вот, потрогай! Здесь и здесь... Правда?.. Если б ты знал, как и завидую пышным женщинам!..

Автор *(с улыбкой)*. Глупенькая! Ну, посуди сама! Ну, чему тебе завидовать? Бог мой!

Она. Не говори! Все они - мои враги! Смертельные! *(Он смеется, но ей не до смеха...)* Но она не любила тебя!

Автор. Кто - она?

Она. Не притворяйся! Ты прекрасно знаешь, о ком речь! Так называемая Софья! Мой главный враг!..

Автор *(с улыбкой).* Не любила!
Она *(уже со слезами в голосе).* И никто-никто - до меня - не любил тебя?
Автор. Ну, конечно! Ну, что ты, маленькая моя!.. Ну, конечно! Ну, что ты!.. *(Обнимает ее.)*
Она *(совсем другим тоном).* А ты не перестанешь любить меня, когда я сделаюсь некрасивая? вся в пятнах?.. И с вот таким животом? *(Комический жест.)* А это будет уже скоро!..

Пауза.

Медленно освещается сцена на другой стороне.

Павильон Комедии - все так же недостроенный. Правда, на перекрытии опять едва приладили стенку второго этажа...

Засуетились люди. Участники спектакля (офицеры, статские, дамы...)

Молодой офицер *(прежний, заторопил).* Начинаем, господа! Начинаем!.. И где Чацкий, хотел бы я знать?

Барышня на переднем плане репетирует сама с собой:

Барышня. ...сказать вам сон - поймете вы тогда!
Позвольте... видите ль... сначала -
Цветистый луг... и я искала
Траву...
Какую-то, не вспомню наяву...

Она *(Автору).* Это и есть твоя Софья?..
Автор. Да... *(Виноватым тоном.)* Ну, теперь ты поверила, что все это - только театр?
Она. А почему они все в военном?
Автор *(усмехнулся).* Не все. Видишь, дамы в статском.

Она еще постояла рядом с Автором, потом сыскала глазами какой-то стул - посреди пустого пространства меж жилищем Посланника и Павильоном Театра, пошла и опустилась на этот стул - с важностью, кутая плечи в легкую, белую накидку. И Автор, как в ложе театра, встал за стулом ее...

Она *(Автору, со слезами на глазах).* Ты хитрец! Зачем ты скрыл от меня, что разрешили твою комедию на сцену?
Автор. Н-да. Нет. То есть, не совсем! Это всего лишь репетиция, не боле.
Она *(быстро).* Это когда все повторяют? Множество раз?
Автор. Да...
Она. Обожаю репетиции! Даже больше, чем спектакли!
Автор. Почему?
Она. Ну, когда все повторяют. Еще и еще...
Автор. А ты была когда-нибудь на репетиции?
Она. Еще бы! Без счета и без числа. Мысленно!.. Ты не думай, мне хорошо и так. Я согласна, чтоб была только репетиция. *(И тотчас деловым тоном.)* А правда, где Чацкий?

Автор. Не знаю. Исчез куда-то. Может понял, что мне теперь не до него.
Она. А как же без него?
Автор. Покуда разыгрывают только общие сцены Комедии. Бал у Фамусова!

Меж тем участники спектакля стянулись к центру некоего круга, в котором стоит **Молодой офицер.**

Молодой офицер *(зачитывает всем по какой-то тетради).* «В перспективе открывается ряд освещенных комнат... Слуги суетятся... один из них - главный...» *(Поднял голову.)* Кто у нас - слуга?
Юнкер *(игрушечный - в мундирчике, вытянулся, как во фрунт).* Я! *(Декламирует.)*

Эй, Филька, Фомка - ну, ловчей!..
Столы для карт, мел, щеток и свечей!
Скажите барышне скорее, Лизавета -
Наталья Дмитревна! и с мужем!.. и к крыльцу
Еще подъехала карета!

Входящие гости поднимаются по ступеням и заполняют вестибюль дома Фамусова и часть пространства сцены.

Молодой офицер. Князь Тугоуховский и княгиня с шестью дочерьми!
Кто-то *(из участников - насмешливо).* Пока есть только три княжны.
Молодой офицер. Пусть три! Начали!
Молодая дама *(всплеснув руками, театрально).*

Князь Петр Ильич! Княгиня! боже мой!..
Княжна Зизи! Мими!..

Восклицания, шум встречи.

Графиня-внучка *(входя, капризно).*

Ах, гранд-маман! ну, кто так рано приезжает!..
Мы первые!..

Автор *(Ей, вполголоса).* В сущности... я ввожу тебя в старую Москву, где мы не были с тобой. Которой, может, давно и нет такой!.. но...
Юнкер-лакей *(очень громко).* Еще подъехала карета!

Через площадку бала, рассеянно кивая всем, шествует величественная Пожилая дама. Поискав глазами кого-то, решительным шагом направилась прямо... к Автору. И он, как-то слишком поспешно, шагнул навстречу ей.

Пожилая дама *(властно).* И кого мне прикажешь играть в этой твоей пиесе? Старуху Хлестову?
Автор *(склонился к ручке).* Да... Ежли вы не против!
Пожилая дама. Что ж! Старуху так старуху! И подумать только - еще несколько лет тому назад вы должны были б валяться у меня в ногах, чтоб я согласилась сыграть вашу юную Софью! Подумать только!.. *(И столь же решительно двинулась обратно к гостям. Софье, нарочито громко.)*

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница? Мученье!
Час битый ехала с Покровки! силы нет!..
Ночь - светопреставленье!..

Она *(несколько с испугом, Автору).* А кто это?

Автор. Хлестова - ты ж слышала! *(Чуть помолчав.)* Это - старуха Хлестова. И это... Настасья Федоровна, моя матушка. Вам еще предстоит встретиться с ней. И я, честно говоря, опасаюсь этой встречи. *(Улыбнулся.)* Но... Она теперь в Новинском, под Москвой... И слава Богу, что в Новинском! И что не надобно ничего объяснять!

Вертлявый человечек возник среди гостей - кругленький, лысый, в статском. Кланяется на все стороны. Держит под рукой какую-то папку. Может, текст пьесы...

Один из гостей *(другому).*

При нем остерегись! Переносить горазд!
И в карты не садись - продаст!..

А кругленький подошел к Софье:

Кругленький. На завтрашний спектакль имеете билет?

Софья. Нет.

Он взял ее под руку, отвел в сторонку и что-то зашептал.

Появился **Офицер** в летах - и восторженно, на публику:

Офицер.

Ждем князя Петра Ильича -
А князь уж здесь! А я забился там, в портретной!

Автор *(Ей).* Это Фамусов. И это мой дядя.

Фамусов *(оглядываясь).*

Где Скалозуб Сергей Сергеич? А?..
Нет, кажется, что нет! Он человек заметный!..

Она *(Автору).* Твой дядя?

Автор. Да. Он, как лев, дрался при Суворове, а после... лет тридцать пресмыкался во всех передних. Любимый мотив поучений его был: «А вот я, брат!..» *(Усмехнулся печально.)* Понимаешь?.. это - старая Москва! Трудно объяснить. Мы, может, однажды... еще явимся туда...

А кругленький, лысый, с папкой - подошел к Автору.

Автор *(ему, почему-то тоскливо).* И ты здесь?

Кругленький. А где мне еще быть?.. Сам начертал, если помнишь, при отъезде.. "Оставляю мое «Горе» Фаддею..." *(Раскрыл папку, показывает.)* Вот, тут написано! "Оставляю мое «Горе» Фаддею"... То-то, брат! Не вырубишь топором. Так что теперь, почитай, это как бы и моя пьеса!

Автор *(легко).* Согласен! Пусть твоя.

Фаддей. Чудак ты! Чудак!.. Ежели б я, к примеру, сочинил такую пиесу...

Автор. И что бы ты сделал?

Фаддей. Я бы носом рыл землю - от Петербурга и до Персии! Но пробил бы на сцену! Неужто ты надеешься создать что-нибудь повыше ее?
Автор. М-гу. Надеюсь.
Фаддей. Но концовку все равно придется менять. Попомни мое слово!

Исчез в толпе гостей.

Она *(Автору, когда он вернулся к ней)*. А кто это?
Автор. Еще один сочинитель российский.
Фамусов *(торжественно)*. Сергей Сергеич Скалозуб!

Входит высокий военный.

Хлестова.

Творец мой! Оглушил! Звончее всяких труб!..

Фамусов.

Сергей Сергеич! Запоздали!
А мы вас ждали! ждали! ждали!..

Хлестова *(Софье).*

Ведь полоумный твой отец!
Дался ему трех сажен удалец!..

Княгиня с князем и дочерьми и прежней Молодой дамой:

Княгиня *(заметив человека, который, стоя где-то сбоку, разглядывал все и всех, - с интересом и вместе с рассеянностью).*

С-с!.. Кто это в углу, вошли мы, поклонился?..

Молодая дама повела плечом в неведеньи. А тот, о ком шла речь, поблуждав немного без толку и без цели, набрел глазами на Автора и направился к нему.

Автор *(ему)*. Вот на! Я и не знал, что вы посещаете балы!.. Пушкин на бале у Фамусова! Каково?..
Пушкин. А я теперь - жених. Собираюсь жениться! Ищу невесту в Москве. Говорят, их всех, невест. вывозят из Москвы! *(Рассмеялся легко.)* Что вы написали в своей комедии? Все невесты Москвы, как две капли, похожи на вашу Софью!
Автор *(помрачнел)*. Так вышло. Случайно, должно быть...
Пушкин. Почему случайно?
Автор. Просто больше не выходит. Не получается.
Пушкин. Бросьте! Так не бывает.
Автор. Бывает, верно! ежли это есть!.. Вообще, эта комедия привиделась мне во сне. Может, она и была случайность?..

Пауза.

Пушкин *(помолчав)*. Готовите что-нибудь новое?
Автор. Да. Нет... Так... Одни планы, наброски!.. *(Чуть помолчал.)* Сочиняю одну драму. Из собственной жизни. Но... Боюсь, и ей судьба - остаться только планом.
Пушкин. Что ж... Хороший план - уже сам по себе выигранная

кампания. *(Постоял еще, огляделся).* Ладно. Пойду. Там, кажется, затеваются танцы. А я, как-никак, московский жених!..

Уходит.

На площадке Комедии выстраивается военный оркестр.
И музыканты пробуют инструменты...

Она *(Автору, в недоумении).* Пушкин?.. А он тут при чем?

Автор *(легко).* Ну, как же!.. Он москвич, как и я. И теперь, по-моему, как раз в Москве...

Она *(резко поворотилась к нему и с испугом).* Так это твой сон или твой театр?

Автор *(неопределенно).* Ну, знаешь... Поскольку мой театр тоже нечто из области сновидений...

Грохнула музыка. И публика двинулась в круг, разбиваясь на пары.
И Автор - громко, пытаясь перекрыть этот гул:

Понимаешь, это - старая Москва! Ее, может, и нет такой давно... Она, может, и не нужна никому - такая. Но... Там блуждал когда-то мальчик... который был я... которого все знали, и он знал всех... который что-то обещал собой... что-то исполнил, а что-то не исполнил...

Гости, быстро покидая бал, минуют просцениум.

Графиня-внучка *(увидев Автора, пожаловалась).*

Ну, Фамусов! Умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света!

Скрывается.

Она *(Автору).* Ничего не понимаю!

Автор *(позабыв про нее).* И о чем они так долго?..

Пауза.

(Повернувшись резко.) Карету госпожи посланницы!

Она. Ты отсылаешь меня?

Автор *(быстро).* Да! Прости! Ты ж слышала?.. «Ночь - светопреставленье!».. С Покровки ехать час! Ухабы, призраки... А на пути в Новинское и вовсе не горят фонари. И ты будешь без меня на темной дороге. Вдруг лошади понесут?..

Она. Ты меня обманываешь!

Автор *(страстно).* Да нет же, нет! Уверяю тебя!

Она. Как все стали беречь меня! До противного!

Автор *(улыбнулся).* Берегут не тебя, а то, что в тебе. Прости. Людям это свойственно - относиться с уваженьем к человеку дважды... При рождении его и в час смерти. Вот только в промежутке у них что-то не получается...

Она. Я никуда не поеду!

Автор. Пойми! Мне будет легче справиться со всем этим... ежли никто не будет знать, что ты здесь, со мной.

Она. Правда? Я согласна... Но тебе ничего не грозит?..
Автор. *(Как можно убедительней.)* Нет! Нет!
Она. Вот, потрогай!.. *(И положила его руку себе на живот, жалобно.)* Не бьется еще...
Автор *(чуть поспешно)*. Я говорил с Мальмберхом. У тебя все в порядке. Ты просто торопишься!..
Она. Но ты позовешь меня снова?
Автор. Да, да... Конечно. Разумеется!
Она *(зевнув)*. Я и вправду устала. Я стала быстро уставать. Это все от того?
Автор. Да.
Она. Почему-то все время хочется спать. Спокойной ночи, любимый!
Автор. Спокойной ночи! Не бойся! Я сочиню для тебя счастливый конец!
Она *(зевая по-детски)*. Да? Ты уж что-нибудь придумай...

Он обнял ее, поцеловал... и выпустил из рук. Пауза.

Автор *(один)*. И о чем они так долго?..

И тогда - почти ворвался в его мысли Соломон **Маликов,** племянник Манучихр-хана, Вестник...

Маликов *(с порога)*. Он отказывается! Наотрез!
Автор *(спокойно)* Да? Ну, этого следовало ожидать.
Маликов. Почему?

Пауза.

Автор. И что он сказал?
Маликов. Что уйдет только в том случае, если вы сами прогоните его.
Автор. Вот видите, друг мой! *(Помолчал.)* А что еще? Вы ведь, как будто, там долго были?
Маликов. Да... Он говорил все очень быстро, очень взволнованно... Даже не все можно было разобрать! Он сказал - я помню, - что готов умереть... но только подданным Российской державы... и в границах ее... даже если только здесь! *(Жестом очертил круг у себя под ногами.)*
Автор *(усмехнулся)*. Хороша граница! Одни ворота, и те без запора! Сами могли видеть!.. Три двора и три дома без окон, без дверей, - одни занавески... Два десятка казаков, и почти без патронов. Но это он прав! Граница есть граница. Смотрите! Молодец! И я б, пожалуй, сразу так не выразил.
Маликов. А что мне передать дяде?.. Манучихр-хану?
Автор. То, что слышали. От меня и от господина Мирзы-Якуба. *(Помолчал.)* Скажите, я благодарен ему. Во всяком случае, он исполнил свой долг, как дай Бог всем нам! *(Еще помолчал.)* Передайте так же... Это лично моя просьба... если только в его власти... В теченье нынешнего дня не подпускать вас более к воротам Русской миссии!
Маликов. Почему?.. Ваше превосходительство?..

Автор не ответил. Пауза.

Автор *(уже иным, светским тоном)*. Вы давно в Тегеране?

Маликов. Месяца два...

Автор. А как долго намереваетесь пробыть?

Маликов. Не знаю еще... Это зависит не от меня. Я приехал сюда с бабкой моей. Матерью Манучихр-хана. Она много лет не видала сына. А мне надлежит после сопроводить ее домой.

Автор. А-а... *(Усмехнулся.)* Так вот зачем среди прочего был нужен этот злополучный Туркманчайский мир? Чтобы могущественный Манучихр-хан смог, наконец, свидеться с родной матерью... Забавно! Ступайте, друг мой. Я вас больше не удерживаю.

Маликов. И все?.. И я больше ничего не могу сделать для вас? Моя роль окончена в этой истории?

Автор *(улыбнулся)*. Хм... Вы милый юноша. Я рад буду встретиться с вами как-нибудь потом. В Эривани... или в любом другом, любезном сердцу месте. Кончится ж это когда-нибудь! *(Уже совсем легко.)* А пока... Идите и доспите спокойно. Если вам удастся...

Маликов, поклонившись, уходит.

(Ему вслед, зло.) Беда с этими армянскими юношами! И все-то они лезут! И куда ни попадя! И куда не спросясь!..

Пауза. Он один. По другую сторону от него полутемный просцениум минуют последние гости несостоявшегося бала. И **Фамусов** со свечой вышел их проводить. Иные задерживаются подле Автора, словно прощаясь. Старуха **Хлестова,** она же матушка Настасья Федоровна, остановилась перед ним:

Хлестова *(с вызовом, а может и с материнской жалостью к нему)*. Только помните, мой сын! Мое имение в Троицком - оказалось пуф! просто пуф!.. *(Изобразила.)* Сперва я покупаю его и трачу последние деньги, рассчитывая на что-то. Потом... эта распря с крестьянами, и... я вынуждена продать за бесценок, дабы не потерять все! И теперь лишь от состояния ваших дел и вашей карьеры зависит благополучие вашей матери.

Автор *(с улыбкой)*. Я даже не могу умереть? По случаю? Волей судеб?

Хлестова *(жестко)*. Нет. Не можете! Это было б несправедливо! Я даже сказала б так: это была б последняя ваша несправедливость по отношению к вашей бедной семье. А эти ваши выдумки... *(Передернула плечами.)*

Уходит величественно.

Потом **Фаддей** возник перед ним с папкой под мышкой.

Фаддей. А концовку все равно надо менять! Я тебе как писатель, как Фаддей Булгарин говорю!..

Уходит.

Пушкин в дорожном плаще вдруг остановился и воротился.

Пушкин. Я хотел сказать еще... Ежли б Дант сочинил один лишь план своего «Ада», - и то это было б уже гениальное творение!
Автор *(усмехнулся)*. Может быть... Но чтоб это стало всем ясно - Данту следовало сперва написать свой «Ад»!

Пушкин кивнул и вышел. Пауза. Появился **Фамусов** со свечой в руке. По-хозяйски осветил пустой просцениум, Автора.

Фамусов.
Вот, то-то! Все вы гордецы!..
Спросили бы, как делали отцы!
Учились бы, на старших глядя!
Мы, например... или покойник-дядя...

Скрывается.

Пусто. Никого... Лишь этот одинокий стул и словно поникшая, без людей, декорация. На стуле - забытая легкая накидка.

Автор. Может... накидка - это слишком банально? Или скажут - сантимент? *(Пожал плечами.)* Ничего не могу поделать с собой! Сумасшедшая нежность! Сумасшедшая нежность!..

Пауза. Спальный шум.

(Поднял голову.) Что там? Где это так шумят?
Сашка *(вошел и - меланхолически)*. А толпа явилась под наши вороты!

Картина третья

Время чуть двинулось. На часах основного действия теперь около 9 утра 30 января 1829-го... Автор теперь в сюртуке, а не в домашнем халате. Подтянут, элегантен, несколько сух. Вероятно, он успел побриться.

Автор беседует с Мальцевым под крики толпы.

Автор. И что они требуют от нас?
Мальцев *(виноватым тоном)*. Выдачи Мирзы-Якуба.
Автор. Только и всего? *(И усмехнулся надменно)*.
Мальцев *(принял всерьез)*. Нет... Еще тех двух женщин - грузинок. Чтобы вернуть их в гаремы.

Пауза. Крики.

Что делать? Александр Сергеич?..
Автор *(даже как-то весело)*. Все! Кроме того, что делать не надлежит!
Мальцев. А что же?.. не надлежит?..
Автор. Поступаться принципами, мой милый! Поступаться принципами! (*Без перехода.*) Рустам не появлялся?
Мальцев. Нет. Не появлялся. Я сам в волненьи уже!
Автор. Ну... такой богатырь - что с ним станет? Они боятся его, как огня. Вся эта базарная толпа. *(Та же надменная усмешка.)* А этот Маликов, племянник Манучихр-хана! Какой милый юноша. Вы видались с ним?
Мальцев. Да. Во всяком случае весьма благородного виду.

Автор. И подумать... что этот злосчастный Мирза-Якуб был когда-то таким, как он! Вы это можете представить себе?

Мальцев. Нет, Александр Сергеич!.. Если честно...

Автор *(нахмурился).* Ну, почему же? Такой же молодой человек. Как вы - молодой человек!..

Мальцев. Опять кричат!

Автор *(спокойно).* Кстати... Дадашев здесь?

Мальцев. Да. А он вам нужен еще?

Автор. Конечно! Я не вижу поводов ничего отменять.

Пауза, в которую Мальцев против воли продолжает прислушиваться к крикам.

Автор *(жестко).* Иван Сергеич! Персидские сарбазы стоят в карауле на воротах посольства?

Мальцев. Стоят...

Автор. Так пусть себе персидский караул и справляется с персидской толпой. Нам-то что за дело?!

Мальцев *(виновато улыбнулся).* Ежли б мы уехали отсюда три дня тому! И ничего бы не стрялось!

Автор. Оставьте! Может... Мы с вами поймем когда-нибудь... что эту историю с Мирзой-Якубом наслал нам Господь! И не токмо за грехи... Но дабы мы сознали в ней самих себя!

Пауза. Мальцев уходит неслышно.

Автор один. И призраки его мысли вновь обступают его. Сперва он играет в шахматы - со старым **Манучихр-ханом...**

Автор. Но почему все уперлось именно в него, в Мирзу-Якуба?

Манучихр-хан. Потому что он евнух! Шаха!

Автор *(чуть помолчал, словно набрав воздуху в легкие).* Высокочтимый Манучихр-хан... мы с вами подписывали Туркманчайский трактат о мире?.. Между Персией и Россией?.. Вы со своей стороны, с персидской. Я со своей.

Манучихр-хан. Да. Подписывали!

Автор. Там есть пункт о размене пленных с обеих сторон?

Манучихр-хан. Да. Есть.

Автор. Видите ли, мой высокий друг!.. Я сам озаботился, чтоб существовал этот пункт... и сам составил его в настоящей редакции. А... мы все в долгу перед тем, что написано нами!

Манучихр-хан. Да. Но... У каждой страны свои нравы, обычаи... И кроме Туркманчайского трактата, как вам известно, существует еще шариат. Свод законов ислама. И когда люди позабудут - и наш трактат, и войну меж Персией и Россией... и, конечно, нас с вами! - шариат все будет существовать!.. *(Помолчав.)* Мы надеялись на разум. На разумный подход... Ибо никакой трактат не способен предусмотреть всех случаев.

Пауза. Играют.

Автор. Какие тяжелые фигуры! Чувствуешь тяжесть в руке!

Манучихр-хан. А это индийские шахматы. Старинные. Это вообще старинная игра. Ее придумали некогда как аналогию нашему грустному миру... А вы, европейцы, превратили ее в безделку.

Автор *(с усмешкой)*. Бедная Европа! И сколько на ней вин! И еще одна!..

Манучихр-хан. Они потому такие тяжелые, чтоб ощущалась тяжесть каждого хода.

Отодвинулся в тень. Пауза.

Пушкин *(появляясь)*. Все-таки... удивительная у вас эта тема: два евнуха! Я б за нее дорого дал. Это самое интересное в вашей драме! Два человека одной судьбы, и один служит тому, что некогда растоптало его - и преданно служит! А другой взбунтовался. Взбунтовавшийся раб!.. Я б только оставил их двоих. Манучихр-хана и того, другого. И пусть бы сшиблись меж собой!.. Как Моцарт и Сальери.

Автор. При чем тут Моцарт и Сальери?

Пушкин. А вы не слышали?.. Говорят, что Сальери отравил Моцарта. Есть слух. Вполне определенный. Не верите?

Автор *(улыбнулся)*. Не верю. Если честно.

Пушкин. А я верю. Тот, кто мог из зависти освистать «Дон-Жуана», мог отравить и его творца. Представляете, что это? Освистать «Дон-Жуана»?!

Автор. Но это все-таки, согласитесь, разные вещи. Освистать или убить.

Пушкин *(жестко)*. Нет. По мне это одно.

Автор *(улыбнулся)*. Вы слишком большое значение придаете искусству в этом мире!

Пушкин *(чуть иронически)*. А вы?..

Автор. А я все думаю... Помнит ли он, Манучихр-хан, что случилось с ним тогда, в его восемнадцать лет? Забыл или делает вид?.. Но не может же быть, чтоб я за него помнил об этом, а он об этом забыл!..

Пауза. Крики толпы. Входит Дадашев. Впрочем, он, верно, вошел несколько ранее и покуда стоял чуть поодаль, явно в растерянности, наблюдая, как его превосходительство разговаривает сам с собой.

Дадашев. Вай! Я думал, вы забылы написать обычное обращение к шаху. Я просто вставыл слово!..

Автор. Вы прекрасно понимали, что я не забыл. Просто вы позволили себе то, что позволяли при прежних посольствах. Пользуясь тем, что никто, кроме вас, не знал по-персидски. Или плохо знали.

Дадашев *(с гордостью)*. Да. Я знаю па-персыдски! И нэ толко язык!

Автор. Что еще вы знаете?

Дадашев. Что это за народ, ваше прэвосходытелство!

Автор. Народ как народ. Как все народы. Состоящий из умных и

глупцов. Из воров и праведников. Из предрассудков низких и высот духа!..

Дадашев. Да, поймы ты!.. Алэксандр Сэргеич! Тут Восток! Тут тэбэ нэ Запад, панымаешь?

Автор. Я не припомню, Дадашев, чтоб мы с вами пили на «ты».

Дадашев *(вскипая).* Да какая разница! «Ты», «вы»!... Ваше прэвосходытелство! Толпа под воротами! Молла-Мэсых объявил джихад! Священную войну!.. Мырза-Якуб - второе лицо в эрдэрунэ шахском! Его нэ выпустят живым отсуда!

Автор. То уж моя забота, Дадашев! Моя!.. *(Помолчал. И с силой.)* Сколько раз я слышал это!.. Запад не Восток! Восток не Запад! Солнце не Луна! Луна - не другие светила!.. Я не собираюсь исповедывать - и ни при каких обстоятельствах! - иные законы... нежли те, что внушены мне моей природой или Богом... или воспитаньем моим!

Дадашев. Мое дело - сторона! Мое дело - прэдупрэдить! Слышите?..

Крики толпы.

Автор *(насмешливо).* Боитесь?

Дадашев. Что - боитесь?.. *(Встал в позу.)* Дадашев - из Грузии! Дадашев нычего нэ боится!

Автор. Тогда о чем речь?.. *(Вручил ему папку с нотой.)* Вернется Рустам... узнаем, что там делается, и тотчас пошлем Хаджатура с нотой. Я тут все переправил. Еще резче. Так что...

Дадашев. *(упавшим голосом).* Отдать Мирзе-Сулейману? Пэрэписать?

Автор. Каллиграфическим почерком? Нет, не надо. Обойдутся и моим. Корявым. В данных обстоятельствах! Не хочу их баловать. Даже почерком!

Дадашев в растерянности уходит. Пауза.

Булгарин *(появляясь).* Я рад, скажу откровенно, что ты занялся, наконец, пиесой из собственной жизни! Я доволен тобой. Теперь нужны писатели самой жизни. *(Все так же с папкой под мышкой.)*

Автор. А что это, не можешь сказать - писатель самой жизни?

Булгарин. Только не разноси, пожалуйста, эту мысль. Я сам намерен тиснуть ее в печати. Но учти, не все твои воспоминания годятся в дело!

Автор. Например?

Булгарин. Сам знаешь!.. То, что ты привлекался после декабря и даже сидел в остроге.

Автор. Всего лишь на гауптвахте Главного Штаба.

Булгарин. Это вон! Все вон!

Автор. А про дуэль Завадовского с Шереметевым?

Булгарин. Можно. Но не нужно!.. Сама дуэль еще куда ни шло... Но там вмешан Якубович... А он теперь, после декабрьских дел, выражаясь по-вашему, дипломатицки - персона нон грата! Вообще, любое упомина-

ние об четырнадцатом декабря...

Автор. И откуда ты все знаешь, что нельзя, что можно? *(Помолчал. Уныло.)* А про петербургское наводнение?.. можно?..

Булгарин. Да. Только осторожно! Без страстей господних.

Автор. Постой! Но ты ж сам, по-моему, расписывал на все корки в своей «Северной пчеле» все ужасы этого наводнения?

Булгарин. Так это когда было! Наводнение было при одном царе - а теперь у нас другой! Было при Александре Павловиче, а теперь Николай Павлович.

Автор. А при этом разве не бывает наводнений?

Булгарин. Не знаю. Пока не было!

Исчезает.

И возник снова **Пушкин**. Как будто что-то запамятовал - сказать или спросить.

Пушкин. А правда, что вы под пистолетом Якубовича держали кулек с вишнями и забрасывали их в рот, выплевывая косточки?..

Автор. Молод был. Глуп. Он и отстрелил мне два пальца. И правильно сделал!.. *(Пошевелил пальцами левой руки.)* Чтоб не шутил со смертью.

Пушкин. ...и что он сказал вам будто?.. «Тебя убьют в другой раз, когда у тебя будет боле оснований дорожить жизнью»?.. Что-то в этом роде?

Автор *(пожал плечами)*. Все все знают!

Пушкин. Меня ужасно привлекает этот сюжет!

Исчезает.

И снова старый мудрый Манучихр-хан играет с ним в шахматы.

Манучихр-хан. Вы наивный человек, мой уважаемый друг! Я б даже сказал - наивный европейский ум. Вы ввязались в эту распрю из-за Мирзы-Якуба, почитая его несчастным существом, заслуживающим жалости и лучшей участи. Но здесь, в Персии, вовсе не считают так!

Автор *(ровным тоном)*. А что же здесь считают?

Манучихр-хан. Напротив! Его возвысили. Вознесли! Оказали доверие, какое не оказывается простым смертным! А он как раз явил в ответ черную неблагодарность!

Автор. Может быть... А вы сами как считаете? Вы, высокочтимый Манучихр-хан?.. *(Не дождался ответа. Вздохнул.)* Ваш ход!

Манучихр-хан. Да-да... *(Сделал свой ход.)* Во всяком случае... ему, Мирзе-Якубу то есть, дано было зреть владык земных, на земле равных богам, в те минуты, когда и они - всего лишь смертные люди. М-м... и вы хотите, чтоб теперь его - вообще кого-то! - с этим знаньем выпустили отсюда?

Автор. Всего лишь домой. В Эривань. Доживать свой век!

Пауза.

Значит, речь о том, что некто Мирза-Якуб знает слишком много?..

(Усмехнулся). Но сия мысль не составляет уж привилегии одного Востока! Это, я бы сказал, нечто среднечеловеческое!..

Манучихр-хан. В конце концов, сознайтесь: страсти, любовь - это все прекрасно, кто спорит, но разве менее прекрасно в один прекрасный момент избавиться от всех страстей? Возвыситься над ними. И в этом, на миг хотя бы, приблизиться к Богу. *(Сложил ладони молитвенно.)* Да простит мне Аллах сие тщеславное и дерзкое помышление! Увидеть жизнь со стороны... Лишь сострадая ей. Но не удивляясь.

Автор. О-о!.. Знакомая мысль! Я сам пробавлялся ею несколько времени. В молодости. Перегоревши в страстях, и... *(Не договорил.)* Я даже заплатил за нее жизнью. И, к сожалению, не своей... Но... я видел тут на дни вашего племянника...

Манучихр-хан *(быстро).* Он понравился вам?

Автор. Да. Весьма милый юноша. Благородный. И есть в нем что-то такое хрупкое, трогательное, что не часто встретишь в нашем мире.

Манучихр-хан *(с явным удовольствием).* В этом юноше течет благородная кровь! Мы - очень известная в Армении семья! А это сын моей сестры. И он мне вместо сына. У меня ведь нету своих детей.

Автор *(помолчав).* А вы смогли бы эту мысль - о счастье... об удалении от страстей внушить ему? В его восемнадцать лет? Или... Мирзе-Якубу - тогда, в его восемнадцать?.. *(Двинул фигуру.)* Шах!

Манучихр-хан. Что?

Автор. Вам шах, высокочтимый Манучихр-хан. Мы ж, по-моему, играем в шахматы.

Манучихр-хан. Простите. Когда я слышу слово «шах», и даже в игре... *(Провел рукой по лицу.)*

Молча продолжает игру...

Пушкин *(появляясь).* Плюньте на Буало! Нам, русским, не подходит Буало. Я давно это понял...

Автор. Почему вы так уверены?

Пушкин. У нас слишком большая страна! Слишком пространная!..

Сашка *(вбегая).* Рустам растерзан толпой на улице! *(Автор молчит.)* Александр Сергеич!

Автор. Что?

Сашка. А то, что Рустама растерзала толпа! Вот что!

Автор. Слышу.

Сашка. Его бросили к ногам персидских сарбаз!.. Ну, а они втащили к нам! Беда! И как его только подняли! Такой богатырь!..

Автор. Так он здесь, в миссии?

Сашка. Да... Вы зашли бы к нему. Он сейчас помирать будет.

Автор *(машинально).* Рустам растерзан толпой на улице!.. Сейчас! Иду, иду! *(Быстро двинулся по сцене, Сашка за ним.)*

Сашка *(на ходу)*. Ну и туча там народу перед воротами!
Автор *(остановился и - сам с собой)*. Рустам растерзан толпой на улице! *(Поморщился.)* Проклятая профессия!.. Слышишь смертную весть - и то... не можешь не думать о совершенстве фразы! Проклятая профессия!..

Удар! Сильный грохот. Это рухнула снова на пол стенка второго этажа.
Удары - еще и еще...

Сашка. Что это, Александр Сергеич?..
Автор *(спокойно)*. Ничего. Это камни, брат! Камни!

Картина четвертая

Время еще сдвинулось. Сейчас в осажденной Русской миссии в Тегеране - 11-й час утра. И колесики уже начинают отстукивать минуты катастрофы.**Автор** теперь не в сюртуке, а в своем официальном платье - во фраке с белоснежной манишкой (костюм, который он некогда столь порицал). Беседует с **Дадашевым.**

Дадашев. Рустам умырает!
Автор. Я знаю. Я только что от него. *(Усмехнулся грустно.)* А помните, как он шел по базару, едва поводя плечом?.. И вся эта толпа базарная отшатывалась либо отхлынывала от него!
Дадашев. За то с ным и расправылысь! Так я думаю!
Автор. Наверное... *(Пожал плечами.)* Растерзать такого сильного и роскошного зверя!..

Пауза.

(Ровным тоном.) Что с нотой? Отесли уже?
Дадашев. Нэт! Александр Сэргеич! Хаджатуру нэ пройты! Все обложено!
Автор. То есть как не отнесли?.. Они должны получить эту ноту! Я в ней все назвал своими именами, как, каюсь, не называл прежде... и даже в последние дни! Я пишу: «Ежели будет причинен малейший ущерб Русской миссии...»
Дадашев. Хаджатуру нэ пробраться! Кругом толпа!
Автор. Не верю. Значит, плохо искали!
Дадашев. Мы искали хорошо. Все равно нэ пройти!
Автор. Попробуйте еще! Должны быть какие-то дворы... задворки, проулки... Хотя бы через двор нашего мехмандаря! Не может быть, чтоб нас так уж обложили! Как зверя!..
Дадашев. Через двор мехмандаря?
Автор. Да, что вас удивляет? Вообще позади миссии много дворов!..

Сильный удар. Они невольно примолкли.

Дадашев. Развлэкаются!..

Пауза.

(Весь подобрался, выпрямился. И решился.) Александр Сергеич! Это так нэ

пройдет - само собой! Надо бросыть им кость!
Автор. Что?.. Не понял.
Дадашев. Кость, я говорю, - как бросают голодным псам!
Автор. Какую кость? Что за кость?
Дадашев. Большую. Жирную! Мырзу-Якуба!
Автор *(теперь уже нарочито и надменно)*. Не понимаю!
Дадашев. Надо им выдат Мырзу-Якуба! Иного выхода нэт!
Автор. Да вы что?.. С ума сошли! Да как вы смеете?
Дадашев. Смэю, ваше прэвосходытелство! Смэю!.. Нэ толко вы стоите тут, под камнами! Мы тоже стоим!
Автор *(надменно)*. Кто это - мы?
Дадашев. Миссия! Посолство! *(Чуть помолчал.)* Протывно, канэшно! Кто спорыт? Протывно!.. Уступать! Но иного выхода нэт.
Автор *(помолчав)*. Я хотел бы знать, Дадашев... что в поведении моем, в моей жизни... в сказанном или написанном мной... дало вам повод предлагать мне такое?
Дадашев. Какой повод? Ныкакого повода! Камны лэтят - вот и весь повод.
Автор. А ежели затем они потребуют выдать вас?..
Дадашев. Зачем? Я не евнух шаха.
Автор. А ежли - Мальцева?..
Дадашев. А что - Мальцев?
Автор. А Мирзу-Сулеймана?.. *(Помолчал. Ровным голосом.)* Ну, вот что, Дадашев! Миссия и впрямь в трудном положении. Я позволить не могу, чтоб тут мутили воду. Можете сдать дела и убираться отсюда.
Дадашев. Куда, ваше прэвосходытелство?
Автор. Куда хотите. На все четыре стороны.
Дадашев. Я рад бы убраться, да нэкуда! Кругом толпа!..
Автор *(срываясь)*. Вон отсюда!

Дадашев быстро вышел. Пауза. Осторожно заглянул Мальмберх.

Мальмберх. Что такое? Что здесь стряслось?..
Автор *(пожал плечами и так же осторожно)*. Рустам?..
Мальмберх. Нет, жив еще. Но странно, что жив. Ему отбили все внутренности.
Автор. Бедный Рустам! Не думал, что он станет первой жертвою этого дня. Может, единственной?..

Пауза. Удары.

Мальмберх. Ну-с... Вы... надумали что-нибудь?..
Автор *(усмехнулся грустно)*. И вы? Про Мирзу-Якуба?..
Мальмберх. Нет. Я вообще про все!.. *(Неопределенный жест.)*
Автор. О, да. Конечно. Надумал! Я жду!... *(С усмешкой над собой.)* У человека, терпение коего столь очевидно искушают, остается один

выход. Ждать! Хотя... в отличие от утра... Я знаю теперь, что это еще не конец. Даже и не начало конца.

Мальмберх *(усмехнулся)*. А что это - по-вашему?.. Конец начала?

Автор *(не ответил)*. ...Растерзать зверя и окутаться его шкурою!..

Мальмберх. О чем вы?

Автор. Не знаю. Я все время разговариваю сам с собой.

Мальмберх *(понял его мысль)*. Боитесь сойти с ума? Не удастся! У вас слишком сильная конституция духа!.. *(Помолчал.)* А что касается Мирзы-Якуба... опасаюсь, с этим всем вы останетесь в одиночестве в этом дне.

Вышел неслышно.
И теперь люди так и будут входить к нему и уходить
от него - неслышно, как мысли.
Поодаль от него **Дадашев** и **Мальцев.**

Мальцев. Что стряслось? Вы поссорились?

Дадашев. Нэ говоры! Он прогнал мэня! Прэдставляешь? Куда мэня тэперь можно прогнать? А?.. *(И хлопнул Мальцева по плечу весьма весело. Тот едва устоял.)* Он - сумасшедший, по-моему.

Мальцев. Брось! Как ты смеешь? Он расстроен, верно.

Дадашев. А я тэбэ говорю - сумасшедший! Он все время разговаривает вслух сам собой! Нэ заметил?

Мальцев *(растерянно)*. Нет...

Удары и крики... **Автор** увидел **Пушкина** и - ему:

Автор. А как вам Мальцев?.. Как персонаж, то есть?

Пушкин. Не знаю... Пока в нем несколько характеров. Либо нет ни одного!.. А может, так надо? А может, это и есть новый человек из нового поколения?

Автор. Он скромен, прилежен... Я взял его в миссию по рекомендации нашего с вами общего друга Всеволожского.

Пушкин *(улыбнулся)*. При мне служащие чужие очень редки! Все больше сестрины, свояченицы детки...

Автор *(помрачнев)*. Вот именно! Вот именно! А с тех пор, как я стал мужем грузинки и породнился сразу тем самым с половиной Грузии... почти весь штат моей миссии... *(Махнул рукой.)*

Пушкин *(с откровенным любопытством к нему)*. А трудно это, должно быть, - создать сразу великую комедию? Чтоб она, так вот, на ваших глазах... изошла на слова, пословицы и протчая. И все бы их повторяли - так, будто вы тут ни при чем?

Автор. Не говорите! Все равно что без конца выслушивать надгробное слово самому себе.

Пауза. Крики.

Хорошо, что я не взял вас с собой!.. Вместо Мальцева.А вы просились!

Исчез Пушкин. Автор один...

К нему вновь входят персы - много персов.
Несут шубы на вытянутых руках. Молчаливое шествие. Словно парад растерзанных зверей...

Автор *(с усмешкой).* Искушаете?.. Ну-ну! *(Тронул один из мехов.)* Примерить, что ли? Так, одну... Для интересу! *(Набросил шубу на плечи.)* Хороша! Не скажешь! Только плечи оттягивает! К земле гнет! С непривычки, верно. Может, с отвычки?.. *(Скинул. Набросил другую.)* А что? Или в самом деле... Сесть в сани, набросить на плечи и... лети! По бесконечной русской равнине! Куда, зачем?.. А не все ль равно? На тройке с бубенчиками! Лишь зовет колокольчик под дугой! Да метет в лицо - снежный дым отечества!.. *(Усмехнулся мрачно.)* Нет, и эта тяжела. Отвык в южных краях. И как только люди полгода - полжизни носят такое?..

Пауза.

(Тоскливо.) Тройка - это хорошо! Только с чем сесть в тройку?..

Удар! Все скрылось.
...сел за шахматный столик. И напротив него оказался вновь старый мудрый **Манучихр-хан.** Особо доверенное лицо в этом странном мире...

Автор *(сделав свой ход).* А что все говорят про эти лишних десять минут у шаха? Это было так заметно?

Манучихр-хан. Еще бы! Об этом без умолку говорил весь двор! Так без умолку - как болтают лишь при персидском дворе! *(Усмехнулся едва.)* Вы уже обратили вниманье на эту особенность? Полагаю, и при дворах других государей... Во всяком случае мне известно - английский посланник немедля сделал об этом представление собственному правительству!

Автор. Хм!.. А я и не подумал! У нас с шахом был дельный, серьезный разговор... Мне некогда было.

Манучихр-хан. Боюсь, все решили, это - политический маневр. Чтоб дать понять Персии, что она побеждена.

Автор. Фу, глупость! Мне было не до того. Мои туфли жали. И мне ужасно хотелось пить!.. Я вам тоже могу сказать... что вас всех здесь волнуют удивительные вещи...

Манучихр-хан. Каждое свое, мой друг. Каждому свое! *(Пауза игры.)* Вы можете потерять эту фигуру! Вы так продвинули ее, как будто, по меньшей мере, ферзь стоит за ней. Но ферзя вы лишились уже!.. Там, в Туркманчае, признаюсь, вы показались мне политиком куда более реальным...

Автор. Это угроза?

Манучихр-хан. Нет. Что вы! Предостережение. И самое дружеское!.. Что теперь стоит за вами? - хотел бы я знать!..

Автор. Но... безопасность посольств и неприкосновенность их террито-

рий гарантируется, по-моему? Испокон веку?.. Со времен персидского царя Кира. Или Дария. Не припомню уже. Прошу извинить мне слабую память. Там кто-то из них был весьма оскорблен в древности тем, что греки убили его послов.

Манучихр-хан. Да, конечно. Гарантируется. Но только... Теперь ясно и ребенку - и в Персии это ясно всем, - что сорок тысяч войска графа Эриванского... им нынче не до нас! Они слишком заняты. В войне с Турцией.

Автор *(усмехнулся)*. Увязли, хотите сказать? Увязли. Что делать?..

Манучихр-хан. И все здесь понимают, к сожаленью, и на всякий случай держат в уме, что генерал Паскевич - граф Эриванский - при всем своем желании не сможет явиться сюда. Хоть он и ваш двоюродный брат.

Автор. Всего лишь муж двоюродной сестры.

Манучихр-хан. Простите. Верно, наши данные не совсем точны. Муж двоюродной сестры? Его войско чересчур связано в горах Кавказа армией сераскира турецкого!.. А ваш государь.. (*Замялся, примолк.)*

Автор. И что же - наш государь?

Манучихр-хан. М-м... должен будет поневоле внять опасению, что... в какой-нибудь не самый благоприятный для России момент армия Персии соединится в горах Кавказа с сераскиром турецким... Ваш ход! Ваш ход!

Молча продолжают игру. Удары!

Булгарин *(появляясь)*. Все это хорошо. Но концовку все равно придется менять.

Автор. Какую концовку?

Булгарин. Да эту! *(Небрежно ткнул пальцем в папку под мышкой.)* Иначе не пройдет комедия на сцену!

Пауза.

Ну, великая комедия! Ну, гениальная. Ну, кто спорит?.. Но, признайся: концовочку сговнял?

Автор. Иди ты к черту! *(Помолчав.)* А ты думаешь, это так просто - изменить концовку?

Булгарин. Еще бы! Росчерком пера! Хочешь, поучу?

Автор *(насмешливо)*. Давай!

Булгарин *(торжественно, выждав паузу)*. Чацкий не уходит никуда. Он остается с Софьей! Только и всего!

Автор. Да ну?..

Булгарин. Не смейся!.. Я тут думал надысь, и мне пришло в голову... Он должен простить ее и все забыть! Зачем оставлять публику в мрачности? И потом - неопределенность... Все неопределенно. У нас не любят неопределенности. И куда уходит Чацкий, позвольте спросить? Может, на Сенатскую площадь?..

Автор. Не уходит - уезжает! «Карету мне, карету!» Там все написано.
Булгарин. А куда? Не скажешь?
Автор *(меланхолически)*. На Сандвичевы острова!
Булгарин. Почему на Сандвичевы?
Автор. Потому что! На Сандвичевых островах ничего не происходит. И там нет Сенатской площади.
Булгарин. Ну, не хочешь - как хочешь!
Автор. Да что ты пристал ко мне?.. Мне уже не исправить конец. Я отстал от Чацкого. Или устал. Нет его во мне! У меня теперь другая драма, понимаешь?..
Булгарин *(упавшим голосом)*. А какая?..

И тогда показался **человек** - среднего роста, неопределенного возраста в тоге и в сандалиях, как носили в Древнем Риме. Приблизился, но не подошел. Поклонился легко и с достоинством. И - Автору:

Человек. Ты зря вызвал меня! Я еще не могу ответить тебе, почему я так защищаю этот Рим далеко за его пределами, хоть он давно уж не тот... и давно не стоит - чтоб так защищать его.

И так же, с поклоном, удалился.

Булгарин. А кто это?
Автор *(легко)*. Ты не знаешь его. Его никто не знает и вряд ли узнает! Это римлянин Касперий. Посол императорского Рима на Востоке.
Булгарин. Опять твои фантазмы?
Автор *(поморщился)*. Надо говорить не «фантазмы», а «фантазии»... или «фантомы», на худой конец.
Булгарин. И откуда ты все знаешь, как надо говорить?.. *(Вздохнул.)* Так это и есть твоя новая трагедия? Какую ты, втайне ото всех, строчишь теперь в твоей персиянской тиши?..

Сильный удар! Исчез Булгарин.

Автор *(ему в след)*. Только и всего?.. Так просто! Обресть вечное блаженство! Одним росчерком пера! Изменить концовку?..

Пауза. Удары... И перед Автором возник другой: **Мирза-Якуб.**
Загнанный в угол человек...

Мирза-Якуб. ...и тогда я вырыл глубокий погреб в моей душе. В нем было сыро, темно. И лед там не таял!.. И я положил мою ненависть на лед. Я иногда, ночами, когда никто не видел, спускался к ней туда, в подземелье, со свечой... Чтоб только взглянуть, жива ли она там. Не испарилась? Не иссякла ль?.. Хотя порой уже и плохо представлял себе, зачем я храню ее. И тут я повстречал вас! Впервые! На аудиенции у шахиншаха. Царя царей. Средоточия вселенной.
Автор *(усмехнулся)*. И увидели во мне, наконец, орудие для своей ненависти?
Мирза-Якуб. Нет! Вы не дослушали! *(С силой.)* Выслушайте меня! Хоть

кто-нибудь ведь должен это услышать!
Автор. Я слушаю, слушаю! Таков мой удел. Я должен выслушать всех и попытаться понять... И даже тех, кто сейчас бушует там, за воротами, и швыряет камни.

Удар! И стоит перед ним уже вполне реальный **Мальцев** Иван Сергеич. И что-то спрашивает его, понять бы - что?..

Автор. Благоволите повторить!
Мальцев *(несколько озадаченный его рассеянностью)*. Я сказал: урядник казаков спрашивает, что им делать.
Автор. А что им делать? Ничего. При всех условиях не стрелять!
Мальцев. Но их искушают на то!
Автор. Ничем не могу помочь! Меня тоже искушают! Нашим первыми ни в какую огня не открывать! Покуда здесь стоят персидские сарбазы...
Мальцев *(упавшим голосом)*. А они могут уйти?
Автор. Спросите что-нибудь попроще, милейший Иван Сергеич! *(Улыбнулся.)* Не тревожьтесь так, друг мой! Это не всемирный потоп. Только наводнение!..
Мальцев *(робко и с затаенной надеждой)*. Только наводнение.
Автор. Да. А в наводнение единственный способ - ждать, пока схлынет волна. Иного выхода нет... Говорю вам по собственному опыту! Как человек, переживший сам все ужасы петербургского наводения.

Мальцев уходит. Удары.

Манучихр-хан *(за шахматным столиком)*. Хорошо! Я скажу! Не хотел говорить... это, как-никак, мой старый товарищ. Но... *(Помолчал.)* Люди нашего положения - это трудные люди!.. Во многом особые. И не одни вершины духа свойственны им. *(Усмехнулся едва.)* Многие из них корыстны, мстительны... Склонны мстить человечеству за свой удел. Хотя... Это крайность, конечно! Изыск природы!.. *(Помолчал.)* Но... как начальник евнухов шаха, могу вам сказать: Мирза-Якуб, коего взяли вы под защиту, - не лучший из нас! И более того... самый корыстный, себялюбивый, завистливый... Лизоблюд и доносчик. Раб номер один в толпе других рабов!
Автор *(чуть дрогнув)*. Благодарю за откровенность! Отвечу вам тем же. К решению, кое я должен принять в данных обстоятельствах... личные качества Мирзы-Якуба не имеют никакого отношения.
Манучихр-хан *(растерянно)*. А что же... имеет отношение?..

Пауза... Удар!

Появился **Булгарин** со своей папкой.

Автор *(глухо)*. Фаддей! Давно хотел спросить тебя... Правду говорят, это ты предал Кюхельбекера?
Булгарин. При чем тут я? Я был в Петербурге, а его взяли в Варшаве. И это всем известно.

Автор. Да, но будто ты описал его приметы в полиции... И с такой верностью натуре и самой жизни... *(Усмехнулся едва.)* Что его по этим приметам твоим узнали аж в Варшаве, куда он успел добежать...
Булгарин *(помолчав).* Я испугался тогда. Просто испугался...
Автор *(помолчав).* А знаешь что ты сделал?.. Ты убил Чацкого!
Булгарин. Одного из Чацких!

Пауза.

Автор *(мрачно).* Ну, да! Старая погудка. Еще древние знали ее... Когда разгуливаются стихии... нужно их задобрить. Принести жертву Маммоне!

Фаддей постоял, потом ушел куда-то, возвращается... В руках его средних, размеров, старый, плотно набитый портфель.

Что это?.. Что за портфель ты мне принес?..
Булгарин. А ты открой, открой!.. *(Дает ему портфель.)*
Автор *(взял машинально и несколько брезгливо).* А что это?..

...портфель слишком пыльный.

Булгарин *(скромно и с гордостью).* Портфель Рылеева! Со всем архивом его!
Автор. А как он попал к тебе?
Булгарин. В тот вечер!.. декабря четырнадцатого. Я зашел на квартиру к нему. Уже после всего. Он ждал ареста. И он вручил мне портфель!.. Видишь, храню!
Автор. Надеешься откупиться?.. Портфельчиком?
Булгарин. Надеюсь! И почему только портфельчиком?.. У меня и окромя кое-что есть!.. Чтоб бросить на весы. Ежли придет черед!.. А там - что перетянет! Что перетянет!..
Автор. А что у тебя еще?
Булгарин. Так... Некая комедия! «Горе от ума»! Не слыхал такую?..

Пауза.

(Вдруг зло.) Мужество! Мужество! Все - о мужестве! Ну, почему писателю обязательно нужно мужество?.. Разве вам недостаточно, что у него есть талант?.. Мужество! Что это за беспременный гарнир к изысканному блюду?!

С достоинством удалился - с портфелем и папкой.

Удары...

Сашка *(вбегая).* А чего это деется, Александр Сергеич? Чего это деется?
Автор. Что надо, то и делается!
Сашка. Еще бы!.. Как же это? Ить мы посланники, как-никак!..
Автор. Ну нет у меня для тебя другой страны пребывания! Какой-нибудь тихой, европейской... Где не швыряются камнями в посольство! Нету!
Сашка. Ить я, между прочим, все-таки в ответе за вас!

Автор. О-о! Это что-то новенькое!
Сашка. А как же-с! Случится что - мадам с меня голову снимут!
Автор. Какая мадам? Что за мадам?
Сашка. Известно какая! У нас теперь одна мадам. Ваша жена.
Автор. Вот ее, пожалуйста, оставь в покое! Ладно?
Сашка. А еще матушка ваша, Настасья Федоровна! Больно строгие дамы!.. Шкуру спустят, ежли не уберегу!
Автор. Слушай! Ты мне надоел!
Сашка. И сестрица ваша Мария Сергеевна!
Автор *(рассмеялся)*. Бедный Сашка! И сколько это шкур с тебя будут спускать?
Сашка. А сколько надо - столько и спустют!.. Александр Сергеич! Христом Богом прошу! Хотите, на коленки встану?.. *(Становится на колени.)*
Автор. Что с тобой? Что на тебя нашло? Встань сейчас же!
Сашка *(на коленях)*. Отпустите его!.. Пусть катится! Христом Богом прошу!
Автор. Кого - его?
Сашка. Да, евнуха этого! Мирзу-Якуба!
Автор. Ему некуда идти, Сашка. Некуда!.. Ему смерть за воротами.
Сашка. То уж не наша забота! Каждому свое! Служил им столько лет - пусть к ним и идет! Это все из-за него!..
Автор. Не из-за него, Сашка! Не из-за него.
Сашка *(поднимаясь с колен.)* А из-за кого же тогда?
Автор. Из-за меня! *(Усмехнулся мрачно.)* И ты искушаешь? *(Срываясь.)* Ты что себе волю взял мне советы давать?! Только оттого, что камни летят?

И Сашку будто смыло. Удары - один за другим.

Начинается не на шутку! Начинается не на шутку!

Пауза.

В стороне - **Дадашев** и **Мальцев.**

Дадашев. Ну, пойды ты к нему!.. Скажи! Я нэ могу! Он вэдь слушает тэбя! Нельзя ж так болше тэрпеть!
Мальцев *(помолчав)*. Дадашев! Он никого не слушает. Кроме самого себя.

Пауза... Автор рассеяно глядит на них. И...

Мирза-Якуб *(продолжает свою исповедь ему)*. ...и тут я увидел вас. Вы сидели перед шахиншахом лишних десять минут во время аудиенции. Но дело было не в том, не в этих лишних минутах... То могла быть случайность. Незнание персидского этикета. Хотя я готов был молить своего Бога и всех богов - лишь бы это продлилось!.. Вы сидели - как сейчас вижу - чуть откинувшись... чуть отставив ногу... В кольце врагов,

в сущности! Война ведь только что кончилась!.. Не в этом дело! Перед царем царей, центром мира и средоточием вселенной сидел смертный человек. Постите - невысокого роста, в очках, нескладный... Но с таким достоинством!.. И мне стало страшно, что я прожил жизнь... видел много на веку... Был поломником к святым местам... Но нигде не встречал такого достоинства! И вдруг - точно молния полыхнула мне в глаза! Я разом понял все! Что за сила стоит за вами!

Автор *(усмехнулся).* И какая сила?

Мирза-Якуб. Ваша огромная и прекрасная страна! Что была за плечами у вас... Готовая в любой момент встать на вашу защиту.

Автор *(рассмеялся).* О-о! Вы - смешной человек, Мирза-Якуб!.. А по-вашему, ежели человек представляет маленькую страну... или вовсе никого, кроме самого себя, он не должен держаться с достоинством? Впрочем... что-то есть в этой вашей мысли... что-то есть! Страна?.. Да, страна! Наверное... Огромная и прекрасная? Да. Возможно. Хотя... Не увлекайтесь! И в этой стране происходит много такого, чему не следует быть. Не должно. Но... достоинство есть. Что правда - то правда! Во всяком случае... Мы пытаемся сохранить достоинство.

Мирза-Якуб. ...и когда я впервые вступил под ворота вашей миссии, теперь подданным России... Я не был уже слабый армянин, которого каждый мог унизить, бросить наземь, сделать рабом! Я как бы родился заново! *Человек оттуда!..*

Автор. Что ж!.. Если есть какой-то смысл в этой бессмыслице, именуемой Жизнь...

Удар. И предстала ему матушка **Настасья Федоровна.**

Настасья Федоровна *(тоном старухи Хлестовой из Комедии).* И что вы ответили ему?

Автор *(рассеянно).* Кому?..

Настасья Федоровна. Ну, этому, который не женщина, не мужчина!

Автор. Ничего. Я принял его под защиту и дал ему убежище и миссии. Ибо... Если есть какой-то смысл в нашей жизни на земле...

Настасья Федоровна *(перебила).* Вы удивительный человек, мой сын! Вас всегда, простите, как жука в болото тянет. Еще когда вас провезли через всю Москву арестованным по тому безумному делу четырнадцатого декабря...

Автор. Но все оказалось ошибкой. Недоразумением.

Настасья Федоровна. Ну, взвесьте всю вашу жизнь! Безумство на безумстве!.. Кончая этой вашей скоропалительной женитьбой! И то, как я теперь полагаю, это еще не конец!

Автор. При чем тут моя женитьба?

Настасья Федоровна. Как? Жениться где-то там, на расстоянии! И не спросясь у матери! Не получив благословенья... Вдобавок на девице,

хотя и знатной и даже княжне, но не нашего круга и роду-племени... И... вижу издалека - с запутанными материальными делами семейства.

Автор *(спокойно)*. Что ж! И у нашего семейства тоже весьма запутанные материальные дела.

Настасья Федоровна. Но вы могли их поправить своей женитьбой! И теперь-то, когда вы стали посланником... Полномочным министром - удачный брак...

Автор. Маман, у меня очень удачный брак!

Настасья Федоровна. Еще бы! Вижу издалека... все эти восточные пряности! Туземные манеры!..

Автор *(вежливо)*. Вы познакомитесь еще с моей женой! Это сущий ангел, уверяю вас! Сущий ангел! Не сомневаюсь, она понравится вам.

Настасья Федоровна. Когда у вас были такие невесты! С баккарой! С сервизами из севрского фарфора!

Автор *(поморщился)*. С баккара, маман. Слово «баккара» не склоняется.

Настасья Федоровна. Хочу и буду склонять!.. В вас влюблена была даже Элиза, дочка вашего дяди. И поскольку дядя, невесть за что, тоже любил вас, вы получали Элизу и за ней имение Хмелиту. Эть не наши деревеньки!.. Притом Хмелита для вас - не просто имение. Родовое гнездо! Вы выросли там. Как ваш Чацкий в доме вашего Фамусова. Но что вам до всего - и даже до родового гнезда?!..

Автор. Что делать? Так вышло! Так, верно, угодно судьбе...

Настасья Федоровна. Ну, бедняжка Элиза, конечно, утешилась. И составила неплохую партию! Генерал Паскевич! Ваш главнокомандующий!

Автор. Граф! Паскевич-Эриванский.

Настасья Федоровна. Что вам нынче вздумалось поправлять меня?

Автор *(скромно)*. Я просто напомнить хотел! Он получил титул графа Эриванского за последнюю кампанию с персами.

Настасья Федоровна. А как, бывало, вечерами вы играли на музыке! Ты садился за фортепьяно, Элиза бралась за флейту. И получался такой прелестный дуэт!..

Автор. Трио, маман! Вы забыли. Трио!.. Еще Машенька, сестра, играла на арфе.

Сильный удар. Еще и еще... **Мальцев** пересек пространство сцены и вновь очутился перед посланником.

Мальцев *(почему-то не глядя ему в глаза)*. Урядник казаков спрашивает снова. Не пугнуть ли их огнем?.. Казаки в беспокойстве!..

Автор *(очень ровно)*. Мы ведь, по-моему, говорили с вами уже по этому поводу?

Мальцев. Да. Но казаки... Урядник опасается - ему не удастся удержать их. Они не могут так стоять.

Автор. Потерпят! Я отдам под суд каждого, кто откроет огонь без

приказу!

Мальцев. А когда будет такой приказ?

Автор. Если кто-нибудь из тех войдет в ворота миссии. Не ране. Казаки должны понять... Здесь им не война. И они лишь охрана миссии Российской!..

Мальцев ушел понурый. Пауза.

Булгарин *(возник - и прилипчиво)*. Послушай, там есть такое место... Когда Софья как бы просит прощения у него - у Чацкого. Вот тебе и самый момент повернуть финал!

Автор *(срываясь)*. Да оставьте меня в покое с вашим Чацким!.. Да нет его во мне! Я потерял его!..

Булгарин *(кротко)*. Где? Может, поищешь?..

Автор *(зло)*. В петербургском наводнении!.. Я плыл к нему и не доплыл!.. Его голова еще несколько раз мелькнула на волнах и пропала! Я потерял его! Или в волнах, или в самом себе!.. Что вам надо от меня? Может... я не заслуживаю видеть его. *(Исчерпывающий жест.)*

Булгарин *(после паузы)*. Ну, не хочешь, - я сам, а?..

Автор. Что?

Булгарин. Исправлю без тебя!.. Ты лишь позволь, позволь!..

Автор. Валяй! Я слишком ценю собственную свободу, чтобы стеснять ее в ком-нибудь другом. А стихи ты тоже сам напишешь?..

Пауза.

(Мрачно и зло.) А хорошенькую комедию я написал, не правда ли?.. Одного Чацкого повесили. Другой застрелился сам. Третьего выдал родной дядя, к которому он прибежал скрыться. Четвертого взяли в Варшаве и согласно приметам, подробно описанным собратом по перу!.. Што-с?.. И после этого вы хотите, чтоб я сочинил для вас еще что-нибудь?..

Удар. Исчез Булгарин.

Дадашев и **Мальцев.**

Дадашев. А я тэбэ говорю - он сошел с ума! Попомны мое слово! Он всо врэмя говорит сам с собой!.. Нормальный человэк нэ будэт разговаривать сам с собой!

Мальцев *(помолчав)*. Мне тоже показалось... он не в своей тарелке.

А перед Автором осветился стол, словно парящий в пустом пространстве меж последним прибежищем Посланника и павильоном Театра, воздвигнутым Комедиографом. Высокий шандал о шести свечах, и некто за столом, с лицом Скалозуба и в генеральском мундире.

А он, **Автор,** стоит навытяжку перед этим столом...

Скалозуб *(листая какие-то бумаги)*. У нас к вам, собственно, один вопрос... О чем ваша комедия «Горе от ума»?..

Автор. Неужто и у престола Господа я должен буду отвечать на этот вопрос?..

Скалозуб. Кратенько! В двух словах!

Автор *(растерянно)*. Ну... так просто не сказать. Ежли б это было так просто, незачем бы и разоряться на пьесу о двести страниц!

Скалозуб. Я понимаю. Но многие наши молодые люди, проникшись ее мыслями... да еще одетыми прелестью поэзии! Исполнившись от вас неоправданных надежд...

Автор *(жестко)*. Не от меня! От моего героя!..

Скалозуб. Но они-то устремились на путь, который обрывался бездною! Гибельный путь!..

Автор. Я не помышлял ни о чем подобном! И... Я ж писал все-таки комедию, не политический трактат! Она задумывалась в Персии, году в двадцатом...

Скалозуб *(поджав губы)*. Тоже в Персии, значит?

Автор. Да. В Персии. Но ничего это не значит! Вообще это все привиделось мне во сне. В Тебризе, в саду... Один из тех снов, что снятся нам на чужбине о родине нашей.

Скалозуб. М-м... и что же нам приснилось?

Автор. Мне явился некий молодой человек... который дерзает оставаться самим собой. Вне общих мнений и страстей. И пред лицом обыденности. Который сталкивается с обыденностью... Вот все! И что из этого вышло!

Скалозуб. А что должно было выйти, по-вашему?

Автор. Комедия! «Горе от ума»!

Скалозуб *(хихикнул)*. А что из этого и выйти могло?.. Окромя Сенатской площади? Или Тегерану?

Автор *(зло)*. Уберите ваш шандал! Он слепит мне глаза! Что за дурацкая манера слепить глаза?.. И потом... Все это уже было однажды! До чего ж мы неталантливы, Бог ты мой! Не умеем изобрести ни Ада, ни Рая.. чтоб это как-нибудь не походило на грешную землю!..

Скалозуб. Вы однажды уже увлекли других на гибельный путь.

Автор. Подите прочь! Вы - выдумка! Я вас придумал! У престола Бога не может быть ни Дибичей, ни Чернышевых!

Удары... Потух шандал о шести свечах. А державный стол сузился до размеров шахматного столика, за которым сидит старый Манучихр-хан. И длится шахматная партия - на пороге Жизни и Смерти...

Манучихр-хан. Последнее... мой уважаемый друг! Мы в Персии мало знаем о вашей стране. Но все ж кое-что знаем. Когда ваш государь всходил на престол, несколько лет тому, произошел страшный бунт на площади в столице. Было много убитых... Множество людей пошло под арест. Пятеро были повешены... И среди этих всех были ваши товарищи!.. И вы сами, сколько нам известно, долго содержались под стражей

по этому делу. Как это сочетается?.. С вашим собственным преданным служением - слишком преданным даже! - режиму, который вряд ли был более милосерд к своим врагам... нежели власть персидская к какому-нибудь Мирзе-Якубу?.. Извините, что спрашиваю так резко и прямо! Иначе мы никак не дойдем до смысла вещей.

Автор слушает молча и вдруг начинает смеяться - тихо и грустно. И Манучихр-хан взирает на него удивленно - уж слишком неуместен этот смех.

Автор. Вы наивный человек, высокочтимый Манучихр-хан! Верну вам ваши слова. Вы наивны. Страна!.. это ж - не царь, не шах, не богдыхан... не Цезарь, не Наполеон!

Манучихр-хан. А что это... позвольте спросить?

Автор. Дух! Ценности, какие она защищает каждым из своих сынов! И пока я здесь стою, на этом пятачке земли...

Манучихр-хан. Ах, этот пятачок ваш так мал: три дома, три двора, с узкими переходами. Одни ворота и те без запора.

Автор. Все равно... Но пока я здесь стою - тут будут соблюдаться законы России! Какими они существуют для меня.

Манучихр-хан. Благодарю вас! Я все понял.

Автор. Что вы поняли?

Манучихр-хан *(помолчав).* Две вещи! Во-первых... Вы несчастный человек, господин посланник!

Автор. Почему?

Манучихр-хан. Потому что одиноки!... И пребудете один! Вы не встретите понимания даже в тех, кто рядом с вами. Простите! Ибо вы защищаете ценности, какие существуют в одной вашей голове.

Автор *(усмехнулся).* А во-вторых?

Манучихр-хан. А во-вторых... вы проиграли эту партию! Смотрите! Вам мат, уважаемый господин посланник!

Автор. Да. Сдаюсь!.. *(Комически поднял руки.)* Сдаюсь! Благодарю вас за урок! В этой игре...

Манучихр-хан. Ну, что вы! Какой урок? И ежли б он еще пошел на пользу... *(Поднялся.)* Вы тоже хотели спросить меня о чем-то. Но не решились. У вас на языке все время вертелся вопрос. Я чувствовал его...

Автор. Какой же... вопрос?

Манучихр-хан *(жестко).* Помню ли я, что сделали со мной тогда, в мои восемнадцать лет?.. *(И выждал паузу явного смятения Автора.)* Нет, не помню! Я слишком хотел забыть! Я понял: мне не отпустят другую жизнь. И останется принять эту... какая есть. Я и Мирзе-Якубу все годы советовал... Но он не внял мне.

Автор. А мне как раз... эта история его внушает некую надежду. Вам не кажется?.. На человека. На человечество! С человеком многое сотворить

можно... Но не все, выходит! Не все! Не все!..
Манучихр-хан *(отвесил глубокий поклон).* Прощайте! Я буду рад встретиться с вами завтра... и в столь же спокойных обстоятельствах, как ныне.

Уходит величественно. Но не сделал он и нескольких шагов по сцене... Какой-то Перс повалился ему в ноги, обнимая его ноги и плача:

Перс. Высокочтимый! Высокочтимый!
Манучихр-хан. Да что с тобой?
Перс. Ваш племянник! Ваш племянник!.. *(Плачет.)*
Манучихр-хан. Да говори, что с ним?.. *(Срываясь.)* Говори! Говори! Говори!..

...к **Дадашеву** подбегает **Мальцев**. На нем лица нет...

Мальцев. Ты слышал?.. Маликов убит!
Дадашев. Племянник Манучихр-хана?..
Мальцев *(чуть не плача).* Он взял с собой нескольких слуг своего дяди и на коне помчался к Русской миссии. Его стащили с коня, приняв за кого-то из нас... И били, били! Значит, и всем нам крышка?..
Дадашев. Я же сказал тебе, что он сумасшедший! *(Быстро пошел по сцене.)*

Автор несколько секунд глядит на них в рассеянности, потом на Манучихр-хана, на плачущего слугу у его ног...

Автор *(отворачивается).* Ну, вот и все! Мой Вестник!
Дадашев *(столкнулся с Мальмберхом и - резко, ему).* Что с его превосходытелством?
Мальмберх. А что такое?
Дадашев. По-моему, он безумен! Он разговаривает сам с собой!
Мальмберх. Он размышляет! Оставьте его в покое.
Дадашев. Мы бы оставылы! Да камны лэтят!

Сильный удар... который выводит, наконец, из оцепенения **Манучихр-хана.**

Манучихр-хан *(идет по сцене).* Как же так?.. Как же так?.. Как же так?.. *(И с этим вопросом покидает сцену.)*
Мальцев *(подошел к Сашке).* Сашка, а Сашка! Что с Александром Сергеичем?
Сашка. А чего с ими?
Мальцев. Не знаю... Он как будто не в себе! Говорит сам с собой.
Сашка *(спокойно).* А они завсегда разговаривают сами с собой!.. Умные люди ежели! С кем-то ж надо говорить? А умных мало!..

Еще удары камней...
Автор слышит или не слышит это все?..
Громкие голоса и шум. Весь «бал Фамусова» на сцене. И военный оркестр на

переднем плане пробует инструменты.

Фамусов *(подошел к Автору и - наставительно).*

Вот, то-то! все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник-дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре -
На золоте едал! сто человек к услугам...
Весь в орденах, езжал-то вечно цугом...
Век при дворе - да при каком дворе!
Когда же надо подслужиться -
И он сгибался вперегиб!..

Гул голосов. Общее оживление.

Кто-то *(из актеров, занятых в репетиции, - Молодому офицеру).* А что теперь?

Молодой офицер. Конец акта!.. Общий вальс, и... Чацкий остается один!.. И этот вальс как бы обтекает его! Тут написано *(зачитывает)*: «все в вальсе кружатся с величайшим усердием»... Где Чацкий, хотел бы я знать? Но кто-то ж должен оставаться один?..

Автор *(помолчав, твердо).* Я за него!.. *(И входит в центр круга, где толпа персонажей Комедии смешалась с персонажами его собственной Драмы. Всем.)* Неужто... обязательно надо растерзать зверя и окутаться его шкурою? Чтоб вдохнуть роскошный студеный воздух отечества?

Мальцев *(растерянно).* Он почему-то все время говорил сам с собой!..

Дадашев. Я сразу понял, что он безумен!.. Мыссия, побываемая камнямы, - и в руках бэзумца! Хорошенькое дело!

Хлестова *(она же Настасья Федоровна).* Я считал всегда, что он карбонари! Хоть он и мой сын!..

Софья. Я рада была, что избавилась, наконец, от этого безумного молодого человека!..

Молодой офицер. Прошу вас, господа! Без отсебятины, без отсебятины! По тексту! По тексту!..

Персонажи - то ли Комедии, то ли его собственной Драмы - теперь обходят его, чуть не со страхом. И - один за другим:

- Ах, боже мой! Он карбонари!..
- Он вольность хочет проповедать!..
- Да он властей не признает!..

Фамусов. Строжайше запретил бы этим господам
На выстрел подъезжать к столицам!..

Софья. Он не в своем уме!..

Кто-то *(из гостей).* Ужли с ума сошел?..

Софья. Не то, чтобы совсем!..

Гость. Однако есть приметы?..

Софья. Мне кажется!..
Гость. Как можно! в эти леты?..
Все. - Ты слышал?..
- Что?..
- Об Чацком!
- Что такое?
- С ума сошел!
- Пустое!
- Не я сказал - другие говорят!..
- Ты знаешь ли об Чацком?..
- Ну?
- С ума сошел!..
- А, знаю, помню, слышал!..
Как мне не знать? Примерный случай вышел:
Его в безумные упрятал дядя-плут!..
Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили!..
- Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут!..
- Так, с цепи, стало быть, спустили!..

Автор стоит в центре этого всего - спокойно, скрестив руки на груди, с брезгливой усмешкой...

Общий вальс обтекает его. Потом... Удар! Сильный грохот!..

Это - верно, в последний раз - падает на пол злополучная стенка второго этажа!

Персонажи Комедии быстро покидают сцену...

К Автору бежит Мальцев со всех ног, крича на ходу:

Мальцев. Персидские сарбазы покинули ворота посольства! *(И уже рядом с Автором - тихо, испуганно.)* Что ж это будет? Александр Сергеич?..
Автор *(помедлив).* Благоволите... Ко мне казацкого урядника!
Мальцев. Слушаюсь! *(И от испуга щелкнул каблуками по-военному. Вновь бежит через сцену.)* Казацкого урядника... к его превосходительству! Казацкого урядника к его превосходительству!
Автор *(помолчал, поднял голову).* Кажется, я нынче напишу свой «Ад»!..

Опустевший павильон Комедии занимают русские солдаты с ружьями.

Картина пятая.

По действию остается какой-то час до гибели Русского посольства в Тегеране 30 января 1829... Удары камней теперь следуют один за другим. Им ответствует слабый треск выстрелов маленького казацкого отряда. Невообразимый шум многотысячной толпы постепенно надвигается на людей, как вышедшее из берегов море...

Его превосходительство беседует с казацким Урядником.

Урядник *(вытянувшись).* Приказывайте! Вашескобродь!
Автор *(улыбнулся слабо).* А чего приказывать? Сам не знаю, братец. Сам

не знаю. Я человек статский! *(Помедлил.)* Не пускать бы их сюда!..

Урядник. Да, это как есть! Само собой! Патронов только мало.

Автор *(пожал плечами)*. На нет - суда нет!.. Может, еще выкрутимся! Или пришлют подмогу персы... *(Вдруг резко.)* А что это за земля, а?.. *(И ткнул пальцем себе под ноги.)*

Урядник *(вытянулся)*. Персидская, вашескобродь! Как есть - персидская!..

Автор. Да ты не тянись, не тянись! Я ж просто так... Для разговору. *(И еще подумал.)* Только... Это ж просто люди так решили. Поделили меж собой. И одну часть назвали русской, а другую - персидской. Как думаешь?

Урядник. Так-то оно так!.. *(Не понимая и в ожидании дальнейшего.)*

Автор. Тогда... вот тебе и приказ! На сегодняшний день... и пока мы здесь стоим! Эту землю под ногами считать Россией!

Урядник *(обрадованно - от простоты)*. Понял, вашескобродь! Защищать, как Россию. Понял!

Автор. Молодец! Ступай! Счатливо тебе!..

Урядник уходит. Пауза. Удары.

Появился **Булгарин.**

Автор *(глухо)*. Фаддей! Давай посчитаемся!.. У меня долги тебе...

Булгарин. Чегой-то ты?.. Ни с того ни с сего?

Автор. Я уже не могу изменить концовку! Все уплывает из рук. Если б кто-нибудь понимал, как мало концовки зависят от нас...

Булгарин. А от кого они зависят тогда?

Автор *(очень серьезно)*. От обстоятельств. У меня остается семья. Жена ждет ребенка! Так что... Я оставил тебе, уезжая, эту комедию. Ежли она увидит свет - во что я мало верю, признаться! - доходы с нее!..

Булгарин. Само собой.

Автор. Я оставил тебе еще три тыщи шестьсот червонцев. Из тех четырех тысяч, что пожаловал мне государь за Туркманчайский мир. Теперь - мои долги тебе!..

Булгарин *(пожал плечами)*. А у меня все записано!.. *(Достал записную книжку.)* Три тыщи рублев, стал-быть, триста червонцев ты взял у меня, когда путался с этой балеринкой. Актрисенкой. Катей Телешовой. Которую все принимали за твою Софью!

Автор. Ты не можешь выбирать выражения?

Булгарин. Могу. Когда тратил на нее все деньги! Было? И две тыщи сверх - после наводненья... когда ты без просыху пил у Демута в ресторации!... Оттого, видишь ли, что тебе не понравился успех твоей комедии в читающей публике!..

Автор. Ну, да. Он был странен мне! Я считал, что не создал еще ничего истинно-изящного для такого успеха.

Булгарин. Ну, там - создал, не создал - а две тыщи ушло!

Автор. Меня смутил этот успех. Зачем? Когда все только начиналось! Я мечтал тогда о театре в высшем значеньи! А комедия... Это было только так! Набросок! Первый подмалевок...
Булгарин *(пожал плечами)*. И еще тыщи полторы или больше, когда ты сидел под арестом в Главном штабе. И я, как мог, сносился с тобой!.. И подкуплял, кого мог. Припоминаешь?
Автор. Припоминаю.
Булгарин. Ну и... пятьсот рублев ты взял у меня заплатить каретнику Иоахиму. Чтоб он переделал твою бричку в карету. И сдалась тебе эта карета!..
Автор. Я собирался жить, должно быть. И мне надоели извозчики.
Булгарин. Но учти, твоя карета так и стоит пока во дворе у Иоахима! Я не забирал. У меня места нет.
Автор. Пусть стоит!.. Итого - семь тыщ?
Булгарин. Остальное - по мелочи...
Автор. Мелочи переживешь!
Булгарин. Переживу.
Автор. Остальное отдашь, если что случится! И не матушке моей, а моей жене!
Булгарин. Это все?
Автор. Да. Нет... Ты мне не объяснил еще, что такое писатель самой жизни...

Удары. Исчез Булгарин.

Мальцев *(подходит)*. Ваше превосходительство!.. *(Вид у него странный: растерянный и, вместе, - решительный.)*
Автор *(усмехнулся)*. Что так официально?
Мальцев *(после паузы, захлебываясь в словах)*. Александр Сергеич! Вы знаете... я шел за вами, не разбирая дороги... И даже в эти, в последние дни... когда мне казалось, что чутье обстановки несколько изменило вам, нам и... мы тычемся, как слепые щенки... В чужом пиру похмелье... в чужой монастырь со своим уставом... в чужом огороде собственные плоды... Я, как мог, споспешествовал вам... вряд ли и вы, в свой черед, могли сетовать... что, вняв просьбам обо мне наших общих друзей...
Автор *(перебил)*. Не мог! Не мог! Короче, милейший Иван Сергеич! Время долгих слов прошло! Вы - про Мирзу-Якуба?
Мальцев. Да. Существует мнение...
Автор *(жестко)*. Чье? Дадашева? Мирзы-Сулеймана?
Мальцев *(с усилием)*. И мое!
Автор. А-а... *(Помолчал.)* Ну, что ж. Могу вас понять.
Мальцев *(чуть не плача)*. А я не понимаю, Александр Сергеич! Здесь сорок человек миссии! Включая казаков!
Автор *(ровным голосом)*. Тридцать девять - включая нас с вами! И один

уже убитый, хотя и еще жив. Рустам. И погиб господин Маликов, племянник Манучихр-хана. Что еще?

Мальцев. Не понимаю! За что?.. За злосчастного Мирзу-Якуба? В сущности, чужого всем?.. и про которого вы сами говорили давеча, что он вам как бы неприятен?

Автор. Вы - чудак, друг мой. Ужели существуют весы, на которых можно взвесить человеческое? Приятное, неприятное... Одну жизнь и другую? Одну жизнь и несколько жизней?.. Вы видели такие весы? Я не видел.

Мальцев. Но мы все погибнем здесь!

Автор *(жестко)*. Теперь не исключаю и такой возможности.

Пауза. Долгая...

Мальцев. Александр Сергеич! Извините меня! Но... У вас у самого в Тебризе жена! И Нине Александровне только шестнадцать тел! И они ждут ребенка!..

Автор. Благодарю за напоминание! *(Усмехнулся.)* Тем более! Я слишком ценю собственную жизнь, чтобы платить за нее чьей-нибудь другой.

Мальцев *(уже в совершенном смятении)*. Да, да... наверное! Вы старик! Но те, кто идет за вами... Я, к примеру! Мне только двадцать один! И я у матушки единственный сын!

Автор *(схватил его за плечи и сильно встряхнул)*. Да очнитесь, мальчик! Да разве можно так бояться смерти... чтобы ради нее дать принизить собственную жизнь?!

Мальцев постоял еще и пошел прочь от него.

Автор *(ему вслед - кричит)*. Но я не Одиссей! Я не скармливаю моих спутников волнам лишь для того, чтоб самому благополучно проплыть меж Сциллой и Харибдой! И не ждите от меня сих гомерических добродетелей!

Мальцев *(идет один через сцену)*. Бежать! Бежать! От этого сумасшедшего, который всех понимает и потому всех погубит! Бежать, бежать!.. Но куда? О, Господи?.. Бежать, бежать, бежать!.. *(Увидел Дадашева. Схватил его за грудки.)* Он безумец! Безумец! Безумец! *(Сам с безумными глазами.)*

Пауза. Удары.

Пушкин *(появляясь)*. Так не хотите взять меня с собой?

Автор. В Персию? Нет. Я сам туда еду не без опаски.

Пушкин. А чего вы опасаетесь?.. Теперь, когда подписан мир?.. *(Повисло в воздухе.)* Но вы ж посланник, по-моему?..

Автор *(мрачно)*. Полномочный министр! Сие павлинное звание мое - дабы смущать одних лакеев да станционных смотрителей!

Пушкин *(пытаясь утешить его)*. Все-таки вы должны гордиться! Вы - единственный поэт России, в честь которого били пушки Петропавловки!

Автор *(сухо)*. Не в честь меня, а в честь Туркманчайского мира! В честь поэтов, я думаю, еще долго не будут бить пушки.

Пушкин *(после паузы, со всей щедростью).* Я придумал! Вы возвращаетесь из Персии, и мы отправляемся путешествовать с вами!
Автор *(уныло).* Куда?
Пушкин. Не знаю. По Европе, должно быть. Вы ж там никогда не были. И я тоже...
Автор *(усмехнулся мрачно).* Ну, да. Грибоедов и Пушкин, два незнатных русских путешественника...
Пушкин. Это почему это незнатных? Ваш род с какого века поминается в летописях?
Автор. Не помню толком. С шестнадцатого. Может, с семнадцатого. Недавно совсем!
Пушкин. Вот видите! С шестнадцатого века! И я - шестисотлетний дворянин!
Автор. Ах, оставьте! Не надоело вам еще таскать за собой этот багаж?.. Шестьсот лет?
Пушкин *(очень серьезно).* Не говорите! Человек должен ощущать свое место в пространстве и во времени!
Автор. Зачем?.. *(Усмехнулся едва.)* Кстати, о предках!.. Пращур мой, некто Михайло Грибоедов, служивый человек... грамотку имел, после Смутного времени от царя Михаила Федоровича. Постойте!.. *(Вспоминает.)* «...За то, что во трудное и во прискорбное время противу врагов наших стоял крепко... голод, и наготу, и нужду всякую осадную терпел... а на воровскую прелесть и смуту не покусился!»
Пушкин. Нет, но каков язык, а?.. Каков язык! Где они брали этот язык? Наши предки?..
Автор. Бог их знает!
Пушкин. «На воровскую прелесть и смуту не покусился»... *(Покачал головой.)* Печальная страна! Но какой язык!
Автор *(с грустной усмешкой).* «В начале было Слово»... а что потом? А потом ничего не было?
Пушкин *(улыбнулся).* Зачем уж так уж, - ничего? Вначале было Слово... А потом - «Слово и Дело»!

Рассмеялись оба.

Пушкин *(весело).* Так едем?
Автор. Куда?
Пушкин. Куда хотите! Изберите сами!
Автор. Мне все равно.
Пушкин. Тогда сначала - Неаполь! Неаполитанский залив. Хочу увидеть закат. Мне сказывали - я слышал от многих - что там необыкновенные краски! И море светится, как жилище Бога!.. Тьфу, пропасть! Живешь по слухам.
Автор *(вовлекаясь невольно).* Мы отправляемся морем?

Пушкин. Да...
Автор. Тогда в Неаполе мы и сойдем с корабля! Этого, слава Богу, никто не минет!
Пушкин *(живо).* А потом в Венецию? К самому карнавалу?..
Автор. Экий вы крюк дали! Через весь полуостров!
Пушкин. А что прежде?
Автор. М-м... Рим, должно быть. Все дороги ведут в Рим.
Пушкин *(быстро).* Согласен! Тогда сперва - Везувий! Развалины Помпеи!
Автор. Извольте! Интересно, что останется от нашего с вами бытия? И какому взору, волнуемому развалинами, оно предстанет некогда?.. *(Помолчав, иронически.)* Ну, теперь уж можно, наконец, отправиться в Рим? Я, признаться, подустал от развалин.
Пушкин *(после паузы).* А Венеция - скоро?

Удар! Скрывается...

Автор *(почти без перехода).* Чего тебе? *(Потому, что узрел* ***Сашку.)***
Сашка *(испуганно).* Что с вами?.. Александр Сергеич?..
Автор *(рассмеялся).* Ничего. Горе от ума, брат! Горе от ума!... Знаешь что такое - горе от ума?
Сашка *(уже своим обычным тоном).* Вестимо! Это всякий знает. Комедь! Какую вы сочиняли, когда у вас горло болело.
Автор. Чего врешь? Когда это у меня горло болело?
Сашка. Тогда-с! В имении Степана Никитича. У Бегичевых. Вы можете и не помнить. Вы писали себе... А я вам, как раз, все шалфею заваривал!
Автор. Может, брат... может!.. Какие у нас с тобой памяти разные! *(Улыбнулся.)* А я понял, где я встречал тебя еще - кроме этой жизни!
Сашка. Где-с? *(На всякий случай - настороженно.)*
Автор. У Мольера! Знаешь такого?
Сашка. Еще бы! А хто с его пыль стирал? В коричневом переплете. С кожаным обрезом.
Автор. Точно! В коричневом. С кожаным обрезом.
Сашка *(помолчав).* А все же обидно как-то вы сказали давеча!..
Автор. И ты с обидами?
Сашка. Выходит... ездил с вами, ездил, мытарился весь век!.. А теперь вот, перед смертью... и нету у меня никаких правов?!

Уходит.

Автор *(один, после паузы).* А как легко она писалась, моя Комедия! Будто сам Бог диктовал ее мне! Эта легкость осталась теперь - как память! В руке! не в голове! *(Поглядел на свою правую руку.)* Мне просто показалось - этот молодой человек, который повинен в одном: он *мыслит*! - должен остаться в одиночестве! Ему изменит любовь, уйдет друг... Его, может статься, сочтут безумцем. И даже прежде близкие люди!.. Но я вовсе не

готовился в прорицатели! И роль Кассандры не привлекала меня. И это ж, в конце концов, был только Театр! Комедия! Изящная словесность!.. А вдруг все обернулось... Картечью на площади. Виселицей. Друзьями в кандалах... И сам государь, громкогласно, всех мятежников Сенатской назвал безумцами!.. Для меня самого все кончилось как бы благополучно. Но... Я больше не мог писать! Вернее, не мог смеяться! Мир больше не был смешон! Он сделался страшен или жалок!.. Кто-то потерял голову в этой истории... Я потерял безделицу! Только Смех! Но что может быть печальней комедианта, который разучился смешить и смеяться?! Оставалось все бросить... свести счеты с собой или бежать. Куда?.. Ах, не все ли равно? В пустыню... где пред лицом судеб воздвигнуть собственную цитадель духа!..

Быстро вошел **Мальмберх.**

Мальмберх. Они ворвались в первый двор! Наши казаки оступили к переходу!..

Автор. А-а... *(Помолчав.)* А Мирза-Якуб?..

Мальмберх. Мы видели издали, как его выволокли из дому и потащили по земле!.. Но, как будто, уже мертвого.

Автор. А-а... *(Помолчав.)* Что ж!.. Повод убит... Осталось теперь только причину!

Удары! Приближаясь...

Сашка *(входя).* К вам там какой-то перс!

Автор. Перс? Ко мне?

Непонятно как, но вокруг посланника оказались в сей момент и прочие сотрудники побиваемой камнями миссии Российской...

Перс *(поклонился, и все поклонились).* Простите, господа, мое вторжение. И, может, в неподходящий момент... Но... Я кондитер, здешний кондитер!

Дадашев *(негромко).* А нам сейчас только нэ хватает кондитерской! Правда?.. *(Кому-то рядом.)*

Перс. Я ваш сосед! Вы, верно, не замечали меня... Но мой двор как раз примыкает к вашему! Есть там даже дыра в заборе. И - уж извините мне мое любопытство! - я многих из вас как бы и знаю уже... хотя... не имел чести быть знакомым, а вы, должно быть, и не обращали на меня вниманья.

Дадашев. Он что, прышел познакомыться? Нашел, наконэц, врэмя и мэсто!

Перс. Я правоверный мусульманин, и... я хочу вам сказать - я не приемлю того, что происходит!.. Более того, мне это отвратительно! И я прошу дать мне возможность... В общем, мой двор рядом. Всех, к сожалению, я принять не могу. Но двоих или троих... Окажите мне честь! *(Низкий поклон.)*

Невольная пауза.

Автор. А вы не боитесь, друг мой?

Перс *(встал в позу).* А чего мне бояться? Я правоверный мусульманин!

Автор. Да, но... в такие минуты, как теперь... гибнут всегда самые правоверные. Неважно, с какой стороны!..

Перс. Аллах да сохранит меня и да осенит меня дух Пророка Его! Но мудрые учат нас... Есть множество способов спасти свою жизнь. Гораздо больше, чем кажется. Но надо при этом спросить себя: кого я в себе спасаю?.. Вот вопрос, который преследует нас, грешных, в этом печальном мире!

Мальмберх *(резко вмешиваясь).* Тогда... спасите посланника!

Перс. Я готов! С радостью!.. *(Кланяется.)*

Мальмберх *(резко повернулся к Автору).* Вам, может, удастся пройти во дворец к шаху!.. Одно ваше появление, и... они одумаются! Они пришлют помощь! Вы один можете остановить все это.

Автор *(ровным голосом).* Может быть. Исключено! Я не оставлю миссию в такой момент! Ступайте вы вместо меня! Я вам доверяю. Мой предшественник, посол Мазарович, кстати, тоже был врачом.

Мальмберх. Нет. Я, как врач, не могу покинуть... поле боя!

Автор. А-а... Вот, видите? *(И отвернулся от него.)* Дадашев! Ступайте! Вы хотели уйти. *(Тот же ровный тон.)*

Дадашев. Па-чему Дадашев? Вэчно Дадашев!.. *(Встал в позу и с гордостью.)* Дадашев останется со всеми!

Автор. Мирза-Сулейман! *(Тот покачал головой. Обводит взглядом всех.)* Вы!.. Вы!.. Вы!.. *(Те же жесты.)* Сашка!

Сашка. Ну что вы!

...случайно не заметил только Мальцева: почти с самого начала разговора Мальцев стал как-то странно пятиться на задний план. Так что в конце оказался и совсем - за спинами.

Мальцев *(одними губами).* Как я позабыл! Есть же двор кондитера! Там дыра в заборе! Простите, господа! Простите! Я понимаю - это не совсем хорошо. Может, даже дурно. Простите. Понимаю... Но... Вы все старше меня! А я и не жил еще! Мне только двадцать один! И я у матушки единственный сын!.. Простите! Прощайте! Прощайте!.. *(Скрывается незаметно.)*

Перс *(обвел глазами всех, в растерянности).* Что? Никто не хочет?

Автор *(после паузы, поклонился ему).* Благодарю вас, друг мой!.. После нашей встречи... если Бог мне судил! - я нынче покину эту страну без вражды и с надеждой. Ибо всякая страна держится своими праведниками.

Поклоны с двух сторон. И перс покидает их.

А где Мальцев? Никто не видел?

Дадашев. Ай! Ваше прэвосходытелство! Хотел из мэня бэглэца сдэлать! Чтоб меня всэ прэзиралы! Ваше прэвосходытелство!.. *(И качает головой.)* А правда? Гдэ Малцев?.. Толко что был здесь!

Пауза. Все расходятся.

Удар - очень сильный. Стемнело... Звуки флейты.

Автор. Кто здесь?.. Это ты, Софья?.. *(Приблизился.)*

Софья *(с флейтой у закрытого фортепьяно).* Почему Софья?.. Вы забылись, сударь! Я не из ваших актрис! Я Элиза, ваша кузина! *(Спохватываясь.)* Что вы делаете здесь в такой час?.. Это семейный дом!

Автор. Я хотел только сказать тебе...

Софья *(не слыша).* Я любила вас! Это правда! Но вы уехали. И перестали писать ко мне...

Он подходит, молча, и опускается на колени перед ней.

Ты сошел с ума! Нас могут увидеть!.. Здесь? В такой час?! *(Меняя тон.)* Очнитесь, сударь! Я замужем! Мой муж - граф Паскевич, ваш главнокомандующий!..

Автор. Именно потому! Спаси, помоги, выручи несчастного Сашу Одоевского! Он тоже твой двоюродный брат!..

Софья *(поняв все).* Мой муж не все может! Хоть он и Паскевич!

Автор. Не все, но многое! И в чем откажут мне, не откажут ему. Не следует пренебрегать возможностью спасти хоть одного несчастного. Ежли есть какой-то смысл в этой грустной комедии, чьи имя - Жизнь...

Софья. Опять высокие слова? Я так устала от всех высоких слов! Я хочу просто жить!.. *(Почти без перехода, гладя его голову.)* И ради этого ты пришел сюда в такой час?.. Я узнаю тебя! Ты всегда был безумен! За это я и любила тебя! А помнишь, как мы вечерами сбирались у фортепьяно?.. Какой был дуэт! «То флейта слышится, то будто фортепьяно!..» Прекрасно! (*Сквозь слезы.)*

Он поднимается с колен.

Ты уходишь? Так скоро?.. Погоди! Еще немного! Погоди!

Автор. Мне некогда.

Софья. Постой! И никакая я не Софья, слышишь?.. Я Элиза! Твоя кузина! Мы выросли вместе!..

Автор *(уже издали).* Да. Ты была Элиза, моя кузина. И еще Дуся Истомина, балерина. И Катя Телешова, тоже балерина. И еще кто-то, и еще... Я забыл. У тебя была тысяча лиц. И одно лицо моей Софьи! И ты всегда была моей Софьей! Обычной женщиной, которую я тщился понять... и не смог.

Удар! И еще чуть стемнело...

Почему я почти уже и не различаю тебя?..

Софья *(на другом краю сцены).* Потому что ты уехал! Как всегда уезжал! На Кавказ или куда-нибудь!.. И там повстречал эту восточную девочку.

И она затмила тебе весь свет! Еще бы! Она ведь пока и не изменила никому. Не плакала по ночам от сожалений - так, что румяна текут со щек! И она еще не ведает самой себя!..

Шум близкого боя. Удары... Надвигающийся гул.

Сашка *(вбегая).* Они ворвались во второй двор! Урядник просит передать - патроны кончились!

Но тут кто-то подобрался сзади и прикрыл ему - Автору - ладонями глаза...

Автор *(делает вид, что не узнал).* А кто это? Сашка?.. *(За спиной молчат.)* Мальцев?.. Может, Дадашев?.. *(С иронией.)* Доктор Мальмберх?.. А-а... это, наверно, ты, Чацкий? Ты вернулся?

Она *(не выдержала и рассмеялась).* Ты что, и вправду не узнал? *(Отняла руки.)*

Автор. Ну, конечно! Серьезно!

Она. А почему ты так долго не звал меня?

Автор. Не объяснить. Тут были такие обстоятельства! Но я все делаю, клянусь, чтобы быстрей завершить все и воротиться к тебе в Тебриз. Я почти уже заканчиваю!

Она. Да, правда? Знаешь, сколько тебя не было? *(Что-то сосчитала на пальцах.)* Месяц и двадцать один день!

Автор. Да?.. А я думал, меньше! Как быстро время!

Она. Кому - как, кому - как!.. *(Чуть обиженно.)*

Автор. А ты тут что-нибудь делала без меня? *(Перебрал пальцами в воздухе.)* Играла хотя бы?.. Не забудьте, сударыня, что вы все еще моя ученица! Хоть вы и жена... *(усмехнулся)* Посланника и Полномочного министра! Но... Я задал вам урок!

Она *(протягивая ему пальцы).* Учитель! Наказывайте! Я не выучила.

Автор *(целуя ее пальцы).* А почему - можно спросить?

Она. Можно! Я была занята. У меня много дел.

Автор. И чем же ты так занята, маленькая моя?

Она. Как же! Я жду тебя! Я все представляю себе, что будет, когда ты вернешься. Что будет, как будет... *(Мечтательно.)* Потом... я прислушиваюсь к нему! *(Взялась за живот.)* У меня много дел.

Автор *(вдруг нахмурился).* Это ужасно, знаешь?.. Я все слушаю тебя... и все пытаюсь уловить хоть одну фальшивую ноту! Я даже хочу уловить ее! И не могу!

Она. А зачем тебе фальшивые?

Автор. Тогда это будет похоже на жизнь. А так... Ты слишком такая, как должна быть. Но именно этого и не бывает в жизни. Не бывает!

Она. Твой опыт?..

Автор. Да. Если хочешь... Мой опыт.

Она. Ненавижу!... *(И губы ее сузились - по-детски, но зло.)*

Автор. Что?
Она. Ненавижу! Весь ваш опыт! И почему вы должны навязывать его всем?!
Автор. Кто это - вы?
Она. Вы - умные, взрослые! А чего он стоит? И много вы видели с ним счастья? И почему я не могу прожить мою! - единственную и ни на что не похожую жизнь?! И так, как только я понимаю ее!
Автор. Прости! Но... Помнишь, я сказал тебе тогда? Я так долго жил, никому не отворяя души своей. Держа ее при себе... И когда я просыпался средь ночи... Я был спокоен. Что хотя бы она - при мне. Какая ни есть! Но вдруг ты являешься... и в один прекрасный миг я понимаю со всей ясностью: как только увидят тебя рядом со мной, все сразу и поймут, где скрыта моя душа! И тогда... что тогда?.
Она *(перебила)*. А я - твоя душа?
Автор *(улыбнулся)*. Да. Отлетевшая!..
Она. А душа бессмертна, правда? Как хорошо! И я бессмертна! И ты!.. Никогда не умрем, да?..
Автор. Не знаю...

Но она уже закружилась по сцене, по комнате, по земле - под какую-то ей одной слышимую мелодию:

Она. Никогда не умрем! Будем жить вечно! Вечно!..
Автор *(в зал)*. Простите ее! Ей только шестнадцатый год!..

Удар! Потом еще и еще...

Мальмберх *(быстро входит)*. Урядник сказал: он надеется отстоять второй переход в этот двор! Там есть узкое место, но... Если не ударят сзади. Или сверху.
Автор. Как так,- сверху?..
Мальмберх. По крышам, по крышам!
Автор. А-а... (Помолчал.) Нет. Еще пятнадцать минут не пришлют подмоги персы - и все! Здесь будет больше мертвых тел, чем у Шекспира *(И вдруг рассмеялся - без всякой связи.)*
Мальмберх. Чему вы?
Автор. Вот я и написал, кажется, свою трагедию - в духе Шекспира! (Чуть помолчал) И А знаете, что это: «трагедия» в древнегреческом? Это - «песни козлов»! Песни козлов!..
Мальмберх. Почему - козлов?
Автор. Козлов отпущения, вероятно. Жертвенных животных. Но это мой собственное толкованье. Я на нем не настаиваю.

Пауза. В которую они оба прислушиваются к звукам оттуда...

А мы начали было утром о чем-то интересном. Мы собирались воротиться!
Мальмберх *(с усмешкой)*. О Вечности.

Автор. Да, о Вечности! Самое время! Быть может... и эта толпа, что грозит каждый миг ворваться сюда... тоже как-то связана с Вечностью? Посланник Вечности?

Мальмберх. Может статься.

Автор *(поморщился)*. Ужасно шумная только у нас с вами Вечность! Шумят ужасно!

Надвигающиеся звуки боя и гул.

Мальмберх. Что ж!.. Пора и честь знать! *(Сделал движение к выходу.)*

Автор. Куда вы?

Мальмберх. Надо посражаться пойти. Там осталось мало людей.

Автор. Останьтесь! Вы еще нужны миссии как врач.

Мальмберх. Бросьте! Слышите?.. *(Вздохнул)*. Вы прекрасно знаете. Мои услуги врача здесь больше не понадобятся. Прощайте!..

Автор *(помолчав)*. Простите, если что... Я... *(Не договорил. И вдруг - быстро и яростно, словно боясь не успеть.)* Если останетесь живы... Скажите всем!.. Ну, тем, кому это как-то понадобится!.. Он вовсе не был безумен! Не пал жертвой безрассудства иль неосторожности! Он знал, на что шел!.. Он сам сочинил эту Драму от первой и до последней строки, - ну только разве что последнюю точку в ней поставил не он!.. Увлекся? Быть может! Но... он впервые в жизни ощутил невероятную возможность - перед лицом всего мира открыто отстаивать то, во что верил! И заплатил за эту веру всеми и собой! Вот, все!.. Считайте его чудовищем! Но не безумцем!

Мальмберх *(помолчав, улыбнулся)*. Прощайте! Я не жалею, все-таки, что отправился с вами.

Движение обняться. Рукопожатие. И Мальмберх шагнул туда... А он, Автор, смог еще договорить с **Пушкиным:**

Автор *(насмешливо)*. Ну, а из Милана... мы садимся в экипаж и прямо в Париж?

Пушкин *(вдруг надулся)*. Нет-с! Увольте! В Париж я не ездок!

Автор. Это отчего ж? Но вы сами говорили недавно, что хотите в Париж?

Пушкин. Хотел! Слишком долго! А теперь, пожалуй, уже и не хочу. Боюсь. Он окажется не таким... Потом... У меня там много воспоминаний. Сплошные воспоминания!

Автор. Воспоминания? Но вы ж там никогда не были?..

Пушкин *(вздохнул и серьезно)*. Да. Не был. А Паскаль? Абеляр? Андре Шенье?.. Гильотина? Наполеон после Ватерлоо?.. Нет! Сей рай не для меня! Я бродил бы, как по кладбищу! А этого хватает с меня и в Петерербурге.

Помолчали.

Автор *(легко)*. Все это хорошо! - Париж, Венеция... Но сперва мне надобно ненадолго заглянуть в Тегеран!

Пушкин. Мне чуть ближе! На дачу друзей!.. На Каменный остров, Черная речка.

Автор. Ваше счастье!

Пушкин. Сочиняете что-нибудь новое?

Автор *(неопределенно).* Да так...

И тогда появился тот самый человек. В тоге и в сандалиях. Поклонился с достоинством и чуть надменно:

Касперий *(Автору).* Что ж. Я уже могу ответить тебе. Я защищаю этот Рим далеко за его пределами. И я буду защищать его. Хоть он давно уже не тот, что прежде!.. Потому что... Я отстаиваю вовсе не Рим, какой он есть теперь. Но свое понятие о Риме!..

И с поклоном удалился.

Пушкин. А кто это?

Автор. Так... Некто Касперий. Посол Рима в Армянском царстве... Мой последний персонаж.

Пушкин. Почему последний?

Автор *(не ответив, весело).* И что должен делать такой Касперий в самовластном государстве? Властям подозрителен и себе в бремя, ибо иного века гражданин!.. *(Помолчал.)* А я вам не досказал тогда. Не успел. Умные мысли приходят на лестнице!.. Сальери, может, в самом деле убил Моцарта. Но только в самом себе!

Пушкин. А как?.. Каким орудием, позвольте спросить?

Автор *(усмехнулся).* Излишним размышлением. Вроде, как я!

Улыбаются и прощаются. Двинулись в разные стороны.

Карету мне! Карету! *(На одном краю сцены.)*

Голос извозчика. Куда прикажете?

Автор. В Тегеран, голубчик! Поезжай! В Тегеран!..

Голос извозчика. А где это, барин?

Автор *(махнув рукой).* А все равно где! В Тегеран!

Пушкин *(на другом краю сцены, легко).* Эй! На Черную речку! На Черную речку!..

Скрывается.

Шум отъехавших экипажей мешается с диким и совсем близким уже ревом толпы... Удары один за другим.

Сашка *(влетел).* Доктора убили! Доктора!..

Автор *(почти спокойно).* Слышу, Сашка! Слышу!..

Сашка. Хм!.. Такое дело!.. *(Покачал головой.)* У него была только сабля, но ему отрубили кисть! Во!.. (*Показал на свою правую руку.)* Представляете себе? И тогда он обмотал эту руку занавеской, а саблю перекинул в левую. И снова прыгнул туда. Силен был мужик!..

Автор *(вскинул голову и с гордостью).* Это был наш немец! Ординатор Эриванского гошпиталя!..

Пауза.

Мне мой мундир с орденом Льва и Солнца!.. И принеси наши дуэльные пистолеты!

Сашка быстро вышел.

Появился Булгарин, стал в позу и с важностью.

Булгарин. Да-с! А мы вам говорим: хватит фантазмов! Мы устали читать об рыцарских временах, которых вы, если вправду, не видели и никогда не увидите! Явите нам нас самих! Наше серенькое российское существованьице. Стремленье выбиться в люди. Подняться со ступеньки на ступеньку. Наши будни. Наши маленькие праздники...

Удары и сильный шум.

Дадашев *(входя)*. Они уже здесь, во дворе!

Автор. Я чувствую! Шуму слишком много! Дадашев! Побудьте при мне. Мы должны еще написать кое-что...

Дадашев пожал плечами. Остался. А он еще повернулся к Булгарину.

А разве эти будни и маленькие праздники, Фаддей Венедиктович... Это серенькое российское существованьице, как вы изволили выразиться, не таит в себе ничего? Никаких общих смыслов?.. И не стоит за ним? Ни Гамлета? Ни Дон-Кишота?..

Сашка вносит мундир и помогает облачиться ему.

Ну, что? Признайся - надоел я тебе? В целую жизнь?..

Сашка. Да нет, не беда! Можно бы и еще потерпеть!.. *(Покачал головой.)* Мне молодую мадам жалко! И зачем мы только женились?..

Автор *(усмехнулся)*. Ну, это ты, брат, не того! Все-таки, женился не ты, а я!

Сашка *(тоскливо)*. А зачем? А разве плохо нам было ездить вдвоем?..

Автор. На, возьми!.. *(Отдает ему пистолеты.)* Целься ниже! Всегда надо брать чуть ниже прицела.

Сашка. А вам?.. *(Протянул пистолет.)*

Автор. Нет. Я - Посланник. Я не имею права стрелять!.. Ступай!

Обнимает Сашку, и Сашка обнимает его. Потом уходит. С двумя пистолетами, неся их дулами книзу. Автор молча глядит ему вслед... Пауза. В зал:

И ежли вы спросите... Что он делал в эти последние свои часы?.. Он вел бесконечный разговор с самим собой! Это значит.. со многими людьми, поселенными в нас! В сущности, это был - диалог с Временем!

Пауза.

Дадашев! Есть чем писать?.. *(Начинает диктовать)*. Сего... генваря тридцатого дня, лета одна тыща восемьсот двадцать девятого... Посольство России в Персии подверглось... (*Спокойным, почти ледяным тоном дипломата.)*

Дадашев. Может, Российской империи?.. Ваше прэвосходытелство?

Автор *(срываясь)*. Опять поправляете меня?! Писать! *(И - яростно.)*

Брошенные Богом и людьми, в блуждалище чужих неправд... посольство России во главе с посланником Грибоедовым...

Сильный удар!

Кончено! Не успеть!

Свет помер, в темноте вошел Юнкер-Лакей из Комедии...

Юнкер-Лакей. К вам Александр Андреич Чацкий!

Автор. А почему не Сашка с докладом?.. А-а... *(И вспомнил.)*

Пауза. Входит **Чацкий**... У него лицо Касперия, римлянина из древнего Рима...

Автор *(обнимая его).* Я уж думал... ты и не хочешь видеть меня!

Чацкий. Нет, я видел тебя! Даже слишком часто!.. И даже во сне несколько раз!

Автор. Жаль, мало свету!.. А ты не изменился как будто!

Сели за шахматный столик, визави...

Чацкий. Ты играешь в шахматы?

Автор. Да. Немного. Тебя удивляет?

Чацкий. Нет. Почему? Я и сам там тоже приохотился играть.

Автор. Эту партию я проиграл!.. Я сделал несколько неплохих ходов, и, кажется, вовремя рокировался в сторону. Но пешки были на исходе! *(Разглядывает его.)* Я гляжу на тебя, и мнится... я возвращаюсь к самому себе. Из долгих странствий... В нашу квартирку на Почтамтской. Мне и среди ночи чудилось иногда, что открывается дверь... И ты входишь. С бала! Гремишь саблей, шпорами... Хоть и стараешься вовсю - не шуметь! Ты не жалеешь ни о чем?

Чацкий *(с усмешкой).* О чем я должен жалеть?.. О бале?

Автор. О шпорах! *(Улыбнулся тоже.)* О твоем безумном порыве... и о том, что все так кончилось!

Чацкий *(легко).* Нет. Совсем! Ты ж не знаешь, как все было... Мы стояли несколько часов на маленьком пятачке земли - на площади пред Сенатом. И... как сказал один из нас, - мы дышали свободою! Целых несколько часов! И эти несколько часов... на этом пятачке земли существовала наша собственная Россия! За это стоит пострадать!

Автор *(задумчиво).* Не знаю. Может быть! Пятачок земли?.. Да, знакомо! У меня тут тоже был пятачок земли... Но после... у вас на этом пятачке начались бы сложности. Ноев ковчег. Семь пар чистых, семь пар нечистых... Не так?

Чацкий *(пожал плечами).* Не все ль равно? Это было прекрасно!..

Автор. Наверное! Хотя... Вы собирались лечить человечество... а предложили способ старый, как мир! Мы об этом говорили когда-то. Ты забыл!

Чацкий. Какой способ?

Автор. Оружие!.. Но оружием нельзя спасти этот мир!

Чацкий. А что, по твоему, может спасти его?

Автор. Мир спасет любовь!

Чацкий. Ты все так же наивен!

Автор. Возможно! Но... Я тут много думал последние дни. У меня было время подумать! И я осознал, кажется! Та Россия, которую мы вечно ищем вовне... на какую вечно сетуем, что она не такая, как нам хочется... Та подлинная Россия - в нас самих!

Удар! Он оглянулся невольно и увидел, как двое казаков вносят мертвое тело и аккуратно кладут на землю... Несколько секунд смотрит в некоем отупении. Потом срывается с места...

Они убили Сашку! Они убили моего брата!..

Рыдает... Он стоит на коленях, весь скрючившись над телом мертвого Сашки... Потом выпрямляется, все оставаясь на коленях. И - в зал:

Две просьбы! *(С силой.)* Первое! Помогите, спасите, выручите несчастного Сашу Одоевского! Вспомните, кто вам дал способы для ваших заслуг?.. Тот, для которого избавление одного несчастного от гибели гораздо важней грома побед, штурмов и всей нашей человеческой тревоги! А иначе... провались все ваши отличия, слава и гром побед! У престола Бога нет ни Дибичей, ни Чернышевых!..

Пауза.

И вторОе - о ней!. Вы знаете, она молода! Молодости свойственны заблуждения!.. Это - мой грех! Незачем было тащить ее в эту жизнь - раз все так быстро кончилось! Помогите ей!.. Сыщите ей друзей! Будьте сами ей друзьями! Сумейте простить всегда... ее молодость, глупость, ее ошибки!.. Прощайте ее! Любите ее!..

И он поднялся с колен - уже тем Посланником Вечности, который отрешился от земных дел... На сцене полный свет! И весь бал Фамусова, застывший в ожидании развязки. Но земное и прекрасное в последний миг еще позвало Автора.

Она *(возникла на его пути и радостно).* Я так и знала! Что ты в конце концов приведешь меня в Театр. Дают твою Комедию, не правда ли?.. Вот, послушай! *(И положила его руку себе на живот.)*

Автор *(сквозь дикий шум).* Да, тише! Тише... Да уберите звук, черт побери!

И тогда вдруг сошла удивительная тишина на несколько мгновений... И он, и мы вместе с ним, услышали удесятеренной громкости единственный в мире звук: топот маленького нерожденного существа, что просится в этот мир скорбей! И Автор - с просветленным лицом:

Автор. Благодарю тебя, о Боже, что благословил меня тишиной!

Пауза. Удары! Вот и Ее нет рядом с ним. Он стоит несколько секунд, словно в оцепенении, как свойственно человеку у последней черты...

Персонажи Комедии *(один другому).* Опять новая сцена?
Молодой офицер *(как бы в извиненье).* Да это набросок! Черновик! Кажется, последний...
Персонажи:
- Наш автор сошел с ума! Он, вроде, решился переписать всю пиесу?..
- Куда хуже! Он вознамерился, будто, переписать собственную жизнь!..
- А что это? Можно понять? Пушки бьют!..
Молодой офицер. Тут неясность в самом деле! Пушки бьют, а непонятно, к чему и где!
Персонажи:
- Почему непонятно? Вполне понятно! Это - петербургское наводнение! Слышите - шум волн? Пушки бьют с Петропавловки по поводу наводнения...
- Да нет же! Слава Богу! Это не наводнение!.. Это всего лишь - Сенатская площадь!

Удары и шум...

- Да нет же, господа! Все разъяснилось! Действительно, бьют пушки с Петропавловки! Но это салют! Двести один залп! Посланник Грибоедов везет в столицу Туркманчайский мир!..

Громы победного салюта, будто камни бьют в стены...

Автор *(громогласно).* Все назад! Им нужен только я!..

И вся толпа невольно попятилась.

Кто-то *(из толпы).* Это и есть посланник Грибоедов?.. Этот маленький, в очках?..
Скалозуб *(подходя).* Ну, вы довольны встречей?.. Государь приказал, - а уж мы старались!.. *(Взял Автора под руку и ведет вдоль стены.)* Ну-с... теперь мы можем быть спокойны! Наши дела персидские в надежных руках!.. Не то пришлось бы посылать сорок тысяч войска графа! А они ведь заняты войной с Турцией. А?.. *(И уже совсем освоившись и перейдя на «ты».)* Ты не сердись на меня, что я воспретил твою комедию в театральной школе... Сам понимаешь! Надо мной ведь тоже кое-кто есть! *(Жест в потолок.)* Но... признаюсь тебе, я велел писарям моим сделать список с нее. Специально для меня. И я его храню в отдельном шкафу! Я ведь знаю, что тебя после смерти твоей будут ставить всюду! *(Смеется.)*
Автор *(улыбнулся).* Но это еще надо умереть... Сподобиться!
Скалозуб *(болтая на ходу).*

Мне нравится при этой смете...
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам!
Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!

А в Первой армии когда отстали? в чем?..
Все так прилажено, и тальи все так узки...
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят иные по-французски!

И так вот, под руку, болтая, они обходят сцену.

Государь ждет вас! *(Широкий жест на публику и громовый голос.)* Дорогу Российскому Посланнику!..

Аплодисменты всех присутствующих. И весь бал Фамусова, невольно подхватывая:

- Дорогу Российскому Посланнику!
- Дорогу Российскому Посланнику!

Под эти клики Автор, все ускоряя шаг, подходит к павильону Комедии.

Булгарин *(вырастая перед ним).* Я только должен упредить... Все, что ты придумал здесь, в Персии, - все это совершенно, абсолютно непроходимо!

Автор *(с улыбкой).* Что ж!.. Я всю жизнь работал для театра, который был в одной моей голове!

С этими словами он вступил под своды Павильона и изнутри подошел к той самой двери, ведущей наружу, на крыльцо, в зал... Несколько мгновений он стоит перед этой дверью и после пинком ноги отворяет ее...
Мы увидели на миг в просвете двери - его, со скрещенными на груди руками; потом страшный грохот, и - темнота... Лишь смутно угадываются в темноте обломки Павильона.

ЭПИЛОГ

Некоторое время сцена в темноте. Потом освещается медленно: сперва просцениум, за ним декоративные развалины Театра.
Где-то звучит вальс, едва различимый.
Вышел **Фамусов** в домашнем халате. За ним - **Лакей** с разодранным локтем.

Лакей. Там к вам от каретника пришли. Спрашивают!

Фамусов. При чем тут каретник? Я не заказывал никаких карет!

Лакей *(нагловато).* Ну так - заказывали, не заказывали - а спрашивают!.. *(Добавил.)* Говорят, ее некуда девать, кроме нас!

Двое здоровенных мужиков вносят на сцену карету без колес и ставят на пол перед Фамусовым.

Один из мужиков. Хозяин просит передать, она давно уж на дворе, без дела. И только место занимает.

Фамусов *(разглядывая).* А-а!.. Его карета? А почему без колес?.. И куда ее девать теперь?.. *(Пожал плечами. Ушел.)*

Появился **Пушкин в** дорожном плаще и в шляпе...

Пушкин *(протянул).* М-м! Карета Комедии Российской! *(Помолчал. Снял шляпу и стал рассказывать.)* Говорят, его тело еще три дня было игралищем тегеранской черни. Его таскали по Тегерану, крича: «Дорогу

Российскому Посланнику!» Я слышал еще... ну, это уж из десятых рук, конечно! Когда там, в осажденной миссии, оставалась уже одна, последняя дверь... ее вдруг пинком ноги отворили изнутри. И на пороге, перед осаждающими, вырос сам господин Посланник. То есть наш Автор! В полном парадном мундире Полномочного министра и с орденом Льва и Солнца на груди. Это высший орден в Персии! И спросил ледяным тоном: «Что, собственно, вам угодно?»... И это было так неожиданно... так невероятно среди общей резни... что осаждающие невольно попятились и, вроде, устыдились... И все бы, может, еще кончилось хорошо... но в это время другие лица из толпы, что успели уже залезть на крышу, разобрали крышу и сбросили камень ему на голову!

Пауза.

Камнем в голову? Да, камнем! Что ж!... Для поэта еще не самая плохая смерть! Главное - быстрая!.. *(Еще помолчал. Тоскливо.)* О, русская Талья - муза Комедии! И почему ты так грустна? О, русская Талья, русская Талья! И не наскучило тебе играть Мельпомену?..

Уходит.

Возник **Чацкий** невесть откуда - из ближней кулисы. Постоял перед каретой. Усмехнулся. Поставил ногу на ступеньку.

Давно забытый - непередаваемый жест - прощанья: с залом? с миром, который покидает?..

Исчез в карете. И уезжает в карете без колес!

Потом вышла **Она** - вся в черном. Такая же юная, как была, - и только старше на целую жизнь.

И - в зал:

Она. Мой ребенок не мог жить! Я знала об этом. Он явился в мир слишком рано!.. Он прожил на земле всего один час. Но за этот час я успела окрестить его. Александром! В честь его несчастного отца!.. *(И пока она говорит, ее голос обретает силу и власть: того, другого - ушедшего. Помолчав, с вызовом.)* И вовсе неправда, что он так и не увидел своей Комедии на сцене! Увидел! Когда Двадцатая пехотная дивизия взяла Эривань... Офицеры и их жены устроили спектакль в одном из брошенных эриванских дворцов, в саду... Сыграли «Горе от ума». Любительски, конечно! И на этом, единственном, представлении - присутствовал сам Автор!

Вальс все громче... И за ее спиной, возможно, уже за прозрачным занавесом, «все кружатся в вальсе с величайшим усердием» - весь **«Бал Фамусова»**, затопляя собой развалины Театра своего Автора.

Звучит **Вальс Грибоедова...**

И на этом кончается собственная Драма Российского Посланника в Персии и Полномочного министра, который, кроме этой Драмы, - был еще Автором «Горя от ума».

Конец

Игорь АЧИЛЬДИЕВ (Москва)

БУДУТ ЛИ ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ В БЫВШЕМ СССР?

Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ) завершил по заказу Американского Еврейского Комитета второй этап исследования «Отношение к евреям населения бывшего Советского Союза». Обследование проведено в 10 республиках бывшего СССР: в России, на Украине, в Литве, Латвии, Молдове, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Грузии, Эстонии. На первом этапе - в 1990-м году - оно не затронуло Эстонию, в марте 1992 года - Грузию. В трех бывших республиках СССР - Армении, Туркмении и Таджикистане - оно вообще не проводилось. На каждом этапе опрашивалось около четырех тысяч человек. Главный вывод сотрудников ВЦИОМ: **вероятность еврейских погромов в бывшем СССР ничтожно мала.**

Автор настоящего обзора в этом сомневается.

ПОЗОЛОЧЕННАЯ ПИЛЮЛЯ

ВЦИОМ - заведение солидное, с хорошей репутацией и авторитетными учеными. Татьяна Заславская, Юрий Левада - это ли не цвет советской социологической науки? Когда подобное учреждение проводит крупное исследование, то усомниться в его выводах трудно. Хотя бы потому, что ВЦИОМ обладает мощным аппаратом изучения общественного мнения, заказами, деньгами, десятками сотрудников... И ведь другого-то исследования на ту же тему никем не проводилось. Как тут спорить с ВЦИОМом?

И все же, все же!.. Что утверждает ВЦИОМ? «Большинство респондентов отмечает высокие качества евреев как работников (45-67%), но считают, что евреи избегают физического труда (65-75%), ставят деньги и выгоду выше человеческих отношений (40-53%). За евреями признают качества хорошего семьянина (44-65%), поддерживают требования о равноправии евреев при приеме на работу (65-83%) и в учебные заведения (66-85%). Население бывших республик СССР с явным неодобрением относится к утверждению, что евреи виноваты в трудностях нынешнего момента (3-7% винят их в этом). Лишь немногие положительно относятся к тезису о том, что было бы лучше, если бы в нашей республике совсем не было евреев (5-14%)... **Толерантное отношение (к евреям) является преобладающим, тотальный негативизм в отношении евреев по-прежнему характерен для абсолютного меньшинства. Есть основания ожидать, что в общих чертах эта структура отношения к евреям сохранится в большинстве республик (бывшего) СССР по крайней мере в ближайшие годы».**

Короче говоря, отношение вполне терпимое, жить можно! Этот общий вывод вполне коррелируется с ответами респондентов на прямой вопрос сотрудников ВЦИОМ - «Как вы считаете, насколько вероятны в вашей республике в этом или следующем году еврейские погромы?»

До 10,9% ответивших на прямой вопрос о еврейских погромах, полагают, что они могут быть. Собственно, для самих погромщиков этих процентов вполне достаточно. Их количество даже в самые погромные годы исчислялось отнюдь не миллионами, но тысячами. Примерно одна треть опрошенных вообще затруднились ответить на этот вопрос, т.е. их позиция еще не определилась. Между прочим, это одновременно означает и то, что они еще не выработали свою установку к поставленной проблеме и весьма

вероятно, что они пойдут туда, куда их поведут за собой лидеры или главари. Социологи отлично знают, что эта группа респондентов - благоприятная почва для демагогов, политических авантюристов, главарей погромщиков. Кроме того, в любом социологическом исследовании прямой ответ на прямо поставленный вопрос никогда не означает правду. У человека, как правило, существуют десятки мотивов ее скрывать.

А теперь подумаем: можно ли, основываясь на этих данных, уверенно прогнозировать, что еврейских погромов в этом и следующем году в бывшем СССР не будет? Откуда такой оптимизм? Впрочем, оправдан ли пессимизм?

Говорят, позолоченную пилюлю проглотить легче, чем не позолоченную. Не знаю, не пробовал... Думается, правде надо смотреть в глаза. Поэтому хочу представить данные ВЦИОМ на суд читателя. Замечу сразу, что Центр передал прессе не все исследование, но его большую часть. Так, из 80 вопросов, заданных респондентам, прессой получены ответы лишь на 64, в основном - из исследования 1992 года. Целиком результаты ВЦИОМ обещает опубликовать «в ближайшее время». За это «ближайшее время» наверняка произойдут решительные изменения как в общественном мнении по отношению к евреям, так и крупные политические, экономические пертурбации в бывшем СССР. Кому тогда понадобится исследование ВЦИОМа? И как легко будет потом оправдаться в глазах научной общественности (если она еще будет существовать в СНГ)!..

Вот почему единственный выход из сложившейся ситуации - проанализировать то, чем мы располагаем сегодня. Как бы ни скупы и скудны были добытые от ВЦИОМа данные.

А теперь притсупим к анализу.

ПРИЯЗНЬ ИЛИ НЕПРИЯЗНЬ?

Ответам на этот общий вопрос исследования посвящены 35 частных вопросов. Они разбросаны по разным разделам, что сделано, разумеется, не случайно. Такая намеренно запутанная структура вопросов и ответов позволяет получить объективную картину. Отвечая на вопросы последних разделов, многие забывают свои предыдущие ответы. Такие вопросы называют проверочными, или контрольными. Выявляя отношение населения бывших советских республик к евреям, исследователям было важно решить центральную задачу: какое же это отношение - приязненное, или неприязненное? Сочувствие или отвращение - две главные составляющие психической установки, которая движет нашими повседневными поступками. «Громить» можно, очевидно, лишь тех, кто вызывает антипатию, ненависть. Защищать, поддерживать - тех, кто вызывает симпатию, кого вы уважаете, любите. Чтобы установить здесь истину, социологам приходится немало потрудиться.

Давно известны и стали классическими вопросы этой группы: «Как вы отнеслись бы к тому, что вашими соседями были люди таких национальностей, как евреи (или негры, мексиканцы, славяне)?», «В каких сферах деятельности евреи (или арабы, сенегальцы и т.д.) достигают наибольших успехов?», «Еврей в большинстве случаев, - хороший семьянин?», «Как Вы относитесь к тому, чтобы евреи работали рядом с Вами, в вашем трудовом коллективе?», «Как Вы относитесь к тому, чтобы рядом с Вами жила семья евреев?», « Чтобы еврей стал мужем Вашей сестры, а Ваш брат, сын, внук, другой близкий родственник взял в жены еврейку?».

Ответы на эти и подобные вопросы, как правило, вызывают наибольшее число негативных ответов. И объясняется это не столько отношением к евреям (вообще - представителям малых наций, живущих бок о бок с большой, главенствующей в данном регионе), сколько отношением к «чужакам» вообще. Стереотип тысячелетней давности, когда «людьми» и «настоящими людьми» признавались только те, кто составлял свой род, свое племя, поразительно живуч. Избавиться от него не удается ни «передовым» нациям, ни «отсталым». Русские, белорусы, украинцы, молдаване, узбеки и другие «государственные» народы бывшего СССР - отнюдь не исключение.

И действительно, **не иметь соседнями евреев предпочли** 24,2% респондентов в России, 23,1% - на Украине, 19,9% - в Беларуси, 21,6% - в Эстонии, 28,2% - в Латвии,

39,6% - в Литве, 4,6% - в Молдове, 15,8% - в Азербайджане, 20,6% - в Казахстане, 38,5% - в Узбекистане.

Не пожелали, чтобы еврей стал мужем их дочери, сестры, внучки: в России - 28,9%, на Украине - 39,5%, в Беларуси - 56,9%, в Эстонии - 27,5%, в Латвии - 47,7%, в Литве - 54,8%, в Молдавии - 34,0%, в Азербайджане - 74%, в Казахстане - 42,9%, в Узбекистане - 68,2%.

Не хотят, чтобы брат, сын, внук, взял в жены еврейку: в России- 20,0%, на Украине - 35,7%, в Беларуси - 59,3%, в Эстонии - 28,4%, в Латвии - 45,9%, в Литве - 49,1%, в Молдове - 33,6%, в Азербайджане - 71,2%; в Казахстане - 50,3%, в Узбекистане - 68,2%.

О чем говорят эти ответы?

Среди факторов негативизма можно выделить несколько главных. Во-первых, как говорилось, - отношение к «чужакам» вообще, в том числе к евреям. Во-вторых, высокий уровень развития исламского фундаментализма, характерный для мусульманских республик бывшего СССР. Бум фундаментализма за последние два года поставил в ряд нежелательных родственные связи с немусульманами, в том числе, конечно, с иудеями. В-третьих, всеобщий «парад суверенитетов» 1991 года - свидетельство резкого взлета национализма во всех бывших республиках СССР, когда «главная» нация отстаивала свою независимость, полагая (порой справедливо), что малые национальности и народы, которые «живут на ее территории», заинтересованы как раз в обратном - сохранении былого единства и подчинения бывшему центру страны.

Выделить собственно антисемитизм трудно. Тем более, что опрос проводился по отношению не ко всем малым народам республик бывшего СССР, а лишь по отношению к евреям. Уверен, что, поставь исследователь в один ряд с евреями в Молодове, к примеру, гагаузов, в Грузии - осетин и абхазов, на Украине - немцев и чеченцев, в Литве - поляков, он получил бы в отношении евреев куда меньший процент негативизма, чем по отношению к этим национальностям!

Тем не менее, исследование ВЦИОМ позволяет сделать общий вывод: **в целом неприязнь к евреям со стороны населения республик бывшего СССР прослеживается весьма четко.**

«Мне не хотелось бы, чтобы еврей стал моим начальником на работе» - утверждают в России - 27,5%, на Украине - 27,3%, в Беларуси - 33,3%, в Эстонии - 12,7%, в Латвии - 24,1%, в Литве - 30,0%, в Молдове - 15,8%, в Азербайджане - 28,1%, в Казахстане - 40,6%, в Узбекистане - 45,8%.

Даже в деловые партнеры не взяли бы еврея: в России - 18,7%, на Украине - 18,3%, в Беларуси - 21,1%, в Эстонии - 12,7%, в Латвии 28,2%, в Литве - 23,0%, в Молдове - 4,6%, в Азербайджане - 14,4%, в Казахстане - 41,1%, в Узбекистане - 29,4%.

Мало то, «население бывшего СССР» стремится приписать евреям негативные природдные качества, которые в их глазах выглядят цинично, порочно, недостойно истинной добродетели. К примеру, на вопрос **«Для евреев деньги, выгода важнее, чем человеческие отношения?»** дали положительный ответ в России - 39,9%, на Украине - 46,3%, в Беларуси - 57,7%, в Эстонии - 33,1%, в Латвии - 38,6%, в Литве - 49,1%, в Молдове - 46,9%, в Азербайджане - 41,7%, в Казахстане - 44,0%, в Узбекистане - 53,1%.

А на вопрос **«Живут ли евреи за чужой счет?»** утвердительно ответили в России - 23,4%, на Украине - 35,7%, в Беларуси - 39,4%, в Эстонии - 8,9%, в Латвии - 20,5%, в Литве - 28,3%, в Молдове - 36,1%, в Азербайджане - 24,5%, в Казахстане - 32,0%, в Узбекистане - 36,4%.

Некоторые из опрошенных сводят свою неприязнь к евреям в таком общем признаке, как **«неприятная внешность»**. Об этом сообщили в России - 15,9%, на Украине - 22,6%, в Беларуси - 25,6%, в Эстонии - 10,6%, в Латвии - 14,5%, в Литве - 21,9%, в Молдове - 22,8%, в Азербайджане - 26,6%, в Казахстане - 12,6%, в Узбекистане - 25,9%.

Думается, этих данных вполне достаточно для однозначного вывода: отношение в бывших республиках СССР к евреям неприязненное, они по-прежнему, как в сталинско-хрущевско-брежневские времена для многих остаются «внутренними врагами». Эта

антипатия затрагивает широкий спектр человеческих качеств, включая даже «неприятную внешность».

Разумеется, сама по себе неприязнь к людям той или иной национальности еще не говорит о том, что готовится очередная «хрустальная ночь». Психическую установку, принятую частью народа, надо сперва «подогреть»; евреи - в глазах «населения бывшего СССР», - должны превратиться не просто в неприятных людей, но и в некую потенциальную или реальную угрозу жизни, безопасности, культуре, благосостоянию - всему тому, за что люди готовы вступить в драку или даже отдать жизнь.

«ЕВРЕЙСКАЯ УГРОЗА»

Нависшая опасность - мотив поведения, особенно агрессивного. Под влиянием угрозы (даже мнимой) - человек способен на жестокие поступки, в том числе - на войну и погромы. Великолепная книга Барбары Такман «Августовские пушки» показала, как под влиянием взаимных демонстраций агрессивного поведения, в условиях невозможности принять обдуманное и взвешенное решение Европа начала Первую мировую войну. Мотивы для погрома могут быть менее весомыми, но все же они должны осознаваться общественным мнением именно как угроза - военная, культурная, экономическая, политическая, этническая. В конце концов она может быть даже неясной, непонятной, неразгаданной. Важно другое: чье-то чужое действие, или намерение должно осознаваться общественным сознанием как опасность. Ее можно разложить на составляющие, которые, основываясь на антипатии, создают «горячий» мотив будущего поведения человека.

В самом деле, на какие вопросы в действительности отвечает человек, когда его спрашивают **«Как Вам кажется, насколько большое влияние имеют в нашем обществе евреи?» или «Как Вы считаете, кто оказывает сейчас самое большое влияние на власти Вашей республики?»**.

В первом случае ответ «слишком большое» дали в России - 10,6%, на Украине - 9,1%, в Беларуси - 15,0%, в Эстонии - 1,7%, в Латвии - 8,2%, в Литве - 11,3%, в Молдове - 1,2%, в Азербайджане - 10,8%, в Казахстане - 12,6%, в Узбекистане - 5,2%.

Очевидно, что человек оценивает ситуацию в республике, прикидывает - на глазок, разумеется! - как велика «еврейская угроза» для него лично, для его окружения, для его народа. Как мы видим, в трех наиболее населенных республиках бывшего Союза каждый десятый и даже чаще расценивает эту угрозу, как вполне реальную. Вторая составляющая такого настроения - зависть, что евреи живут богаче и лучше, чем другие, что они, тем самым, отбирают у тебя или твоих близких жизненные блага.

Не случайно на вопрос **«Евреи живут богаче, чем другие?»** положительно ответили в России - 54,6%, на Украине - 73%, в Беларуси - 72,4%, в Эстонии - 65,3%, в Латвии - 61,8%, в Литве - 65,7%, в Молдове - 71,8%, в Азербайджане - 58,3%, в Казахстане - 50,9%, в Узбекистане - 62,9%. Проверочным вопросом тут может служить следующий: **«Как Вы считаете, нужно ли следить за тем, сколько руководящих постов занято евреями и ограничивать число евреев на руководящих постах?»** Что же на него ответили? **«Нужно следить и ограничивать»**: в России - 28,9%, на Украине - 19,9%, в Беларуси - 38,6%, в Эстонии - 16,1%, в Латвии - 31,8%, в Литве - 21,6%, в Молдове - 14,1%, в Азербайджане - 12,9%, в Казахстане - 30,9%, в Узбекистане - 32,5%.

Боюсь, что проценты не производят впечатление на читателя. Но ведь за каждым процентом в России стоит более чем миллион взрослых людей. Правда, из данных исследования не ясно, кто эти люди, какое занимают положение в обществе, принадлежат ли к числу ведомых или лидеров. Выборка была представительной, следовательно, там были и те, и другие. Важно, что их психическая установка сформировалась, они готовы действовать.

Впрочем, нет, я не назвал еще один фактор, который имеет существенное значение для формирования установки - самооправдание!

Человек почти всегда действует из благих побуждений. Даже под совершение тяжкого преступления он стремится подвести некую моральную «базу», создать хотя бы видимость

своей правоты, как-то обелить свои поступки. «Окончательное решение еврейского вопроса» в фашистской Германии, в частности, оправдывалось национальными интересами деловых кругов, всего немецкого народа, чьему благосостоянию и даже существованию якобы угрожали еврейский капитал, еврейская торговля и промышленность.

Итак, перед тем, как действовать, человек ищет доводы, его оправдывающие. И лишь тогда, когда они найдены, можно считать, что психическая установка сформировалась и человек к поступку готов.

«ЕВРЕИ ВИНОВАТЫ САМИ»

Это типичный прием: заявить противнику, что он сам виноват во всех своих несчастиях и вызвал «гнев народа» своим собственным поведением. Антисемиты обычно прибегают к давно выработанному стереотипу мышленияи: евреи распяли Христа - отсюда проклятие народов, которое на них лежит извечно. Проверяя, насколько живуч этот стереотип авторы исследования задают своим респондентам прямой вопрос: **«Евреи должны нести ответственность за распятия Христа?»**

С этим мнением согласились (в скобках - затруднились ответить на вопрос) в России - 17,4% (49,1%), на Украине - 14,5% (36,9%), в Беларуси - 22,4% (32,5%), в Эстонии - 5,9% (53,0%), в Латвии - 20,0% (53,6%), в Литве - 17,3% (43,1%), в Молдове - 15,4% (37,3%), в Азербайджане - 26,6% (61,9%), в Казахстане - 14,9% (50,7%), в Узбекистане - 30,1% (50,7%).

Думается, понятно, почему в данном случае я особо выдялею группу «затруднившихся с ответом»: мало зная о самой проблеме, они скорее склонны обвинить, чем оправдать, но не решаются это сделать в открытую перед работником ВЦИОМа. Проверочным вопросом здесь может служить такой: **«Евреи сильно преувеличивают свои беды, страдания, жертвы?»**. Здесь разброс утвердительных ответов от 53,7% в Беларуси (где была уничтожена примерно половина живших во время немецкой оккупации евреев), до 22,9% в Казахстане (где они сидели в сталинские времена и позже).

Характерно отношение ко второму антисемитскому стереотипу мышления, весьма распространенному среди «населения бывшего СССР» - в мире якобы **«существует мировой сионистский заговор, направленный на установление господства евреев над другими народами»**.

Утверждали, что такой заговор существует: в России - 9,3%, на Украине - 9,4%, в Беларуси - 11,0%, в Эстонии - 1,7%, в Латвии - 5,5%, в Литве - 8,5%, в Молдове - 4,1%, в Азербайджане - 5,0%, в Казахстане - 9,7%, в Узбекистане - 11,5%.

Проверяя откровенность ответов, исследователи задали два вопроса: Первый: **«Евреи не случайно в ходе своей истории так часто подвергались преследованиям, отчасти они сами в этом виноваты. Согласны ли Вы с этим мнением?»**

Полностью и отчасти согласны (суммарно) в России - 29,4%, на Украине - 27,2%, в Беларуси - 45,2%, в Эстонии - 22,9%, в Латвии - 30,9%, в Литве - 31,5%, в Молдове - 17,0%, в Азербайджане - 21,6%, в Казахстане - 32,5%, в Узбекистане - 37,4%.

Второй вопрос поставлен напрямую: **«Вы согласны или не согласны с мнением, что на евреях лежит большая вина перед другими народами?»** Утвердительно ответили: в России - 13,4% на Украине - 11,7%, в Беларуси - 13,4%, в Эстонии - 1,3%, в Латвии - 20,0%, в Литве - 11,3%, в Молдове - 13,7%, в Азербайджане - 12,2%, в Казахстане - 27,4%, в Узбекистане - 21,0%.

Пытаясь выяснить феномен «самооправдания», исследователи поставили три вопроса, ответы на них я привожу последовательно в скобках: первый - «На евреях лежит основная вина за спаивание нашего народа?»; второй - «На евреях лежит основная вина за бедствия, которые принесли людям революция и массовые репрессии в годы советской власти?»; третий - **«На евреях лежит основная вина за трудности, которые переживает сейчас республика?»**

Положительно высказались в России - 5,9 (12,9; 7,7)%, на Украине - 6,9 (16,1; 4,6)%, в Беларуси - 16,3 (24,8; 17,9)%, в Эстонии - 1,3 (1,7; 0,0)%,в Латвии - 0,9 (15,9; 5,5)%,

в Литве - 2,5 (17,0; 1,1)%, в Молдове - 5,0 (6,2; 2,1)%, в Азербайджане - 5,0 (7,9; 1,4)%, в Казахстане - 5,1 (15,4; 6,3)%, в Узбекистане - 10,5 (15,7; 7,3)%.

И здесь, как и во многих других ответах, мы видим, что примерно 10-12% всего «населения бывшего СССР» переносит на евреев вину за их беды, за беды своей республики, вчерашние или сегодняшние. У этих людей психическая установка, как мы видим, полностью сформировались: евреи им антипатичны, они им угрожают, они сами виноваты и в своих бедах, и в наших.

Теперь уже многие переходят от самоубеждения к размышлениям, что же с ними делать, с этими проклятыми евреями, от которых нет никакого толку, одни несчастья?

С этого момента начинается собственно подготовка поступка. Какого?

АНТИСЕМИТИЗМ В ДЕЙСТВИИ

По-видимому, мало кто из опрошенных даже самому себе признается, что он принял бы участие в погромах. Даже явный и откровенный антисемит ни за что не признается в своих подспудных желаниях. Напротив, каждый из них будет говорить и действовать, исходя из самых добрых побуждений. И дело здесь не в коварстве или вероломстве человека, а в неизбежной исторической девиации, некоем отклонении реального исторического пути от наших желаний и целей. Эти отклонения возникают почти неизбежно,особенно тогда, когда люди прибегают к экстраординарным мерам и в ход идет насилие над этническими или социальными группами.

И тем не менее на прямой вопрос, «**Нужно ли переселить всех евреев в Еврейскую автономную область на Дальнем Востоке?**» положительно ответили в России - 17,4%, на Украине - 13,8%, в Беларуси - 19,9%, в Эстонии - 6,8%, в Латвии - 8,2%, в Литве - 9,9%, в Молдове - 5,8%, в Азербайджане - 5,8%, в Казахстане - 13,7%, в Узбекистане - 25,4%.

Из этих людей вполне можно набирать конвойных для эшелонов с евреями. Впрочем, не все так жестоки, многие готовы облегчить участь евреев, а заодно и собственную совесть, предоставив евреям возможность уехать из страны.

Похоже, эти уже выписали себе индульгенции за будущие погромы. Ситуация, как мы видим, недвусмысленная. И все же, располагая только данными ВЦИОМа, рано делать окончательные выводы.

* * *

Опрос всегда рассматривается лишь как составная часть социологического исследования. Оно предполагает. что выводы должны делаться с учетом и других данных. Немаловажную роль играют средства массовой информации, ситуация в обществе. Крепкая исполнительная власть, основанная на демократии, предполагает, что мнение большинства (а как заметил читатель, антисемитизм присущ все же меньшинству опрошенных) будет учтено и до эксцессов дело не дойдет. Но что сказать об исполнительной власти в бывших республиках СССР? Ее практически нет. Иначе не было бы погромов в Сумгаите, в Ферганской долине, в Оше. Не было бы штурма телебашни в Вильнюсе. Не было бы многодневного антисемитского шабаша перед Останкинской телебашней.

Разумеется, современные погромы не будут походить на стародавние. Сейчас нет еврейских кварталов и районов. Но, как показывает недавний опыт межнациональной резни, толпа погромщиков действует в условиях крупных городов вполне уверенно. Отмечают крестиками квартиры, привозят во двор обломки железной арматуры и ждут вечера. Водка, мегафоны, заглушающие крики жертв... А милиция или ОМОН и пальцем не шевельнут в защиту мирных граждан, к тому же - евреев! Да и сами евреи в этой ситуации ведут себя достаточно странно. Может, они думают, будто великая русская культура не позволит люмпенам повторить гитлеровский опыт «окончательного решения» еврейского вопроса? Похоже, многие евреи послушно ищут веревку, которую надо приносить с собой ...

Игорь АЧИЛЬДИЕВ - заместитель главного редактора еженедельника «Мегаполис-экспресс». Гонорар за эту статью автор передал в фонд армяно-еврейского вестника.

Сергей ЛЁЗОВ

РУССКОЕ ХРИСТИАНСТВО И АНТИСЕМИТИЗМ

Как известно, современный антисемитизм формулируется не в христианских терминах. Вражда к евреям в девятнадцатом - двадцатом веках получала обоснование с помощью наукообразных расовых теорий - экономических, социальных, политических учений. При этом в центре современной концептуально оформленной юдофобии стоит идея еврейского или сионистского заговора, цель которого - установить еврейский контроль над миром.

Однако современный антисемитизм использует юдофобские представления, выработанные христианством. Миф о еврейском заговоре против человечества это секуляризация христианского представления о евреях как о вечных врагах, о народе, отвергшем Христа и служащем дьяволу.

Антиеврейское содержание имеется в самой структуре христианской веры. Как видно уже из Нового Завета, христианство понимает себя как «Новый Израиль», который самим Богом избран вместо старого, поэтому изнутри христианства, в самом Новом Завете возник «один-единственный» извечный еврейский вопрос - в чем смысл продолжающегося существования иудаизма и евреев для нас, христиан.

Этот вопрос исходит из предпосылки, согласно которой с приходом Христа историческая роль старого ветхозаветного Израиля исчерпана и не обратившимся евреям больше нечего делать в этом мире: они должны исчезнуть. Классическое христианство не видит в евреях субъекта истории. Евреи - живое ископаемое и Бог сохранил их лишь ради того, чтобы они своим внеисторическим бытием свидетельствовали (как бы от противного) о христианской истине. Ведь двух избранных народов не может быть. После Катастрофы европейского еврейства в либеральном христианстве возникло ощущение вины перед евреями, которое привело к частичному пересмотру этих постулатов. Это можно сравнить с тем, как леволиберальные американские интеллектуалы чувствуют вину белых американцев перед индейцами, перед народами третьего мира и перед угнетенными этническими меньшинствами в самих Соединенных Штатах. Однако в России либеральная политическая культура очень слаба, поэтому русского христианства, то есть русской православной церкви это движение раскаяния не коснулось. Напротив, русское православие имеет ярко выраженный этноцентрический и часто националистический характер. Классический христианский антииудаизм сохранился в нашей церкви в нетронутом виде, поэтому христианство в нашей стране не в состоянии противостоять ксенофобии и в особенности антисемитизму. Русский агрессивный национализм использует православие в своих целях и способен видеть в нем один из собственных компонентов и даже идеологическое обоснование. Можно сказать, что русская православная церковь сохранила свой средневековый досовременный этнос и сейчас, в дни быстрых политических и интеллектуальных изменений, наша церковь остается, возможно, наиболее консервативной частью русского общества.

Русская православная церковь продолжает жить за счет тех смыслов, которые потерпели крах под ударами истории двадцатого века. Задача критического анализа и переоценки православной традиции не ставилась. Никто в церковной

иерархии не задавал вопрос: почему в семнадцатом году русское православие оказалось неадекватным, не смогло ответить на вызов большевизма и потерпело неудачу как духовный лидер нации. Русская церковь никогда не признавала, что она несет долю ответственности за национальную катастрофу коммунистического правления. В нашей стране нельзя заметить ничего такого, что случилось после войны в Германии, где была предпринята работа интеллектуального прояснения, в которой участвовали также и церкви. В нашем случае напротив были приложены все усилия к тому, чтобы сохранить целостность нашей этноцентрической православной традиции. Поэтому в России сегодня мы наблюдаем то самое православие, которое не выдержало уже однажды испытания и во многих отношениях оказалось банкротом.

Можно добавить также, что либеральная западническая часть русской интеллигенции смотрит на православную церковь, на те социальные ценности, которые она представляет, с глубоким недоверием и подозрением.

(перевод с английского)

Михаил ЗАРАЕВ

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ В АМЕРИКАНСКОМ КОНГРЕССЕ

В середине марта 1993 года в конгрессе США состоялись слушания на тему об антисемитизме в республиках бывшего Советского Союза.

Среди выступавших перед конгрессменами специалистов был преподаватель Российского гуманитарного университета, историк Сергей Владимирович Лезов. Прежде чем опубликовать текст его выступления и понимая, что далеко не все наши читатели согласятся с высказанной им точкой зрения, мы задали Сергею Лезову ряд вопросов.

- *Почему именно сейчас американский конгресс заинтересовался проблемой антисемитизма?*

- Прежде всего, разумеется, не весь конгресс. Там существуют объединения конгрессменов, как у нас бы сказали, по интересам. Скажем, одних занимает женский вопрос, других - положение афроамериканцев. Есть объединение, занимающееся правами человека, его возглавляет Том Лантос, человек, переживший нацистский геноцид, спасенный Валленбергом. Так вот это объединение и провело слушание на тему антисемитизма...

- *А как оно проходит?*

- На сцене сидят представители обеих палат конгресса, лицом к ним за столом люди, дающие показания. Как бы допрос свидетелей.

- *И кто же в данном случае свидетельствовал, кроме Вас?*

- Представитель российского МИДа, занимающийся правами человека, Вячеслав Бахмин, профессор Нью-Йоркского городского университета, эмигрант Александр Янов и руководители Московского и Киевского бюро одной американской еврейской организации, о которой я скажу дальше, Аркадий Дубнов и Семен Глузман.

- *Ваши позиции совпали?*

- Не во всем. Версия, изложенная Бахминым, состоит в том, что, если раньше у нас был государственный антисемитизм, то теперь его нет, а бытовой - резко уменьшился, так как острие ксенофобии переместилось на «лиц кавказской национальности». По отдельности каждое такое утверждение верно. Уровень антисемитизма сейчас ниже в сравнении с тем, что ожидалось после конца коммунистической эры. Вместе с тем силен расизм по отношению к кавказцам. Но полагать, что между этими двумя явлениями есть связь, по меньшей мере, наивно.

- *Так почему же все-таки проблема обсуждалась именно сейчас?*

- Инициатором обсуждения была организация, о которой я обещал рассказать подробнее - Союз советов по делам советских евреев. Созданный в начале

семидесятых для помощи евреям-отказникам, этот Совет сейчас, когда выезд приобрел массовый характер, вынужден вырабатывать новую позицию: как помогать, в чем теперь состоит эта помощь. И слушания в конгрессе происходили как раз после годового собрания Совета союзов.

Вообще надо себе представить психологию американской еврейской общины, с пятидесятых годов воспитывающей в себе сознание вины за молчание в годы Катастрофы европейского еврейства. Ведь они не сделали почти ничего в то время, как погибали миллионы их братьев и сестер.

- *А почему не сделали?*

- Видимо, потому, что не хотели, боялись обнаружить свое еврейство. Они годами боролись за то, чтобы найти свое место в Америке, стремились как можно скорее включиться в американскую жизнь, фактически ассимилироваться. Они загоняли внутрь свое национальное чувство, проникаясь в результате неким интериоризированным - внутренним антисемитизмом, который свойствен сейчас и русским евреям. Русская еврейская община, отстав на несколько шагов от американской, как бы повторяет ее путь и это для меня, как историка еврейского народа, весьма интересно и поучительно.

- *Нельзя ли сказать подробнее об этой интериоризации антисемитизма?*

- Когда мы говорим о действительности русского еврейства, его разрыве с национальным наследием - языком, культурой, религией - то задумываемся над тем, что же делает еврея евреем? Прежде всего антисемитизм. Но ведь и евреи усваивают стереотипы отношения к своему народу, которые свойственны их окружению - русским, украинцам... Возникает то, что американцы называют самоненависть. Еврей ненавидит свое еврейство и стесняется его. У американских евреев это было в двадцатые-тридцатые годы несмотря на то, что они жили в демократическом обществе. И понадобилось время, чтобы они почувствовали, что они такие же эмигранты, как все остальные жители континента, что они могут быть американцами и евреями, могут выдвигать политические требования, оказывать политическое влияние на органы власти, то есть что они способны включиться в американскую демократию.

Усвоение этого нового мироощущения пришло после войны, когда возник вопрос об ответственности американского еврейства за уничтожение европейского. Теперь уже стала вырабатываться такая идеология: коль скоро американские евреи виноваты в том, что молчали в годы войны, то уж теперь они обязаны приложить максимум усилий для спасения советских евреев. Помощь представлялась конкретной: как выбраться из Советского Союза. Долгие годы были ограничения, отказы, наконец в 1989 году пошла массовая эмиграция. За это время уехало полмиллиона.

- *Нам кажется: все уехали, Москва опустела.*

- Это нам кажется. А с точки зрения американской общины каждый советский еврей - потенциальный «отъезжант». С их точки зрения то, что произошло, - не отъезд. Ведь миллионы-то остаются. При всех тяготах нашей жизни аналогию с третьим рейхом теперь никак не используешь. Значит, надо понять и переосмыслить ситуацию в России, разъяснить рядовому американскому еврею, привыкшему давать деньги на отъезд из Советского Союза, что теперь русским евреям надо помогать создавать такие же структуры, что есть в американской общине. Это и было предметом обсуждения на годичном собрании Совета союзов, на котором я также выступал.

Впервые я был в США в 1990 году. Тогда я выступал на собрании одного из наиболее активного совета помощи советским евреям в Сан-Франциско и говорил: «Надо помогать жить в России». Тогда меня слушали скептически. Сейчас приходится менять идеологию.

Как русский патриот, я надеюсь, что Россия выйдет из кризиса и создаст общество, которое будет не стыдно передать своим детям, к какой бы этнической общине они ни принадлежали.

Вера ЧАЙКОВСКАЯ /Москва/

О ЕВРЕЙСКОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. К постановке проблемы

Крепко пришлось задуматься над этой самой «ветвью» после посещения редакции одного из недавно созданных столичных журналов. Редактор тыча пальцем в страницу моей рукописи, произнес с искренним недоумением:

- Разве Мандельштам русский поэт?

- А какой? - наивно спросила я.

- Ну уж не знаю, какой - русскоязычный, советский, только не русский. Русскоязычный? Мандельштам? На моих глазах гранитная глыба русской поэзии XX века зашаталась и начала обваливаться - подкапывались под основы.

- А Фет тоже русскоязычный? - уже менее наивно спросила я, и разговор на этом оборвался. Говорить, собственно, было не о чем. Однако... Однако мысль работала. Хорошо, Мандельштам, конечно, поэт русский - в том смысле, что входит в систему русской культуры, питается ее соками и сам прокладывает в ней новые пути.

Но отразилось ли на его поэзии то, что он - еврей? И сказалась ли национальная принадлежность, положим, на творчестве таких художников, как И.Левитан, М.Шагал, А.Тышлер, которые причисляли себя (да и исследователи их причисляют) к русской художественной традиции?

То есть вопрос ставится так: можно ли внутри русской культуры наметить особый еврейский культурный извод, особую национальную ментальность? Разумеется, не для того, чтобы «столкнуть лбами» русскую и еврейскую традиции (кстати, они повсеместно переплетаются), а чтобы лучше уяснить тенденции национального художественного сознания, неуничтожимого в своей специфике несмотря ни на что. Предвижу возмущенный ропот оппонентов и повторю вслед за апостолом: «Несть ни эллина, ни иудея». Все правильно, когда речь заходит о человечестве и его общей устремленности к добру. Но человечество «стоит» на различиях, которые и создают волнующую неисчерпаемость культуры - это различие мужского и женского, взрослого и детского, это и различия национальные, всеми интуитивно ощущаемые. Ведь говоря о «детском» рисунке или «женской» прозе, мы вовсе не собираемся «обличить» детей или женщин, а просто хотим выявить некоторую специфику, присущую женскому или детскому

Вера ЧАЙКОВСКАЯ - литературный критик,искусствовед, кандидат философских наук, член Союза художников, автор работ по проблемам русской художественной культуры и современного искусства. Степендиат конкурса гуманитариев Международного фонда «Культурная инициатива».

взгляду на мир. А таковая существует, даже если не все женщины пишут «по-женски» и не все дети рисуют «по-детски». Все исключения из правил как раз и обнаруживаются при определении специфического. А потому, на мой взгляд, ничего «оскорбительного» для национального самолюбия в разговоре о национальных различиях нет.

Материи это тонкие, и серьезные попытки разобраться в них пока что достаточно редки. Поэтому речь может идти лишь о некоторых эвристических предположениях, предварительных замечаниях о различиях и сходстве русской и еврейской ментальности внутри русской культуры. Разумеется, различия эти не абсолютны, и все-таки они ощущаются, пусть лишь как тенденция, общая направленность художественного сознания.

2. О «предельности» русской культурной традиции

Чем русская культура XIX века потрясла мир?

Мне кажется, своим духовным максимализмом, нежеланием довольствоваться «умеренной» нормой средней обывательской жизни. Отсюда «лишние» люди и «безумцы» - герои русской прозы от Пушкина («Евгений Онегин») до Достоевского («Идиот»), юродивые и странники - постоянные персонажи русской живописи от А.Иванова («Явление Мессии») до М.Нестерова («Пустынник»). Западному миру «здравого смысла» и жизненной «нормы» (а именно здравый смысл славит французский еврей А.Бергсон, называя Францию «классической страной здравого смысла») русская культурная традиция противопоставляет тяготение к полярностям и крайностям. Здравый смысл здесь едва ли не отождествляется с пошлостью, мещанской ограниченностью. Причем тяготение подобного рода свойственно как русским, так и евреям, что было подмечено еще Н. Бердяевым: «По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с народом еврейским... Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности».*

Вероятно во Франции, стране «здравого смысла», и еврейская ментальность несколько теряла в «безудержности», но в России «поляризованность» и «противоречивость» еврейского менталитета совпадала с русской национальной направленностью и, возможно, поэтому проявилась в полной мере.

Н.Бердяев связывает это тяготение к «крайностям» с глубинным эсхатологизмом и катастрофизмом, свойственным как русскому, так и еврейскому сознанию.

В наши дни это стремление во всем доходить до предела возможного нередко расценивается как «несчастье русских» в свете горестных итогов «русского пути», подводимых ныне (Д.Лихачев), - но парадокс в том, что это «несчастье» во многом обусловило мощную, свежую и максималистскую по своей внутренней устремленности русскую литературу XIX века, а также питало искусство XX столетия,

*Н.Бердяев. Русская идея. - «Вопросы философии», 1990, N 1, с.78.

вопреки официальным гонениям и запретам.

Исступленную максималистскую предельность требований к себе и миру встречаем уже у прототипа Аввакума с его неистовым житием, а затем она в той или иной мере проявляется то в грандиозном замысле «Явления Мессии» А.Иванова, то в экстатическом переживании мира природы Исааком Левитаном*), то в испепеляющих страстях героев Достоевского, то в духовной окрыленности персонажей М.Шагала - местечковых чудаков.

Русская ментальность, как правило, не тяготеет к «золотой середине», к скромному «уюту», к житейскому счастью - слово, которое в русской традиции как бы требует эпитета «мещанское» (кстати, так и назван один из романов Помяловского).

В этом смысле очень показательна реакция Андрея Тарковского во время его путешествия по Америке на вопрос американского юноши, как ему стать счастливым: «Почему он задает такие глупые вопросы?»

Присутствовавший при этом польский режисер К.Занусси в своих воспоминаниях поясняет, что молодой американец имел в виду под счастьем жизненный успех и комфорт. Для Тарковского же со счастьем связывались совсем иные реальности, да и само это понятие было достаточно проблематичным.

Здесь опять-таки следует оговориться, что в русской культуре можно встретить и иные, более гармоничные и уравновешенные установки сознания. Но та, о которой идет речь, пожалуй, наиболее характерна для отечественной интеллигенции, именно она особенно ярко запечатлелась в художественном творчестве.

И тут на память приходит, на мой взгляд, необычайно плодотворная культурно-психологическая типология, предложенная в свое время Г.Гейне.

Гейне выдвинул два противоположных человеческих типа: «эллина» и «назареяна» (иначе «иудея»).

«Все люди, - писал Гейне, - или иудеи, или эллины; или это люди с аскетическими, иконоборческими, спиритуалистическими задатками, или же это люди жизнерадостные, гордящиеся способностью к прогрессу, реалисты по своей природе»**.

В типологии Гейне речь не идет о национальной принадлежности, - самого себя, вопреки этой принадлежности, Гейне зачисляет в «эллины». К «назареянам» же, людям одной страсти, спиритуалистам, отрекшимся от чувственных начал бытия, он относит видного немецкого публициста, еврея по национальности, Людвига Берне, даже возлюбленная которого, мадам Воль, представляется Гейне недостаточно красивой, а отношения между ней и Берне - слишком неопределенными и призрачными.

***К.Коровин вспоминает, как его старший товарищ по Училищу живописи, ваяния и зодчества Левитан, оказавшись вместе с ним в Сокольниках и созерцая природу, «плакал и грязной тряпочкой вытирал у носа бегущие слезы». - Константин Коровин вспоминает. М., 1971, с.161.**
**** Г.Гейне. Людвиг Берне. - Соб. соч. в 10 тт. М., 1958, т. 7, с.15.**

Сам Берне, судя по всему, вовсе не был таким однобоким спиритуалистом-аскетом, каким пытается его обрисовать Гейне*. Но и Гейне не был тем гармоничным жизнелюбцем-эллином, каким он себя изображает, - достаточно вспомнить мотивы неразделенной любви у молодого поэта, а также едва ли не всю его позднюю лирику.

Однако типология, предложенная Гейне, все-таки схватывает какие-то доминирующие черты не просто отдельных людей, но, видимо, и национальных менталь-ностей.** Так, русские и евреи по этой типологии скорее всего должны быть отнесены к «назареянам» (христианам и иудеям у Гейне), а не к «язычникам» - эллинам.

В самом деле, их эсхатологическому сознанию по большей части чужда уравновешенная гармоничность «эллинов». Они люди какой-то одной страсти, крайностей, перехлестов.

Это у них общее, и тому есть, по всей видимости, не только типологическое, но и историко-культурное обоснование.

Г.Федотов в известной работе «Трагедия интеллигенции» отмечает, что в русской культуре в пору ее христианизации был введен славянский литургический язык, что привело к отрыву от классической традиции.***

В самом деле, в Древней Руси не знали логики Аристотеля, не читали поэм Гомера или од Горация. Но здесь хорошо знали жития святых с их чудесами и духовными подвигами, любили апокрифы и хождения, тоже наполненные чудесами и фантастическими видениями.

Классической мере, логике и ясности тут изначально предпочитали спиритуалистический порыв и веру в чудо. Но подобного же рода установки сознания характерны и для ветхозаветной традиции.

3. О двух разновидностях «назарейства»

Если принять, что Гейне - тоже «назареянин», - то назарейство его все-таки довольно сильно отличается от того, которое он приписывает своему другу-врагу

* Парижские письма Л.Берне полны восторженных отзывов об искусстве. В одном из писем, адресованных мадам Воль, он, восхищенный пением Марии Малибран, пишет, что готов «воровать» и «грабить», лишь бы не пропустить ни одного ее выступления. Хорош аскет! - Парижские письма. М., 1938, с.95.

** Замечу, что в самой России XIX - нач. XX вв. была популярна несколько иная культурная типология, восходящая к идеям Ф.Ницше о «дионисийском» и «аполлоновском» началах культуры. /см. «Рождение трагедии из духа музыки»/. Идеи дионисийства, хмельного и «ночного» состояния души увлекли Вячеслава Иванова, их отголоски слышны в «метельной» поэзии Александра Блока. Но Ницше, убежденный противник и христианства, и иудаизма /см. его трактат «Антихристианин»/ исходит в своей модели культуры исключительно из парадигмы античности, оставляя в стороне то спиритуалистическое и «предельное» начало, которое Гейне обозначил как «назарейское» и которое оказалось столь существенным для сознания русской интеллигенции.

*** Г.Федотов. Трагедия интеллигенции. - сб. О России и русской философской культуре. М., 1990, с.411.

Берне. Оно, действительно, более земное, тяготеет в идеале не к «потустороннему», а к земному счастью и земной любви, а если это недостижимо, - то не идеал тут виноват. Интересно, что два подобных варианта «назарейства» можно встретить и в русской культуре. Так, например, если выстроить цепочку из замечательных русских и еврейских живописцев, принадлежащих русской культуре XX века, - П.Филонов, К.Петров-Водкин, В.Попков, с одной стороны, а с другой, - М.Шагал, А.Тышлер, Р.Фальк, И.Табенкин, - то бросится в глаза гораздо большая суровость, строгость и аскетичность русских художников в сравнении с более мягкими, радостными и ориентированными на чувственный мир художниками-евреями, при том, что «назарейская» нота высочайшего духовного накала, своеобразной одержимости присуща как тем, так и другим.

Речь идет о самом типе художественного жизнеощущения и модели личного поведения, нередко отличающихся у русских авторов чертами почти «религиозного» аскетизма и жертвенности.

Разумеется, и среди русских художников можно встретить многочисленные примеры более мягкого и чувственно полнокровного отношения к миру, как, скажем, у «бубнововалетцев» П.Кончаловского или А.Лентулова.

Как и среди еврейских авторов есть примеры более аскетичной и суровой по духу живописи, чем у М.Шагала или А.Тышлера. Но речь идет о некой ведущей тенденции.

Внутри «назарейства» таким образом, обнаруживается, по крайней мере, две культурно-психологические разновидности: 1) земная, ориентированная на чувственный мир и земное устроение, присущая в рамках русской культуры еврейскому художественному сознанию, и 2) более аскетическая, порывающая почти со всем бытовым и обыденным в стремлении к «иному миру», свойственная русским. Разумеется, границы между ними достаточно условны, и оба этих начала могут переплетаться,

Глубинные культурно-религиозные основы этих разновидностей можно обнаружить в работе Н.Бердяева «Смысл истории». Причем, как кажется, отмеченные автором различия религиозного сознания русских и иудеев не исчезают и в сознании секуляризованном, создавая особую «подпочву» культурного строительства.

По Бердяеву, религиозное сознание иудеев ориентировано на земное пришествие Мессии и устроение земных дел в духе справедливости, русские же (христиане) не надеются на земное блаженство, перенося все свои упования в «иной мир», по слову Христа: «Царство мое не от мира сего».

И, видимо, далеко не случайно С.Булгаков среди лучших черт русской интеллигенции отмечает «некоторый пуританизм, ригористические нравы, своеобразный аскетизм, строгость личной жизни».* Булгаков приводит как пример таких личностей людей вполне атеистического сознания - Чернышевского и Добролюбова.

*** С.Булгаков. Героизм и подвижничество. - Сб. «Вехи». М., 1909, с.33.**

Отчего это? Да здесь, по всей видимости, опять-таки проявляется все та же устремленность за пределы «земного бытия», отвращение к царству «от мира сего», которое во многом присуще сознанию русской интеллигенции и, которое, положим, И.Бердяев уловил в национальном мироощущении, занимаясь дотошным самоанализом; путь вообще характерный для философии XX века, где общее постигается «из себя» и «через себя»: «Я чувствовал себя существом, не произошедшим из «мира сего» и не приспособленным к «миру сему»... Меня отталкивал всякий человеческий быт, и я стремился к прорыву за обыденный мир».*

Любопытно, что характеристика русской интеллигенции, данная С.Булгаковым, очень точно подходит и к лучшим представителям русской художественной интеллигенции 20-40 годов XX века - прозаикам М.Пришвину, А.Платонову, художникам П.Филонову, К.Петрову-Водкину, тяготеющим именно к аскетической модели личного поведения. Тут можно вспомнить многочисленные, очень искренние дневники М.Пришвина, а также историю его второй женитьбы, к моменту которой пожилой писатель сохранил и юношеский максимализм, и юношеский идеализм.

Сходные черты находим и у художников второй половины XX столетия - писателя А.Солженицына, кинорежиссера А.Тарковского, живописца В.Попкова, явно примыкающих к «суровому» изводу назарейства. В своей прозе и публицистике А.Солженицын призывает к «отказу» и «самоограничению».**

Жорж Нива пишет о прозе Солженицына: «Тюремная аскеза помогает солженицынскому человеку достигнуть *самоограничения*... Находясь в *ситуации* исторгнутости из повседневного существования, человек легче вырывает плевелы из своей души. Но нужно отречься от них добровольно».***

Последний фильм А.Тарковского так и назван «Жертвоприношение». Перед нами горькое пророчество, где спасение ждет человека и человечество только на путях отказа от «возрожденческой», цветущей полноты бытия, суровой и жестокой жертвы. Недаром герой «Жертвоприношения» отказывается в финале от Дома, сжигает его, притом, что само понятие дома на протяжении всего творчества связывалось у Тарковского с самым для него дорогим и ценным. Достаточно всепомнить «Солярис» и «Зеркало», где именно Дом - воплощение теплоты земного бытия. Трагически суровы по духу и работы позднего В.Попкова, который и начинал как автор, так называемого, *сурового* стиля, расцветшего в советском искусстве в конце 50-х - начало 60-х годов. Художник с течением времени, разумеется, менялся, его творчество усложнялось, становилось все более обобщенно-философичным, но элементы «суровой» сосредоточенности и максималистического правдоискательства остались доминирующими. Пожалуй, накал духовного поиска со временем даже усилился. Достаточно вспомнить такие «обжига-

---

* Н. Бердяев. Самопознание. - «Наше наследие». 1988, N 6, с. 42-43.
** см. статью А. Солженицына «Раскаяние и самоограничение как категория национальной жизни». - сб. «Из-под глыб». 1974.
*** Ж.Нива. Солженицын. - «Дружба народов». 1990, N 5, с.220.

ющие» поздние работы художника, как его автопортрет в шинели отца («Шинель отца», 1972) или параболическое изображение похорон деревенской «праведницы» («Хороший человек была бабка Анисья», 1973).

Вполне в духе некой общей «типологической» характеристики русской интеллигенции и бердяевские слова о его отталкивании от всякого человеческого быта.

«Безбытность» русской интелллигенции XX века связана отнюдь не только с войной и разрухой. Дело в самой установке сознания, игнорирующей земное «устроение». Причем, как это ни странно, речь идет не только о философах и писателях, но даже о художниках, для которых вроде бы «внешнее оформление» жизни должно значить достаточно много. «Отталкивание от всякого быта» характерно, например, для П.Филонова - художника мощнейшего новаторского живописного дара и аскетически подвижнической жизни. Жил бы он иначе, не будь революции, разрухи, имей он деньги? Не знаю. Дело, повторяю, не только во внешних условиях и обстоятельствах, но во внутреннем настрое. Видимо, не случайно один из учеников Филонова - Г.Щетинкин, описывая его квартиру в Ленинграде 40-го года (она же и мастерская), никак не может припомнить, где стоял «платяной шкаф или что-то другое для хранения одежды...»* Деталь символична. С аскетическим образом жизни Филонова вещи не ассоциировались, художник жил как бы вне быта, даже сам его облик был абсолютно лишен черт богемности, поражая аскетизмом внешнего выражения: «худой лысый старик, одетый в черную спецовку и спецовочные брюки...»**

Да и в живописи П.Филонова, несмотря на ее поразительную, излучающую свет красоту, мы почти не найдем гимна земному «уюту», любования материальной плотью вещей. Тут везде в посыле некий трагического толка «отказ» - от нормального, налаженного, счастливого быта; вся живопись П.Филонова как бы чуждается «милых» привычек бытия, времен года в их живой неповторимой конкретности, индивидуальных прихотей - в пользу «всемирного» и «надмирного», представшего в пророческих эсхатологических видениях художника («Пир королей»), в обобщенных «формулах» его фантазии («Формула весны», «Формула петроградского пролетариата»).

По словам того же Г.Щетинина, художник призывал учеников к «максимальному напряжению», что вполне соответствует «назарейской» одержимости. Да и само дело живописца в этом контексте воспринимается почти как религиозное служение, что вполне в духе русской культурной традиции.

Такое же максимальное духовное напряжение встречаем у К.Петрова-Водкина, тоже в этом смысле продолжащего традиции русской интеллигенции.

В работах Петрова-Водкина послереволюционных лет древнерусская художес-

* Г.Щетинин. Школа Филонова. - «Наше наследие». 1988, N 6, с. 36.
** Там же, с. 32. Интересно, что и М.Пришвин, на старости лет получивший, наконец, хорошую квартиру в Москве, писал: «Квартира эта - только чтоб редакторов обмануть, что, мол, у меня, как у всех людей «с положением». Мне самому это чуждо». - «Дружба народов». 1990, N 6, с.254.

твенная традиция наполняется новым смыслом, причем художник использует как живописно-пластическую систему иконописи, так и ее глубинный духовный настрой. Русская революция трактуется им в бытийном, жертвенно-суровом ключе. Безымянные ее свидетели и участники продолжают линию **жертвенного аскетизма.** Такого рода образы встают в работах художника «1918 года в Петрограде» («Петроградская мадонна», 1920), «Смерть комиссара» (1927), «Селедка» (1918).

Любопытство сравнить «Селедку» Петрова-Водкина со сходным по мотиву и почти одновременно написанным натюрмортом Давида Штеренберга «Натюрморт с селедкой» (1917-1918). Дело в том, что обе работы по-своему аскетичны, но все же в пределах тех суровых обстоятельств, которые предлагало время. художники по-разному трактуют быт и бытовые лишения.

Для Петрова-Водкина, собственно говоря, быт не существенен. Его волнует другое - встающий за убогим пайком из ломтя черного хлеба, селедки и двух картофелин образ «подвижника революции», во многом сходный с образом сурового аскета, набросанного С.Булгаковым, пусть сам философ и пытался разделить революционный героизм и религиозное подвижничество. На деле, что явственно показывает искусство, глубинный национальный идеал подвижничества вполне совмещался с революционным «служением», по крайней мере, в первые годы революции. Натюрморт красив, даже изыскан, но красота эта относится не к «быту», а к тому спиритуалистическому порыву «сквозь мирское», который прозревал художник в революции. Это «иное» смутно возникает на перефирии холста в образцах древнерусского искусства.

У Д.Штеренберга, пожалуй, не получилось такого поразительного обобщения, как у Петрова-Водкина, нет той неистовой напряженности и широты образа. Его натюрморт камернее и, как мне представляется, пронизан большим доверием к «простым вещам». Художник их разглядывает и не только любуется, но и передает некое жадное вожделение изголодавшегося человека к простой, но вкусной еде: селедке, хлебу.

Все увидено не только сверху (как у Петрова-Водкина), а еще и с очень близкого расстояния, причем человеком, явно истосковавшимся по еде, оттого-то так хищно изогнута готовая впиться в селедочные бока вилка, лежащая на деревянной коричневой дощечке, так нервозно-экспрессивны изображения двух селедок на ослепительно белом блюде. Здесь более ощутимо индивидуально-человеческое, уязвимое и нервное начало. а быт не просто путь к и «иному», но и скудный уют земного гнезда. Штеренбергу достаточно простой селедки на блюде для ощущения этого «гнезда», а Мандельштама, как помним, могла согреть и «серная спичка». Не имеющий своего угла поэт, вынужденный с женой скитаться по чужим квартирам, использует любую малость, чтобы почувствовать себя в тепле домашнего уюта.

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

Вообще у еврейских авторов элемент чувственного переживания мира, проник-

новения в его «живую плоть», трагически-радостное приятие бытия выражено, как мне кажется, несколько сильнее и острее.

Марк Шагал, Александр Тышлер, Илья Табенкин творят вроде бы совершенно фантастические, прихотливые меры, основанные на воображении, - но миры эти сохраняют тепло реальных воспоминаний, цвет, вкус, запах, неповторимые особенности, с детства запавшие в душу.

Их трагическое постижение мира почти всегда освещено трепетом радости, а не «отказом» и «неприятием».

Радость - ключевое слово для этих авторов, как бы ни были суровы их реальный быт, их жизненная судьба. И, по всей видимости, это не «случайность», а некая глубинная закономерность, мощное подспудное влияние традиции, которое они сами могли и не осознавать.

В.Розанов связывал эту «жизненность» евреев с религиозным освящением в иудаизме семьи и вообще пола, но представляется, что это слишком узкое толкование. Вероятно, речь должна идти о религиозном освящении всего бытия, о признании его благом, что свойственно ветхозаветной традиции. Так, через одну из самых глубоких и мудрых книг Ветхого завета «Екклезиаст» лейтмотивом проходит тема веселья: «И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем».

А известный хасидский равин Раби Нахман из Браслава (1772-1810) говорил, что «великий закон Торы - всегда быть в радости». Теперь становится понятнее то «радостное» дыхание, которое свойственно лирике Мандельштама.

Надежда Мандельштам пишет, что О.Мандельштам прожил жизнь «без страха». И поясняет: «Его свобода заключалась в радости».*

В сущности поэт остался верен юношескому радостному удивлению чуду жизни, прозвучавшему еще в «Камне»:

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Не так было у его современницы Марины Цветаевой, представительницы неистового назарейского «отказа»:

На твой безумный мир
Ответ один - отказ!

Или у В.Ходасевича:

Мне каждый звук терзает слух.
И каждый луч глазам несносен.

И дело, как мне кажется, не в «качестве жизни»; судьба Мандельштама не менее трагична, чем судьба Цветаевой и Ходасевича, - дело в мироощущении.

Марк Шагал в одном из стихотворений молит Бога помочь ему сделать так, чтобы его картина «светилась радостью». О радости как о глубинной цели своего

* **Н. Мандельштам. Вторая книга. М., 1990, с. 147.**

творчества пишет и Александр Тышлер: «...я стараюсь доставить людям радость, и мне приятно ее создавать и для себя».*

Во всех этих случаях «радость» - не поверхностно-инфантильное отношение к миру, а стремление в экзистенциальной глубине бытия отыскать основы для его приятия, просветляющие трагизм индивидуальных жизненных ситуаций. Вспомним радостный отблеск в трагических полотнах позднего Рембрандта, и позднюю лирику Пушкина, и мощное излучение радости, идущее от Ветхого завета. Разумеется, «дух радости» присущ не только еврейской ментальности. Просто хотелось подчеркнуть, что в оппозиционной паре с русским мироощущением художественное сознание иудея в большей степени тяготеет к принятию мира в широком смысле, к чувственному его переживанию. В этом смысле оно более «эротично», окрашено любовью к бытию в его конкретных единичных проявлениях, хотя тут тоже нет гармонической уравновешенности «земного» и «небесного», свойственной «эллину», всегда ощутим и некий спиритуалистический порыв и глубинный трагизм.

Можно сказать, что две эти разновидности «назарейства» в известной мере уравновешивают друг друга - еврейская струя не дает русской культуре впасть в «иконоборчество», в ригористический аскетизм (а тяготения такого рода заметны у позднего Гоголя и Толстого), утепляет ее и оживляет, а русская - добавляет еврейской ментальности ноту исступленности и максимализма, менее свойственную, как мне кажется, евреям Франции или, скажем, Америки.

Я попыталась прочертить две типологические установки сознания, достаточно характерные для русской культурной традиции. Осталось еще раз подчеркнуть, что их «национальная» привязанность носит в целом довольно условный характер. Тут можно лишь говорить о некоторых глубинных национальных тяготениях и предпочтениях при том, что в реальной культуре, да еще такой богатой и многообразной, как русская, - обнаруживаются самые разнообразные сочетания и переплетения этих тенденций и установок.

* «Творчество». 1988, N 9, с. 8.

Михаил БАТКИН /Израиль/

ВОРОВАННАЯ ШУБА МАНДЕЛЬШТАМА

Рано или поздно кто-нибудь напишет профессиональную работу с анализом параллельных мест из стихов Осипа Эмильевича и его прозы.

Не знаю, может быть, это уже сделано? Я только читатель Мандельштама.

Пожалуй, нет ни одного литератора, у которого поэтика в стихах и прозе была бы *настолько* единой. Причем его проза - атлас для изучения «анатомии метафоры» название памятного московского доклада Б.А. Успенского. На анатомическом атласе можно разглядеть мышцы стиха, скрытые кожными покровами.

Вот несколько наблюдений. Я их почти не стану комментировать. Важней почувствовать саму возможность построения такой цепочки: стихи-проза-стихи.

Кому зима, арак и пунш голубоглазый,
Кому душистое с корицею вино,
Кому жестоких звезд соленые приказы
В избушку дымную перенести дано.

Немного теплого куриного помета
И бестолкового овечьего тепла;
Я все отдам за жизнь - мне так нужна забота -
И спичка серная меня б согреть могла.

Взгляни: в моей руке лишь глиняная крынка,
И верещанье звезд щекочет слабый слух,
Но желтизну травы и теплоту суглинка
Нельзя не полюбить сквозь этот жалкий пух.

Тихонько гладить шерсть и ворошить солому,
Как яблоня зимой в рогоже голодать,
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому
И шарить в пустоте, и терпеливо ждать.

Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарою овец, и хрупкий наст скрипит,
Кому зима - полынь и горький дым - к ночлегу,
Кому крутая соль торжественных обид.

О если бы поднять фонарь на длинной палке,
С собакой впереди идти под солью звезд,

И с петухом в горшке придти на двор к гадалке.
А белый, белый снег до боли очи ест.

Кто эти «заговорщики»? Существует четыре варианта строки, раньше я привык считать основным: «Пусть люди темные торопятся по снегу...» Фигурки людей на снегу - темные. Это можно объяснить. А значение слова «заговорщики» непонятно совсем.

Образный ряд: *смертельный холод* (И" спичка серная меня б согреть могла"), зима, звезды ("жестокие"), их соль ("соленые приказы" жестокости и "крутая соль торжественных обид"), снег. В подбор и в противовес ("Я все отдам за жизнь"): тепло, особенно животное. Суглинок, солома, рогожа, пух... куриный помет, овцы, собака. Шерсть. Движение в морозную ночь.

А теперь сравним с прозой, не столь замкнутой, как стих. Эссе «В не по чину барственной шубе».

«Метель», «ночь». «Зябнет и злится писатель-разночинец в не по чину барственной шубе». Портрет Леонтьева, «первосвященника мороза и государства... Холодно тебе, Византия?» (Здесь и ниже все разрядки и курсивы мои. - М.Б.).

Далее: «Литературная злость! Если бы не ты, с чем бы стал я есть земную *соль?* Ты приправа к пресному хлебу пониманья, ты *веселое сознание неправоты* (ср.: «...поэзия есть сознание правоты»)в статье «О собеседнике,(т.е., разумеется, «неправота» поэта это и есть его особая, «неправильная», косоглазая правота). «...Ты ЗАГОВОРЩИЦКАЯ СОЛЬ». Так вот кто эти «заговорщики», которые «отарою овец торопятся по снегу»! - поэты. «...Вот почему *мне так любо гасить жар литературы морозом и колючими звездами. Захрустит ли снегом?*»

Оставлю в стороне разборы. «Меховая шапка-митра», знак *мороза и государства* - на писателе? Он в ней - «зябнет и злится». Ему она - «не по чину». «Так литература злится столетие (с Пушкина? - М.Б.), и косится на событие - пламенным косоглазием разночинца и неудачника... разбуженого не вовремя, призванного, нет, лучше за волосья притянутого в свидетели-понятые на византийский суд истории». Тут все уже разъяснено с последней прямотой - о зиме, морозе, снеге, соли, злости, шубе... Не мне в это углубляться.

Мне вот что важно: образный ряд сохраняется. В нем появляются новые взаимосвязи. «Гасить жар литературы морозом...» Запомним это. Литература - «зверь», «медведь, сосущий свою лапу». «Я приходил к нему разбудить зверя литературы... Литература века... дом ее... Скинув *шубу,* с *мороза* входили новые. *Голубые пуншевые* огоньки напоминали приходящим о самолюбии, дружбе и смерти...» (ср.: «пунш голубоглазый»). «Он чувствует столетия, как погоду, и покрикивает на них... *Стужа обжигает горло...* Единство *непомерной стужи,* спаявшей десятилетия... в одну ночку, в глубокую зиму, где страшная государственность, как печь, пышущая льдом... Зимний период русской истории литературы в целом и общем представляется мне, как нечто *барственное... Зимняя шапка писателя...»*

И концовка: *нельзя зверю стыдиться пушной своей шкуры. Ночь его опушила. Зима его одела. Литература - зверь. Скорняк - ночь и зима».*

(Попутно обо «всем девятнадцатом веке русской культуры»: «разбившийся, конченный, неповторимый». И стихотворение «Век»: «Век мой, зверь мой, кто сумеет //Заглянуть в твои зрачки// И своею кровью склеит // Двух столетий позвонки?..// Но разбит твой позвоночник,// Мой прекрасный, жалкий век»).

Литература - зверь... «Тихонько гладить шерсть»!.. Шерсть зверя - его шуба, которой он почему-то не должен стыдиться. Постановка вопроса странная.

Притом вспомним, что шуба - один из главных метафорических знаков Мандельштама, - никогда не оставляется в покое. Она вечно вовлечена в какие-то манипуляции. В нее «запахиваются», ее «скидывают с мороза»... В рукав «жаркой шубы сибирский степей» - запихивают. И только «на золотом гвозде» в поезде, едущем в Эривань (в другую, потустороннюю, немыслимую жизнь), шуба может повиснуть неподвижно. «А там вороньей шубою на вешалке висеть»: опять-таки после смерти.

Кульминация шубного действа достигается, однако, в «Четвертой прозе».

«Я - скорняк драгоценных мехов, едва не задохнувшийся от литературной пушнины... внушил петербургскому хаму желание процитировать как пасквильный анекдот жаркую гоголевскую шубу, сорванную ночью на площади с плеч старейшего комсомольца - Акакия Акакиевича. Я срываю с себя литературную шубу и топчу ее ногами. Я в одном пиджачке в тридцатиградусный мороз... убегу... навстречу смертельной простуде...»

Что значит «процитировать... гоголевскую шубу»? Т.е. понятен близлежащий смысл: Горнфельд, написавший жалобу, что Мандельштам использовал его переводы, - этакий советский Акакий Акакиевич, с которого сорвали шубу. Но... у Гоголя как-никак шинель, а не шуба. К этому мы вернемся. А пока что обратим внимание: в главке «Четвертой прозы» воспроизводится тот же мотив, что в стихотворении, с которого я начал.

Добровольное движение в морозную ночь.

Однако стихи были написаны в относительно благополучном 1922 году. В прозе 1929 года этот мотив несколько меняется...

Вот оно! - «гасить жар литературы морозом и колючими звездами». И слово «скорняк» в словаре Мандельштама редкое. Знаю только два случая его употребления: «Скорняк - ночь и зима» (опушающая литературу-зверя) и вот это: «Я - скорняк...» Снова стремление в зимнюю ночь, декларированное единение с ней. Но тогда в прозе побег «в одном пиджачке в тридцатиградусный мороз» - самоубийство не только в прямом смысле ("смертельной простуды"). «Я *срываю* с себя литературную шубу».

Срывание шубы... Шуба - шкура зверя, последнее прикрытие. «Запихай меня лучше, как шапку в рукав // Жаркой шубы сибирских степей, - //*Чтоб не видеть...*» Срывание с себя шубы - самоубийство, срывание шубы с чьих-то плеч - убийство. Акакий Акакиевич был ободран, значит - убит. Символика Мандельштама в чем-то совпадает с гоголевской.

Вот почему шуба-шкура становится неподвижной («на вешалке висеть»): после смерти. Или (что то же самое) после переселения в рай («шуба будет висеть на золотом гвозде» - в прозе об Армении).

А вот еще (из того же эссе о шубе не по чину): «Вместо живых лиц вспоминать слепки голосов. Ослепнуть. Осязать и узнавать слухом. Печальный удел! Так входишь в настоящее, в современность, как в русло высохшей реки».

Здесь встречаются под землей корни двух стихотворений. Знаменитое «За то, что я руки твои не сумел удержать//...И нет для тебя ни названья. ни звука, ни слепка». Так вот от какого слова «слепок» в стихотворении (где рядом дважды упоминаются «во тьме» и «еще не рассеялся мрак») - проза подсказывает, от «ослепнуть»! Между «слепком» и «крови сухой возней» недостающим звеном встает из прозы «русло высохшей реки» (кровеносный сосуд с засохшей, спекшейся кровью).

Ну, а какое второе стихотворение? - «Ламарк». «...Зренья нет - ты зришь в последний раз».

Наконец, что до «цитирования гоголевской шубы». Столкновение с Горнфельдом отражено в еще одном прозаическом тексте. Это письмо в редакцию «Вечерней Москвы» /1928 г./. Документ фантастический! Эпиграф притом, (это в собственном заявлении-то). В цитате-эпиграфе А.Горнфельд жалуется, что у него украли «пальто». А в своем ответе Мандельштам двоекратно (т.е. не случайно) заменяет «пальто» на «шубу»...

Кажется, подсознательно Мандельштам не только оскорблен за свою литературную шкуру, за шубу. В плане поэтики ему должно очень льстить, что его обвиняют в краже шубы ("...за все, чем корили меня. За барскую шубу..."). Правильно корили. Ведь у русского писателя его единственное богатство - барственная шуба - «не по чину; т.е. она своя-то, а все же на византийском холоде, посреди «страшной государственности» - для пламенно-косоглазого разночинца и неудачника словно краденая. «Кто разрешил?» Откуда «драгоценный мех» у «этого Мандельштама»?

«Кража» - еще один характерный для Мандельштама мотив. «Косоглазие» - «веселая неправота» - «кража». «Ворованный воздух...» «Я брал на профессорских полочках чужое мыло и умывался по ночам, и ни разу не был пойман». «Зато карандашей у меня много и все краденые...»

В самом деле. Если даже воздух, которым он дышит, ворованный, то и собственная шкура должна быть краденая.

«Эта улица или, верней, эта яма...» Спустя сто лет изрядное уточнение к Пушкину. Ты - царь, живи в яме.

Не отсюда ли страшная легенда, которой многие из нас почти верили, пока не стали известны кое-какие сведения - будто Мандельштам был забит насмерть солагерниками за кражу пайки. Верили, потому что считали - его могло угораздить...

Реховот, март 1993 г.

Гаянэ АХВЕРДЯН /Армения/

«АССИРИЕЦ ДЕРЖИТ МОЕ СЕРДЦЕ»

Речь для поэта - его земля обетованная. Божественный огонь, им похищенный и отданный людям. Его среда обитания и образ жизни, а, значит, и деяние.

«Широкий рот чернокнижника не улыбался, твердо помня, что слово - это работа», - сказано об Ашоте Ованесьяне, историке, в «Путешествии в Армению». Или, как утверждает Н.Марр, по чьей грамматике учил армянский язык Мандельштам, «не зря в армянском /бан/ означает не только «слово», как и в греческом «логос» значит одновременно «дело» или «предмет»... Яфетология уже раскрыла происхождение этого слова, оно означает и «глаголить», и «совершать деяние», и «созидать». (Н.Марр. Армянская культура, ее корни и исторические связи по данным языкознания. Ереван. 1990, с.17. Перевел с арм. Н.А.Алексанян. Лекция, прочитанная в Париже на армянском языке, там же изданная в 1925 году стараниями Армянского студенческого общества; единственный экземпляр хранится в неприкосновенном фонде публичной государственной библиотеки. - Прим. автора)

Проза поэта... Иногда это не только открытый прием, комментарий - к стихам. Это его другая земля. Terra. Во все времена террора. Его неспешное повествование о себе, его путешествие. Иной раз - в другую, ставшую обетованной, речь.

«Демон чтения вырвался из глубин культуры - опустошительницы. Древние его не знали. В процессе чтения они не искали иллюзию. Аристотель читал бесстрастно. Лучшие из античных писателей были географами. Кто не дерзал путешествовать - тот и не смел писать».

Проза Мандельштама... Ее воздух насыщен не только из древности путешествующих - Гомер, Данте, «небесный» Фирдоуси, Бюзанд, но и сопутствующих современников - государственный библиотекарь Мамикон Геворкьян, Борис Кузин, приехавший в Армению для сбора кошенили, химик Гамбаров, «обогнувший вплавь всю тушу Севанского острова». О последнем:

«Это были самые прекрасные рукоплескания, какие мне приходилось слышать в жизни: человека приветствовали за то, что он еще не труп».

Нескрываемая цель путешествия поэта - «я выбрался в Эривань в мае 30-го года (в чужую страну, чтобы пощупать глазами ее города и могилы, набраться звуков ее речи и подышать ее труднейшим и благороднейшим историческим воздухом).»

Спутница поэта в путешествии, его жена вспоминает: «Для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно - туда, где все началось, к отцам, к истокам, к источнику. После долгого молчания стихи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали...»

Нет, то было не бегство от действительности и от современности, хотя terror praesentis - *ужас настоящего* проступает в жуткой детали: капелек на ватке (так и видится - крови!) червецов-кошенили, живой, лишь подчеркивающих живую - не запекшуюся кровь - не глину, не камень. Тема внешней среды - социума, среды обитания, «приглашающей к росту», т.е. к жизни, ибо - нет, не собирался поэт возратить билет Творцу! - напротив! - это «визитная карточка» - обсидиан, забытый в комнате гостиницы «Ереван», где жил Мандельштам, - то «пригласительный билет к Тамерлану», то «пропуск в крепость Ануш»!

«Я хочу познать свою кость, свою лаву, свое гробовое дно (как под ним заиграет и магнием и фософором жизнь, как мне улыбнется она: членистокрылая, пенящаяся, жужжащая). Выйти к Арарату на каркающую, крошащуюся и харкающую окраину. Упереться всеми /.../ фибрами моего существа в невозможность выбора, в отсутствие всякой свободы. Отказаться добровольно от светлой нелепицы воли и разума. (Если приму, как заслуженное, и тень от дуба и тень от гроба и твердокаменность членораздельной речи, - как я тогда почувствую современность?)

(Что мне она? Пучок восклицаний и междометий! А я для нее живу...) Для этого-то я и обратился к изучению древнеармянского языка...»

Да, именно лермонтовское «но не тем холодным сном могилы», а под животворящей сенью дуба сон, когда, пройдя Аид, Орфей вернулся из выморочного царства теней в жизнь и запел о ней иначе, ибо иным вернулся! И вот такое путешествие - в иную среду, в иную землю, в иную речь - и совершил поэт Мандельштам. Не напрасно он выбрал грабар /древнеармянский/ для своих уроков, и твердит наизусть «Прялку» (на наш взгляд, все-таки туманяновскую, не агаяновскую).

Еще расскажет об этом жена поэта: «Мандельштам учился армянскому языку, наслаждаясь сознанием, что ворочает губами настоящие индо-европейские корни. Он убеждал меня, что неутраченная армянская флексия - это и есть цветение языка, его творческий период...» Помните, в стихах об Армении эту строку: «багряные «уни» и «ани»»? И далее, как вспоминает Н.Я.Мандельштам: «Я узнавала Гумбольдта и, как настоящая потебнистика, доказывала, что современные языки лучше. Я и тогда подозревала, что древнеармянский вытесняет у него крохи современного языка, которому он успел научиться.»

А в «Записных книжках» /1931/ Мандельштам признается: «Это был

гребень моих занятий арменистикой - год спустя после возвращения из Эривани - (печальная) глухонемая пора... (подчеркнуто мной - Г.А.)Путешествие - в армянскую речь, в армянскую реальность, в армянскую грамматику, в ее деятельные времена - Мандельштам предпримет задолго до реального приезда в Армению. Помните главу «Ашот Ованесьян»? О «Прометеевой голове» Ованесьяна, по Мандельштаму: «Голова товарища Ованесьяна обладала способностью удаляться от собеседника, как горная вершина, случайно напоминающая форму головы. Но синяя кварцевая хмурь его очей стоила улыбки.

Так глухота и неблагодарность, завещанная нам от титанов...»

Здесь - обрыв. Обрыв речи глубокий, внезапный. Как будто брошен взгляд - вниз - со скалы - на море у ног - взгляд прикованного титана Прометея. Однажды был такой образ: «Где обрывается Россия над морем черным и глухим...» - строки стихов тоже оборваны... Но дальше, дальше!

«Голова по-армянски: глух" с коротким придыханием после «х» и мягким «л»... Тот же корень, что по-русски... А яфетическая новелла? Пожалуйста.

Видеть, слышать и понимать - все эти значения сливались когда-то в одном семантическом пучке. На самых глубинных стадиях речи не было понятия, но лишь направления, страхи и вожделения, лишь потребности и опасения. Понятие головы вылепилось десятком тысячелетий из пучка туманностей, и символом ее стала глухота.

Впрочем, читатель, ты все равно перепутаешь, и не мне тебя учить...»

Яфетическая новелла - отсылка к Марру - вот: «Понятие «голова», «гора», «вершина» и «небо» выражались одним и тем же словом, и в те же древнейшие времена и «небо», и «голову» представляли точно так же, как и «гору» - островерхими, в виде двух сходящихся сторон на общем основании, то есть в виде треугольника.» (Н.Марр.Цит.соч., с.41)

• Речь - божественный огонь свободы, не тот «отравленный хлеб» и «выпитый воздух» Иосифа, проданного братьями в Египет, но живительный источник, языками огня вырывающийся - сквозь камень, сквозь воду, сквозь время - и бессмертно дарующий жизнь...

И еще такой выход темы Прометея - «К земле пригвожденный народ» - вспомните:

Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей - скалы подспорье и пособье?

Есть и такой поворот темы - чужой речи: «Для него, - пишет Н.Я.Мандельштам, - чужой язык, чужая поэзия, наслаждение чуждой речью равно измене. То же он скажет об итальянском и армянском. Это какое-то повышенное ощущение верности, преданности, когда любовь

к чужой поэзии ощущается как нечто запретное».

Запретишь ли жить? Говорить?

Похищенный огонь - вот почему - похищенный...

«Я испытываю радость произносить звуки, запрещенные для русских уст, тайные, отверженные и, может, даже - на какой-то глубине постыдные.

Был пресный кипяток в жестяном чайнике, и вдруг в него бросили щепоточку чудного черного чая.

Так было у меня с армянским языком».

Проза поэта - звучит. И если позднее, переводя с итальянского Петрарку, Мандельштам как бы вольет в брега речи русской звучание речи италийской, то его произносимую - неизносимую - движущуюся речь «Путешествия» можно сравнить с движением в горные глуби - в глуби пород: лавы ли, крови ли черной глин, а его армянские вкрапления в речь русскую сравнить бы с геологическими находками; назвал же он книгу - «кусок струистого шпата», сказал же он: «Армянский язык - неизнашиваемый - каменные сапоги». Вот речь не всадника, но путника.

Да, поэт прав в своей прозе - «среда приглашает организм к росту» - и рост идет, происходит на глазах - у Орфея звучит все: и вода, что по-армянски *«джур»* - в полете ("чужого клекота полет"!) - *«чур, чур меня!* Далеко ль до беды!» - где вот-вот оборвется нить судьбы - вода струится, как пряжа в руках Парки-пряхи, «волосяная музыка воды», а вспомните - *«жур*ящую» страну...

Вот залежи звуков - вот образ смысла! Не самое ли время обратиться к теме ключа? Ключа жизни? Да-да, просыпаться по ночам и твердить спряжения по грамматике Марра, где *грамматика* и *грамота* - исполнена смысла - путешествия в жизнь - верительная грамота - пропуск - в древнюю забытую - неговоримую - речь - *грабар* - не мертвый, но древний мир - «историческую действительность».

«В результате неправильной суъективной установки я привык смотреть на каждого армянина как на филолога... Впрочем, отчасти это и верно. Вот люди, которые гремят ключами языка, даже тогда, когда не отпирают никаких сокровищ...»

На могиле «ловца звуков», ашуга Саят-Новы, которую не мог не видеть в Тифлисе Мандельштам, высечена строка Саят-Новы (пер.Валерия Брюсова): «Не всем мой ключ гремучий пить...»

И еще «водяной» образ речи - «океаническая весть о смерти Маяковского. Как водяная гора жгутами бьет позвоночник, стеснила дыхание и оставила соленый вкус во рту».

А эта - схлынувшего потопа звук - ушедшая в суть земную - хлеб - в

самом влажном звуке -

Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает ЛАВАШНые ВЛАЖНые шкурки...

Или об источнике Арзни:

Хорошая, колючая, сухая
И самая правдивая вода.

Да, не «воды Леты пью» Пушкина, где греческий источник - надмогильной надписью - «воплей не слышит... увы! испила воды Леты...» - не забвение, не воспоминание... Не «страха вольется струя» - страха смерти, гибели - в стены «халтурного злого житья» московской квартиры, но ключа - вдохновения, ключа - источника - речи!

Но вот ведь эти ключи, которыми мы гремим, не отпирая... - и тут тема речи и гроба:

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы - кузнечные клещи
И каждое слово - скоба...

«Еркатагир» - *железом написанные* - скажет Черенц о книгах. Да, и эта тема - кузхнеца, иного античного титана Гефеста, приковавшего к скале Прометея. И та же тема - «царь в тюрьме»... и все же то, что выдерживает титан, не выдерживает - человек.

В воспоминаниях жены поэта «страхи, соприродные душе» настигнут по возвращении - как из рая, из жизни - во мрак Аида - по дороге из Армении - через Шушу! Да, поэтому «Фаэтонщик» Мандельштама - не в «бессмертном», как назвала его Ахматова - Ануш - цикле «Армения». Это уже путь - в гибель, реальную, «гурьбой и гуртом»... О, это уже не путевка в Армению Мравьяна-Муравьяна, не тот сон, что «мурует тебя, замуровывает», и все порастет быльем, теряется в мураве, и человек не помнит себя... «Мы были люди, а теперь деревья...», не «растения», как в переводе Лозинского... Мыслящий тростник, человек, мыслящее древо, познающее свои корни... Но корень - понятие не только древесное, корень слова - понятие словесное...

Нет, не хотел поэт возвращать билет Творцу! О, муравьиный путь сквозь щели крепостей, по вертикали! трудолюбие и жизнелюбие слова!

В год тридцать первый от рожденья века
Я возвратился, нет - читай: насильно
Был возвращен в буддийскую Москву.

(Был возвращен, как вещь, поставленная на место. В ряд. Но был звукоряд - «родной звукоряд!» - в Армении!)

А перед тем я все-таки увидел
Библейской скатертью богатый Арарат

И двести дней провел в стране субботней,
Которую Арменией зовут.

Царские почести - в тюрьме? В «Истории Армении» Фавстоса Бюзанда, которую переводил на русский язык государственный библиотекарь Мамикон Геворкьян в год посещения Мандельштамом Армении (перевод издан лишь в 1951 году), сделавший (как считает П.Нерлер) вольный пересказ повествования Бюзанда для Мандельштама. Устный. Значит, поэт слышал звучание самого текста «Истории», из которой выбрал для концовки своего «Путешествия» фрагмент о плененном царе Аршаке, о просьбе его верного слуги Драстамата оказывать ему и в плену, хотя бы раз в году, царские почести. Если вслушаться в древнеармянский источник (ибо Мандельштам все же не переводит, а перелагает на свой лад), отчетливо слышны невероятные в русском тексте армянские звучания.

«Когда дошло до вознаграждения, Драстамат вложил в острые уши ассирийца просьбу, щекочущую, как перо...»

Но самый личный и самый краткий абзац этого повествования из «Истории» Бюзанда - седьмой:

«Ассириец держит мое сердце».

Здесь звукообраз - армянской *«сирт»* - *«сердце»* оказывается единым созвучным корнем. Но ведь, как плод, разрежет ножом свое сердце пленный царь Аршак, не выдержав мысли о том, что после того, как Шапух милостиво дарует ему «один добавочный день, полный слышания, вкуса и обоняния, как бывало раньше, когда он развлекался охотой и заботился о древонасаждении»,

он будет возвращен в тюрьму, унижен.

Блестящий филолог Сурен Золян, раскрывший источник художественного «подражания» Мандельштама, пишет о седьмом абзаце: «Персидский царь Шапух неожиданно назван ассирийцем. Возможно, замена не случайна и слово «ассириец» наполнено личными для Мандельштама ассоциациями. Вероятно и то, что Шапух мог быть назван «ассирийцем» и по месту основного пребывания, как дано у Фавстоса /ср.: «Когда персидский царь Шапух вернулся в страну Асорестан, то он принес большую благодарность Драстамату за его услуги». (С.Золян. Подражание как тип текста. - «Вестник Ереванского Университета». Общественные науки. 1986, N1, с.233) Цитируется перевод Геворкьяна.

Да, поэтический слух непредсказуем в своих открытиях. Проза поэта может быть построена и на анаграммировании, и на созвучии с инозвуком, на пересечении корней, гласных, согласных, полугласных... Перс, кстати, по-армянски «парсик», Персия - «Парскастан»... И все же

мне слышится именно армянский корень слова, которое не мог не знать Мандельштам: ***«сирт»*** - ***«сердце»*** /арм./. Не самый звук ли слова сыграл свою ведущую - путеводную роль - света?..

«В хороших стихах слышно, как шьются черепные швы, как набирает власти (и чувственной горечи) рот и (воздуха лобные пазухи, как изнашиваются аорты) хозяйничает океанской солью кровь».

Строки из «Записных книжек» Мандельштама о психологии творчества. Источником творчества безусловно может быть только живое.

- Ты в каком времени хочешь жить?

- Я хочу жить в повелительном причастии будущего, в залоге страдательном - в «долженствующем быть».

Так мне дышится. Так мне нравится.»

Тяга к герундивуму - будущему, точнее: долженствующему быть - горизонту! Великолепны отношения поэта с пространством Армении и избранным временем! Заметим, что эта форма, звучащая так навязанно для русского грамматического чувства - это нормальная, закономерно образуемая форма латинского глагола - gerundivum.

«Языки никогда не возникают из одного источника, - читал в своей лекции об армянской культуре Николай Марр, - но из многих источников, от их скрещивания, от соединения и слияния многих племенных языков. Действия этого закона возникновения и развития языка не избежали и индоевропейские языки. Даже наоборот - именно этому закону обязаны они своим совершенством» /Цит.соч., с.14/ .

Нет, не испытывал Мандельштам вражды к «яфетическим выдумкам» Марра! И знал он от него и обнаруживал в своем «Путешествии» не только слитность - по смыслу - слова и дела, как это происходит в армянском значении слова. Не мог он не знать и слов Марра о деле, к которому издревле был призван армянский народ: «Находясь в самом центре узла мировых межнациональных отношений не только современного, живого мира, но и ныне мертвых культурных народов древности, армяне были первыми, кто еще в средние века понял все значение общечеловеческих интересов и осознал идею всемирной истории - дело, безусловно, огромное, и не только огромное, но и тяжелое, а для вас, армян, и тяжелейшее» /Цит. соч., с.17-18/.

Жизнь речи - жизнь и дело поэта, деяние, исполняемое им на всех уровнях бытия, будь это сфера высокой музыки или земное путешествие по однажды дарованной земле, библейской частицей которой он сотворен всецело. «Чужеземных арф родник» - вот формула речи поэта в устах Мандельштама. И «Путешествие в Армению» - еще одно свидетельство тому.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

АРМЕНИЯ

1

Ты розу Хафиза колышешь
И няньчишь зверушек- детей,
Плечьми осмигранными дышишь
Мужицких бычачьих церквей.

Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
а здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой.

2

Ты красок себе пожелала -
И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пенала
С полдюжины карандашей.

Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.

Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык.

И, крови моей не волнуя,
Как детский рисунок просты,
Здесь жены приходят, даруя
От львиной своей красоты.

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы - кузнечные клещи
И каждое слово - скоба.

3

Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра.

И почему-то мне начало утро армянское сниться;
Думал - возьму посмотрю, как живет в Эривани синица,

Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки...

Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?

Ах, Эривань, Эривань! Не город - орешек каленый,
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны.

Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.

Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо,
Я не хочу твоего замороженного винограда!

4

Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.

И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску.

5

Руку платком обмотай и в венценосный шиповник,
В самую гущу его целлулоидных терний
Смело, до хруста, ее погрузи. Добудем розу без ножниц.
Но смотри, чтобы он не осыпался сразу -
Розовый мусор - муслин - лепесток соломоновый -
И для шербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха.

6

Орущих камней государство -
Армения, Армения!
Хриплые горы к оружью зовущая -
Армения, Армения!
К трубам серебряным Азии вечно летящая -
Армения, Армения!
Солнца персидские деньги щедро раздаривающая -
Армения, Армения!

7

Не развалины - нет, - но порубка могучего циркульного леса,
Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства,
Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки,
Виноградины с голубиное яйцо, завитки бараньих рогов
И нахохленные орлы с совиными крыльями, еще не оскверненные Византией.

8

Холодно розе в снегу:
На Севане снег в три аршина...
Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани,
Сытых форелей усатые морды
Несут полицейскую службу
На известковом дне.

А в Эривани и в Эчмиадзине
Весь воздух выпила огромная гора,
Ее бы приманить какой-то окариной

Иль дудкой приручить, чтоб таял снег во рту.

Снега, снега, снега на рисовой бумаге,
Гора плывет к губам.
Мне холодно. Я рад...

9

О порфирные цокая граниты,
Спотыкается крестьянская лошадка,
Забираясь на лысый цоколь
Государственного звонкого камня.
А за нею с узелками сыра,
Еле дух переводя, бегут курдины,
Примирившие дьявола и бога,
Каждому воздавши половину...

10

Какая роскошь в нищенском селенье -
Волосяная музыка воды!
Что это? пряжа? звук? предупрежденье?
Чур-чур меня! Далеко ль до беды!
И в лабиринте влажного распева
Такая душная стрекочет мгла,
Как будто в гости водяная дева
К часовщику подземному пришла.

11

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну прищурясь
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

12

Лазурь да глина, глина да лазурь,

Чего ж тебе еще? Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонкий глин, над книжною землей,
Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.
16 октября - 5 ноября 1930 г.

ххх

Как люб мне натугой живущий,
Столетьем считающий год,
Рожающий, спящий, орущий,
К земле пригвожденный народ.

Твое пограничное ухо -
Все звуки ему хороши -
Желтуха, желтуха, желтуха
В проклятой горчичной глуши.
Октябрь 1930

ххх

Не говори никому,
Все, что ты видел, забудь -
Птицу, старуху, тюрьму
Или еще что-нибудь.

Или охватит тебя,
Только уста разомкнешь,
При наступлении дня
Мелкая хвойная дрожь.

Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не сбирал.
Октябрь 1930

ххх

Колючая речь араратской долины,
Дикая кошка - армянская речь,

Хищный язык городов глинобитных,
Речь голодающих кирпичей.

А близорукое шахское небо -
Слепорожденная бирюза -
Все не прочтет пустотелую книгу
Черной кровью запекшихся глин.

Октябрь 1930

xxx

Дикая кошка - армянская речь -
Мучит меня и царапает ухо.
Хоть на постели горбатой прилечь:
О, лихорадка, о, злая моруха!

Падают вниз с потолка светляки,
Ползают мухи по липкой простыне,
И маршируют повзводно полки
Птиц голенастых по желтой равнине.

Страшен чиновник - лицо как тюфяк,
Нету его ни жалчей, ни нелепей,
Командированный - мать твою так! -
Без подорожной в армянские степи.

Пропадом ты пропади, говорят,
Сгинь ты навек, чтоб ни слуху, ни духу, -
Старый повытчик, награбив деньжат,
Бывший гвардеец, замыв оплеуху.

Грянет ли в двери знакомое: - Ба!
Ты ли, дружище, - какая издевка!
Долго ль еще нам ходить по гроба,
Как по грибы деревенская девка?..

Были мы люди, а стали людье,
И суждено - по какому разряду? -
Нам роковое в груди колотье
Да эрзерумская кисть винограду.

Ноябрь 1930

xxx

И по-звериному воет людье,
И по-людски куролесит зверье.
Чудный чиновник без подорожной,
Командированный к тачке острожной,
Он Черномора пригубил питье
В кислой корчме на пути к Эрзеруму.

Ноябрь 1930

xxx

В год тридцать первый от рожденья века
Я возвратился, нет - читай: насильно
Был возвращен в буддийскую Москву.
А перед тем я все-таки увидел
Библейской скатертью богатый Арарат
И двести дней провел в стране субботней,
Которую Арменией зовут.

Захочешь пить - там есть вода такая
Из курдского источника Арзни,
Хорошая, колючая, сухая
И самая правдивая вода.

6 июня 1931

ФАЭТОНЩИК

На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали -
Было страшно, как во сне.

Нам попался фаэтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм.

То гортанный крик араба,
То бессмысленное «цо», -
Словно розу или жабу,
Он берег свое лицо.

Под кожевенною маской
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.

И пошли толчки, разгоны,
И не слезть было с горы -
Закружились фаэтоны,
Постоялые дворы...

Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил - черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!

Он безносой канителью
Правит, душу веселя,
Чтоб вертелась каруселью
Кисло-сладкая земля...

Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.

Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон
И труда бездушный кокон
На горах похоронен.

И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.

12 июня 1931

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

РЕПОРТАЖИ ИЗ 1922-го ГОДА

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1920-24 гг. Эрнест Хемингуэй был корреспондентом газеты "Торонто дейли стар" и ее воскресного приложения "Торонто стар уикли", опубликовав за пять лет около 170 материалов. Значительную часть их составили корреспонденции из Константинополя. Некоторые из них мы публикуем сегодня. Очерк "Безмолвная процессия" (пер. И.Кашкина) был уже опубликован (Э.Хемингуэй. Репортажи. МГУ. 1969), так же как и "Древний Констан" (пер. В.Погостина) - публикуем его по сборнику: Э.Хемингуэй. В черном лесу. М. Б-ка "Огонек". 1980/; остальные репортажи переведены впервые Виктором Погостиным по просьбе вестника "Ной".

Когда Хемингуэй стал работать для "Торонто дейли стар", ему было 19 лет, но он обладал главными качествами истинного газетчика - умел видеть, думать, писать. Вот почему его заметки интересно читать сегодня.

Интересно и тревожно, будто они написаны сегодня. "*Тысячи христиан, многие голодные, навьючив на себя все, что им принадлежит на этой земле, ринулись из Фракии, как только крест уступил полумесяцу... Измученные, изможденные греки и армяне ждут хоть чего-то, что может доставить их в Грецию*". ("Беженцы из Фракии", 16 октября 1922).

Хемингуэй - репортер. У него, как у профессионального боксера, потрясающее чувство дистанции; между ним и событием /человеком/ минимальное пространство, позволяющее увидеть мельчайшие подробности, но и обыденное, смешное, совершенно не беспокоясь, что о нем подумают турки, греки, евреи, армяне. "*Евреи утверждаю, что Мустафа Кемаль еврей. В его тонком, значительном, суровом лице действительно есть что-то иудейское. Впрочем евреи претендуют и на Габриэля Д Аннунцио и на Христофора Колумба, а через какую-нибудь тысячу лет будут претендовать и на Генри Форда. Как бы то ни было, но слух этот никак не повредил Кемалю, да и верится в это с трудом; обвинение в атеизме намного опаснее, так как всякий турок с легкостью готов заподозрить в таком грехе любого из соплеменников, а в магометанском мире нет преступления страшнее..*" ("Турки не доверяют Кемалюпаше", 4 октября 1922).

Весьма возможно, и без увиденного на Балканах и Ближнем Востоке Хемингуэй стал бы прозаиком, но это был бы другой писатель, не похожий на того, кто написал "В порту Смирны". Мы приводим эту новеллу полностью, в переводе В.Топер. Пусть тот, кто не читал ее, прочтет, тот, кто читал - перечитает.

"*Очень удивительно, сказал он, что кричат они всегда в полночь.*

Не знаю, почему они кричали именно в этот час. Мы были в гавани, а они все на молу, и в полночь они начинали кричать. Чтобы успокоить их, мы наводили на них прожектор. Это действовало без отказа. Мы раза два

освещали мол, и они утихали.

Однажды, когда я был начальником команды, работавшей на молу, ко мне подошел турецкий офицер и, задыхаясь от ярости, заявил, что наш матрос нагло оскорбил его. Я заверл его, что матрос будет отправлен на борт и строго наказал. Я попросил указать мне виновного. Он указал на одного безобиднейшего парня из орудийного расчету. Повторил, что тот нагло оскорбил его, и не единожды, а много раз; говорил же он со мной через переводчика. Мне не верилось, что матрос мог так хорошо знать турецкий язык, чтобы сказать что-нибудь оскорбительное. Я вызвал его и сказал:

- Это на случай, если ты разговаривал с кем-нибудь из турецких офицеров.

- Я ни с одним из них не разговаривал, сэр.

- Не сомневаюсь, - сказал я, - но ты все-таки ступай на корабль и до завтра не сходи на берег.

Потом я сообщил турку, что матрос отправлен на корабль, где его ждет суровое наказание. Можно сказать - жестокое. Он чрезвычайно обрадовался, и мы дружески разговорились. Хуже всего, сказал он, - это женщины с мертвыми детьми.

Невозможно было уговорить женщин отдать своих мертвых детей. Иногда они держали их на руках по шесть дней. Ни за что не отдавали. Мы ничего не могли поделать. Приходилось в конце концов отнимать их. И еще я видел старуху - необыкновенно странный случай. Я говорил о нем одному врачу, и он сказал, что я это выдумал. Мы очищали мол, и нужно было убрать мертвых, а старуха лежала на каких-то самодельных носилках. Мне сказали: "Хотите посмотреть на нее, сэр?" Я посмотрел, и в ту же минуту она умерла и сразу окоченела. Ноги ее согнулись, туловище приподнялось, и так она и застыла. Как будто с вечера лежала мертвая. Она была совсем мертвая и негнущаяся. Когда я рассказал доктору про старуху, он заявил, что этого быть не может.

Все они теснились на молу, но не так, как бывает во время землетрясения или в подобных случаях, потому что они не знали, что придумает старый турок. Они не знали, что он может сделать. Помню, как нам запретили входить в гавань для очистки мола от трупов. В то утро у входа в гавань мне было очень страшно. Орудий у него хватало, и ему ничего не стоило выкинуть нас вон. Мы решили войти, подтянуться вплотную к молу, бросить оба якоря и открыть огонь по турецкой части города. Они выкинули бы нас вон, но мы разнесли бы город. Когда мы вошли в гавань, они обстреляли нас холостыми зарядами. Кемаль прибыл в порт и сместил турецкого коменданта. За превышение власти или что-то в этом духе. Слишком много взял на себя. Могла бы выйти прескверная история.

Трудно забыть набережную Смирны. Чего только не плавало в ее водах. Впервые в жизни я дошел до того, что такое снилось мне по ночам. Рожавшие женщины - это было не так страшно, как женщины с мертвыми детьми. Удивительно, что так мало из них умерло. Их просто накрывали чем-нибудь и оставляли. Они всегда забирались в самый темный угол трюма и там рожали. Как только их уводили с мола, они уже

ничего не боялись.

Греки тоже оказались милейшими людьми. Когда они уходили из Смирны, они не могли увезти с собой своих вьючных животных, поэтому они просто перебили им передние ноги и столкнули с пристани в мелкую воду. И все мулы с перебитыми ногами барахтались в мелкой воде. Веселое получилось зрелище. Куда уж веселей".

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ
БАЛКАНЫ ПОХОЖИ НА ОНТАРИО
/Картина мира, а не войны/

Оставалось всего лишь двадцать минут, чтобы успеть на Восточный экспресс, отправлявшийся с расположенного на другом конце Парижа Лионского вокзала, а в моем распоряжении было одно-единственное такси.

Одного такси более чем достаточно. Но у этого такси оказался недостаток: его водитель был пьян. Пока мы, бросаясь из стороны в сторону, прорывались через "пробки" перегруженного транспортом вечернего Парижа, я, забившись в угол салона, вперился в багровый затылок водителя и молил бога, чтобы мы не врезались в кого-нибудь.

Выехав на большую привокзальную площадь, водитель с доступной только пьяному точностью юркнул в просвет между безжалостным потоком зеленых автобусов и сигналивших такси и ткнулся в тротуар.

"Voila"*, - Рявкнул шофер и, выделывая необыкновенно драматические телодвижения, взял с переднего сиденья мой большой чемодан и швырнул на тротуар.

Вот когда я понял, что именно имеют в виду плодовитые романисты, говоря "онемевший от ужаса". Ведь в чемодане была моя пишущая машинка, а журналист дорожит ею даже больше, чем мать ребенком, владелец "форда" своим авто, а бейсболист - правой рукой.

- Пьянь! Там моя machine a ecrire**, - в бешенстве заорал я.

После этого геройства у водителя поубавилось. Он смягчился и попытался пожать мне руку.

- Мсьей может называть меня как угодно, хоть свиньей. Я это заслужил. Но я очень устал.

Мне ничего не оставалось, как поспешить на поезд. Я последовал за носильщиком в длинное грязное здание вокзала, таксист все еще кричал мне вслед: "Я не пьян. Я очень устал".

Но лучше от этого не стало. Каретка погнулась и напрочь заклинила, и починить ее можно будет только в Константинополе.

Итак, эти строки пишутся карандашом, пока длинный коричневый Восточный экспресс ползет по Европе через воображаемые границы, через горы, поля, с которых собирают урожай, в направлении Константинополя и Скутари***, где невысокий загорелый турок, поддерживаемый трехсоттысячной, закаленной в боях армией и Лигой наций, диктует свои условия державам Антанты,

---

* "Вот" (франц.)

** Пишущая машинка (франц.)

***Старое название Ускюдара - части Стамбула, расположенной на азиатском берегу Турции. (Прим. пер.)

которые всего два года назад преследовали его как преступника.

В купе со мной ехал молодой, учившийся в Бостоне, серб. Он трещал без умолку:

- Послушайте! Сколько, по-вашему, я отдал за этот пиджак в Париже? Сто пятьдесят франков. Ничего, а? Думаете, меня надули? Хотите взглянуть на фото моей подружки? Ничего, а? У меня есть и получше, но ее фото в чемодане. Послушайте, вы только взгляните на того итальяшку. Похож на бабу, верно? Держу пари, он носит корсет. Ни за что не поверю, что такой умеет воевать. Умора, правда?

Я заметил ему, что итальянский офицер с моноклем имеет три нашивки за ранения и, помимо итальянских наград, британский "Военный крест".

- Послушайте, да таких гомиков надо отводить подальше и расстреливать, - сказал серб.

Да, - подумал я. - Именно так они и поступали.

Мы ехали по ровной, плодородной, коричнево-зеленой долине Ломбардии, охраняемой высокими тополями и изрезанной густыми живыми изгородями шелковиц. Немного дальше - рисовые поля, сухое русло реки с крупной и белой, как куриные яйца, галькой, ясно очерченный белокаменный ствол зацепившейся за солнце колокольни. По пыльной дороге плелись волы, по железнодорожной насыпи торопливо пробиралась ящерица.

Вся Европа покрыта зеленью и золотистыми, спелыми колосьями. Та часть Сербии, где проходил наш путь, похожа на Ниагарский полуостров. Поля подернуты голубой сентябрьской дымкой. Рано утром мы пересекли границу Хорватии и теперь ехали по местности, напоминающей восточную часть Онтарио. Трудно поверить, что эта плодородная, любовно обработанная земля носит печальное название - Балканы. Однако это так, и, проезжая по ней, начинаешь понимать, как любовь к земле может заставить людей воевать. Все дело в земле, в налитых зерном колосьях, желтеющем табаке, отарах овец, стадах коров, грудах желтых тыкв, в скирдах пшеничных снопов, буковых рощах, вьющемся из трубы дыме от горящего в каминах торфа, все дело в "моем" и "твоем" - в этом причина всех справедливых войн, и не может быть мира на Балканах, пока один народ владеет землями другого народа, какие бы ни были на то политические оговорки.

"Торонто дейли стар",
16 октября 1922 г.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, ГРЯЗНО-БЕЛЫЙ. НИЧЕГО СВЕРКАЮЩЕГО И ЗЛАЧНОГО.

Константинополь совсем не такой, как в кино, на фотографиях или картинах, он совсем другой.

Сначала поезд, извиваясь, как змея, пробирается по распаренной солнцем голой холмистой равнине к морю. Он трясется вдоль каменистого берега мимо купающихся ребятишек, и вдали, посреди голубой воды появляется огромный коричневый остров, за которым смутно различим бурый берег Азии. Потом поезд с грохотом проносится меж высоких каменных стен и дальше, мимо немыслимых, полуразвалившихся деревянных многоквартирных построек.

- Стамбул, - произносит стоящий рядом с вами у окна француз.

Судя по фильмам, Стамбул должен быть белым, сверкающим и злачным. А вместо этого дома напоминают лачуги на рисунках Хита Робсона - сухие, как трутовик, поблекшие, точно видавшие виды заборы, и прорезанные множеством небольших окошек. То здесь, то там по городу разбросаны минареты. Точно закопченные белые свечки непонятно зачем возвышаются они над домами.

Поезд минует огромную красноватую Византийскую стену и погружается в туннель, за которым снова появляются разбросанные, точно грибы, мечети с неизменными грязно-белыми минаретами по углам. В Константинополе все, что было белого цвета, становится грязно-белым. Когда видишь, во что превращается за двенадцать часов белая рубашка, начинаешь проникаться уважением к белому цвету потускневших за четыреста лет минаретов.

На вокзале толчея носильщиков, гостиничных агентов и джентльментов с англо-левантийской внешностью со слегка засаленными воротничками, в изрядно лоснящихся штанах, с чесночным запахом изо рта и не оставляющими надежд манерами, - они набиваются к вам в переводчики. У этих господ всегда что-то не так с паспортом, ровно настолько, чтобы помешать им выбраться из Константинополя, и потому они подворачивают манжеты, начищают белые штиблеты и надеются, что в городе снова появятся туристы. А пока за плату они готовы на все, и цена их невысока.

Я крикнул носильщика, отдал ему чемоданы и сказал: "Hotel de Londres", потому что именно эту гостиницу рекомендовал француз. Мы направились к такси и тут подоспел один из тех, в белых штанах. Лицо его исказили улыбка.

- Ах, вы едете в Hotel de Londres! Я как раз оттуда. Я поеду с вами и присмотрю за вашим багажом.

- Полезай, - ответил я.

В оживленном потоке мы двинулись к длинному мосту. белые Штаны сунул турецкому жандарму грязную смятую банкноту, и мы миновали скопление судов по обе столроны моста. Суда так плотно жались друг к другу, что воды почти не было видно.

- Что это? Золотой Рог? - спросил я.

Бухта напоминала мне Чикаго-Ривер.

- Да,- ответил Белые Штаны. - Суда слева пойдут к Босфору и Черному морю, а те, что сперва - прогулочные, они отправятся к Принцевым островам.

Мы с лязгом взобрались вверх по крутой улице, мимо витрин магазинов, банков, ресторанов, харчевен с вывесками на четырех языках, протискивались между трезвонившими трамваями, нам гудели автомобили с английскими офицерами и мы чуть не столкнулись с авто, набитым французскими офицерами, мимо нас нескончаемым потоком шли люди в деловых костюмах, в фесках или соломенных шляпах, и все время мы взбирались вверх.

Миновали квадратное здание американского посольства, похожее на библиотеку карнеги, желтый квадрат офиса Объединенной полицейской комисси и итакое же желтое, еще более похожее на библиотеку Карнеги, британское посольство. Мы ехали в район Пера.

Пера это европейский квартал. Он расположен выше района Галата и деловых кварталов и тянется вдоль одной узкой, грязной, крутой, мощенной булыжником и забитой трамваями улочки. Все общественные здания в Пера одинаково напоминают квадратное, как упакованный ящик, здание библио-

теки Карнеги, и потому всякий человек из Штатов здесь сразу ощущает себя дома, так как здания точь-в-точь воспроизводят помещения почт, которые конгрессмены из провинции строят в маленьких городках, дабы обеспечить себе непрерывное переизбрание.

И все же румынское и армянское консульства легко узнать среди прочих зданий по длинным очередям вроде тех, что выстраиваются у стадионов накануне решающих хоккейных матчей. Граждане пытаются получить паспорта и визы. Армянские евреи и румыны оставляют Константинополь. Продают нажитое за бесценок и уезжают. Правительство публикует заявление за заявлением, убеждая их не делать глупостей, заверяя, что будут приняты все меры для защиты населения, что патрули усилены и опасность никому не угрожает. Но армяне, евреи и румынские евреи слышали подобные заверения и раньше. Так-то оно так, думают они, но зачем рисковать. Раньше или позже войска Кемаля войдут в Константинополь... А армянам, евреям и грекам не забыть Смирны. И они уезжают. Имея за плечами тысячелетнюю историю резни, трудно преодолеть страх и поверить чьим-то обещаниям.

Греки - другое дело. Их гонит чувство национальной вины. Неоспоримый факт, что греческая армия, отступая из Анатолии, опустошала все вокруг, жгла турецкие деревни, уничтожала урожай на полях, зерно в амбарах и бесчинствовала. Эти факты подтвердили американцы из общественных организаций и христиане, находившиеся в стране до, во время и после греческого отступления.

Но к бесчинствам греков мы вернемся позже, когда я соберу доказательства и свидетельства как христиан, так и турок и попытаюсь подробнее рассказать об этом читателям "Стар". А сейчас речь о другом. Дело в том, что в этих краях жестокость одной стороны неизбежно вызывает жестокость другой, так повелось здесь со времен осады Трои. А страдают всегда невинные. Жертвой мести редко становится виновник преступления. Вот почему греки покидают Константинополь.

Прибравшись в номере, я смотрел из окна отеля на пыльный, замусоренный склон холма, на котором примостился квартал Пера, на гавань, утыканную мачтами и дымящую множеством пароходных труб, и дальше, на зыбкие холмы по ту сторону гавани, где неуклюже разбросан турецкий город с квадратными домиками цвета глины, ветхими многоквартирными постройками и грязно-белыми пальцами минаретов, высящимися точно маяки посреди лабиринта беспорядочных кварталов. В бинокль можно видеть отплывающий итальянский пароход, сильные линзы позволяли отчетливо рассмотреть столпившихся у поручныей беженцев-греков.

Все казалось нереальным и невозможным. Но нет иной реальности для людей, которые смотрят с борта на город, где они оставили свои дома, свое дело, все, что им близко и что нажито, потому что им страшно томиться в неизвестности, пока паром доставит из Скутари с противоположной стороны узкой гавани смуглолицых всадников в фесках, с карабинами за спиной, на низкорослых косматых лошадях.

"торонто дейли стар",
18 октября 1922 г.

В ОЖИДАНИИ ОРГИИ

Константинополь. В Константинополе обстановка наэлектризована до предела, ощущение такого накала, какой не могут вообразить обитатели города, никогда не подвергавшегося осаде.

Предстаквьте напряжение питчера, ожидающего на скамейке перед переполненными трибунами начало первого матча чемпионата по бейсболу, помножьте на напряжение за секунду до начала Королевских скачек в Вудбайне /ипподром в Торонто/, прибавьте к этому свое отчаяние, когда вы, похолодев от страха, нервно меряете шагами приемный покой, пока там, наверху, врач и сестра делают что-то с дорогим для вас человеком, а вы бессильны ему помочь - тогда, возможно, вы поймете, что чувствуют сегодня жители Константинополя.

Нетерпеливое ожидание начала ежегодного чемпионата охватывает нас, журналистов, которым нечего терять. Но даже тогда, в октябре, перед началом бейсбольного чемпионата, мне ни разу не случалось промучаться всю ночь, не сомкнув глаз, из-за жары или отчаянное битвы с клопами в лучших отелях Нью-Йорка или Чикаго.

Здесь же вся сладость предвкушения, какую испытывают зрители скачек в Вудбайне, достается сброду головорезов, грабителей, убийцы, левантийских пиратов от Батуми до Багдада и от Сингапура до Сицилии, устремившихся в Константинополь. Они ждут начала грабежа. Они готовы выступить самостоятельно, как только триумфальное вступление в город войск Кемаль-паши ознаменует начало необузданной оргии празднования победы, и тогда они смогут жечь кварталы деревянных домов, которые вспыхнут, как пропитанные бензином спичечные коробки.

Если союзнической и турецкой полиции удастся предотвратить оргию по случаю вступления армии Кемаля в город, это станет одним из величайших мировых достижений, ибо бандиты со всего Ближнего Востока, Балкан и Средиземноморья сбежались сюда как шакалы, ждущие, когда лев прикончит жертву.

Армянам, грекам и македонцам, которые либо не могут уехать, либо решили остаться, достается тошнотворный, знобящий страх, от которого никуда не деться. Оставшиеся вооружаются и впадают в отчаяние.

Хозяин моей гостиницы грек. Он отдал за нее все, что у него было. Сбережения всей жизни вложены сюда. Теперь я здесь единственный постоялец.

- Я говорю вам, сэр, - сказал он в последний вечер, - я буду драться. У нас есть оружие и многие христиане вооружены. Я не намерен бросать все, что заработал, лишь потому, что французы заставляют союзников сдать город этому бандиту Кемалю. Почему они так поступают? Греция воевала на стороне союзников, а теперь они нас бросают. Мы не понимаем этого.

Многие греки так рассуждают. И все, кто остается, вооружаются. А это, конечно, еще больше усиливает опасность возникновения беспорядков, потому что, если какой-нибудь доведенный до истерии грек пальнет в ликующих турок, весь этот котел взорвется.

Беженцы из России - еще одна часть населения, которую глубоко затрагивает предстоящее вступление кемалистской армии. До сих пор Константинополь

служил великолепным убежищем для спасавшихся от Советов представителей старого русского режима.

Многим из них угрожают смертные приговоры, которые будут приведены в исполнение, если русских передадут большевикам. Кемаль и советское правительство подходят друг другу, как перчатка к руке, и его вступление в Константинополь сметет величайшую российскую святыню.

Добрая четверть военных мундиров, встречающихся на улицах Константинополя, принадлежит русским - либо из бывшей императорской армии, либо из воинства Врангеля, Деникина и Юденича. Их обладатели бежали в Константинополь или эвакуировались с остатками контрреволюционных сил, с тех пор у них не хватает денег, чтобы купить другую одежду. Не очень приятно думать о том, как Кемаль и его дружки из ЧК разделаются с этими людьми в высоких сапогах и свободных кителях, оставшихся от обмундирования. С людьми, которые сражались с Советами и не могут этого скрыть.

Не хотел бы я оказаться на месте Кемаля, имя за спиной зловещую славу великих побед, а впереди такие проблемы. Весь Восток твердит, что Мустафа Кемаль-паша великий человек. По крайней мере, он удачлив, но его вступление в Константинополь сразу покажет, была ли его слава всего лишь мыльным пузырем военного триумфа, который лопнет при первом же поражении, или это величие человека, способного принять вызов, брошенный ему победой.

Похоже, в Константинополе карты легли неудачно для Кемаля, но если ему удастся обеспечить мирное вступление войск в город, удержать армию в узде, не допустить разгула террора, это принесет Турции славу, превосходящую победы Кемаля во Фракии.

"Торонто дейли стар",
19 октября 1922 г.

ДРЕВНИЙ КОНСТАН

Утром, когда просыпаешься и видишь окутанную дымкой бухту Золотой Рог и возвышающиеся над ней, уходящие прямо к солнцу стройные и опрятные минареты и слышишь парящий и глубокий, как ария из русской оперы, голос муэдзина, зовущего правоверных к молитве, тогда ощущаешь все очарование Востока.

Когда, посмотрев в зеркало, видишь, что лицо твое покрыто множество мелких красных пятнышек, оставленных очередным насекомым, обнаружившим тебя ночью, тогда понимаешь - ты на Востоке.

Возможно, существует некая золотая середина между Востоком, описанным в рассказах Пьера Лоти, и Востоком как он есть, но найти ее может только тот, кто умеет закрывать на все глаза, не обращать внимания на пищу и не замечать уксусов разнообразных насекомых.

Никто не знает, сколько людей живет в Константе. Старожилы всегда называют город Констаном; это так же как на Гибралтаре, где любой человек, называющий город иначе чем просто Гиб, считается новичком. Переписать здесь никогда не проводилась. По приблизительным подсчетам, население города составляет полтора миллиона человек. Сюда не входят сотни потрепанных фордов, сорок тысяч русских эмигрантов, одетых во всевозможные мундиры царской армии, находящиеся на различных стадиях обветшания...

Если нет дождя, то Констан покрыт толстым слоем пыли, и собака, пробегая по дороге, поднимает своими лапами такие же клубы пыли, какие вздымает, ударяясь о сухую землю, пуля. Человеку пыль достает почти до лодыжек, а ветер гоняет настоящие пыльные вихри.

Если идет дождь, то все это превращается в грязь. Тротуары такие узкие, что ходить приходится по улице, и улицы напоминают реки. Правил уличного движения не существует, и проезжая часть забита автомобилями, трамваями, извозчиками и носильщиками с огромными тюками на плечах. В городе две главные улицы, все остальное - переулки. Но и главные улицы недалеко ушли от переулков.

Национальным блюдом турок считается индейка. Птицы эти напряженно трудятся, гоняясь за кузнечиками по залитым солнцем холмам Малой Азии и по жесткости не уступают скаковым лошадям.

В Турции практически нет коров, и потому говядина, как правило, плохая, бифштекс из филейной части - это все, что осталось от одного из черных, грязных буйволов с грустными глазами и загнутыми к спине рогами, которые робко пробираются по улицам, волоча свои повозки... От жевания или разжевывания мои челюстные мышцы начинают бугриться, как у бульдога.

Рыба хороша, но рыба полезна для головного мозга, и любой человек, съев три приличные порции полезной для мозга пищи, уберется из Константинополя, даже если для этого ему придется пуститься вплавь.

В Констане отмечают сто шестьдесят восемь законных праздников. Каждую пятницу - мусульманский праздник, каждую субботу - еврейский, каждое воскресенье - христианский. Кроме того, на неделе есть различные католические и магометанские праздники, не говоря уже о Йом Кипуре и прочих еврейских праздниках. В результате мечта жизни каждого молодого констанца - работа в банке.

В Константинополе все, кто хоть мало-мальски делает вид, что придерживается обычаев, обедает не раньше девяти вечера. Театры открываются в десять. Ночные клубы, те, что поприличнее, открываются в четыре часа утра.

Всю ночь торговцы горячими сосисками, жареным картофелем и каштанами, расположившись на тротуарах, растапливают древесным углем свои жаровни, обслуживая вереницы извозчиков, которые не спят до самого утра, вымогая у кутил плату за проезд.

В Галате , расположенной на полпути от порта к вершине холма, есть район куда более ужасный, чем Барбари коуст в зените его непристойной славы. Это злачное гнездо заманивает в свои сети солдат и матросов всех армий и государств.

Круглые сутки турки сидят возле разбросанных по тупичкам крошечных кофейных, попыхивают булькающими курительными трубками и потягивают "дьюсико" - чрезвычайно противный, вредный для желудка напиток, который ударяет в голову посильнее абсента и так крепок, что пить его можно только с какой-нибудь hors d oeuvre.

Утром до восхода солнца можно пройтись по прокопченным, укатанным улицам Констана - вокруг никого, только крысы, трусливо убегающие при звуке ваших шагов, несколько роющихся в мусоре бездомных собак да полоска света, пробивающегося через щель в ставнях, за которыми слышится

пьяный смех. Этот пьяных смех контрастирует с красивым, минорным, парящим, завораживающим призывом муэдзина к молитве, а мрачные, скользкие, пахнущие отбросами улицы утреннего Константинополя - прозаическая действительность очарования Востока.

"Торонто стар уикли",
28 октября 1922 г.

БЕЗМОЛВНАЯ ПРОЦЕССИЯ

АДРИАНОПОЛЬ. Нескончаемый, судорожный исход христианского населения Восточной Фракии запрудил все дороги к Македонии. Основная колонна, переправляющаяся через реку Марицу у Адрианополя, растянулась на двадцать миль. Двадцать миль повозок, запряженных коровами, волами, заляпанными грязью буйволами; измученные, ковыляющие мужчины, женщины и дети, накрывшись с головой одеялами, вслепую бредут под дождем вслед за своими жалкими пожитками. Этот главный поток набухает от притекающих из глубины страны пополнений. Никто из них не знает, куда идет. Они оставили свои дома, и селения, и созревшие, буреющие поля и, услышав, что идет турок, присоединились к главному потоку беженцев. И теперь им только и остается, что держаться в этой ужасной процессии, которую пасут забрызганные грязью греческие кавалеристы, как пастухи, направляющие стада овец.

Это безмолвная процессия. Никто не ропщет. Им бы только идти вперед. Их живописная крестьянская одежда насквозь промокла и вываляна в грязи. Куры спархивают с повозок им под ноги. Телята тычутся под брюхо тягловому скоту, как только на дороге образуется затор. Какой-то старый крестьянин идет, согнувшись под тяжестью большого поросенка, ружья и косы, к которой привязана курица. Муж прикрывсаает одеялом роженицу. чтобы как-нибудь защитить ее от проливного дождя. Она одна стонами нарушает молчание. Ее маленькая дочка испуганно смотрит на нее и начинает плакать. А процессия движется вперед.

Только из Восточной Фракии предстоит эвакуировать 250.000 беженцев-христиан. Болгарская граница для них закрыта. Таким образом, для приема жертв возвращения турок в Европу остается только Македония и Западная Фракия. Сейчас в Македонии около полумиллиона беженцев. Как их накормить, не знает никто, но в ноябре весь христианский мир услышит вопль: "Придите в Македонию и помогите нам!"*

"Торонто дейли стар",
20 октября 1922 г.
Перевод Ивана Кашкина

*Последний обзац репортажа "Безмолвная процессия" И. Крошин или не перевел, или его вырезала цензура; редакция попросила Виктора Погосяна восполнить пробел в тексте.

ПИСЬМА

3 декабря 1992 г

Очевидно, самому Господу было угодно, чтобы я оказалась в Иерусалиме, поселилась в древнейшем армянском квартале и начала работать в прекрасной библиотеке, где собрано около 50 тысяч томов на армянском и почти всех европейских языках. Есть обширная периодика - из всех стран диаспоры, кроме России. Очень вас прошу высылать регулярно по два экз. журнала "Pro Armenia" и все, что выходит в Москве по проблемам Армении, Карабах, московской армянской общины, политики, культуры, религии. К русским текстам желательно добавлять коротенькое резюме на армянском или английском. Организовать здесь перевод мне пока трудно - я только изучаю сейчас армянский в замечательной школе, которой руководит настоящий энтузиаст своего дела, большой патриот српазан Гюрех. Дети этой школы собирают Рождественские посылки для тех карабахских детей и детей-беженцев, которые находятся в Москве. Мы надеемся, что сумеем выслать эти скромные подарки по почте. Дети будут ждать ответы от детей-беженцев - на армянском языке.

У меня к вам большая просьба: пожалуйста (по почте или с теми, кто едет в Иерусалим) посылайте нам все, что сможете: детские книги (на армянском и русском), книги с автографами армянских и русских писателей; мы с благодарностью примем слайды, кассеты с армянской музыкой, открытки с видами Армении, Карабаха - все, что удастся достать и прислать.

Я знаю, как тяжело живут сейчас в Москве (не говоря уже о Карабахе и Армении), но хочется, чтобы у Еревана и Москвы были прочные связи с армянской общиной, живущей на Святой Земле с IV века. Я обязательно напишу сама или попрошу местных авторов написать статью о Иерусалимской Армянской общине.

Куратор библиотеки - српазан Давид Саакян. И он, и святейший патриарх Иерусалимской Торгом Манукян - все ко мне добры и благосклонны. Шлю всем друзьям наилучшие пожелания к Рождеству.

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ
Anaida BESTAVASHWILI
CHERNIAKCHOVSKI str. 59-2
JERUSALEM 92587 ISRAEL

РЕДАКТОРУ:

Когда в начале века турки истребляли армян, весь остальной мир безучастно наблюдал за происходящим. Теперь каждый год в апреле мы отмечаем день памяти погибших в этой резне. Когда некоторое время спустя нацисты уничтожали евреев, мир по-прежнему оставался равнодушным свидетелем. Теперь каждую весну оплакиваем шесть миллионов жертв гитлеризма.

Сейчас, когда сербы пытают и убивают боснийских мусульман, во всем мире обсуждают, какие шаги следует предпринять. Но, подобно своим предшественникам в начале столетия, народы мира бездействуют. И снова в Европе творится самый настоящий геноцид. Поколение наших дедов может оправдаться недостаточной осведомленностью: они не знали, что творили турки. Тогда не было телевидения, которое бы ежевечерне наполняло их дома картинами зверств.

Поколение наших родителей может привести себе в оправдание недоверие. То, что они видели и о чем слышали в 30-40-е годы, было настолько ужасно, настолько бесчеловечно, что потребовалось много времени, чтобы нормальный человеческий разум мог во всей полноте постичь варварство нацистов.

Какое же оправдание есть у нас?

ШИЛА У.РЕЙЧЕР
Линден, Нью-Джерси
(Недельное обозрение Нью-Йорк таймс. 11-24 мая 1993)

Юрий ВОРОНОВ /Абхазия/

О ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВОЙНЫ В АБХАЗИИ

Война в Абхазии порождена неблагоприятными сочетаниями локальных, региональных и глобальных предпосылок.

ЛОКАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ определяются географическим положением Абхазии, территория которой образует как бы мост между Черным морем и Северным Кавказом. Своеобразие горно-морского ландшафта, языковая, культурная, генетическая и психологическая северокавказско-европейская ориентация коренного народа - абхазов и представителей так называемого «русскоязычного» населения /русские, армяне, греки, эстонцы, евреи, часть грузин и др./ нашли выражение в результатах союзного референдума 1991 года, когда большинство населения Абхазии проголосовало за сохранение общего политического, экономического и культурного пространства с Северным Кавказом и государствами, ныне входящими в СНГ. Противоречия с местным грузинским населением не носили базисного характера; мало того, его значительная часть склонялась к дальнейшему мирному сосуществованию, что проявилось в спокойном отношении грузин в июле 1992 г. к решению Абхазии вернуться к конституции 1925 г., по которой Абхазия признавалась суверенным государством, связанным с Грузией федеративным договором. Локальные предпосылки конфликта сравнительно легко могли быть преодолены мирным путем.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ заложены в географических особенностях Кавказа в целом, издавна носящего красноречивые названия «Гора языков» и «Дорога народов». Главным здесь является вхождение Западного Кавказа в черноморско-средиземноморско-атлантический водный бассейн, а Восточного - в центрально-евразийскую впадину, что обеспечило традиционное преобладание воздействий в меридиональных направлениях и все особенности развития кавказских природных и человеческих популяций. Кроме того, имеет значение структура самого Кавказа - сравнительно единая северокавказская платформа и четкий раздел Закавказья на три достаточно изолированных природных комплекса /Прикаспийская и Колхидская низменности, Армянское нагорье/, играющих основную роль в нынешних конфликтах.

Среди региональных предпосылок для нас особенно важна проблема Грузии как единого пространства. Политическое объединение территорий в Восточном и Западном Закавказье всегда происходило по инициативе внешних политических сил: с востока действовали персы, арабы, монголы, Иран; с запада - греки, римляне, Византия, генуэзцы,

---

Юрий Николаевич ВОРОНОВ /род. в 1941 г./ - известный археолог, доктор исторических наук, профессор. Председатель комиссии по правам человека и межнациональным отношениям Верховного Совета Республики Абхазия. Доклад «О геополитических аспектах войны в Абхазии» был прочитан на Международной конференции по проблемам Северного Кавказа, организованной Центром Кавказоведения Лондонского университетат.

турки... Современная Грузия - результат консолидирующей работы, проводившейся русскими и советскими /что почти одно и то же/ администраторами на протяжении последних двух веков. Заметна также роль Европы и международного сообщества, способствовавших, в условиях распада империй, созданию «независимых» грузинских республик в 1918 и 1991 годах. Географическая противоестественность объединения в одних границах двух противоположно ориентированных регионов на фоне отказа режимов З.Гамсахурдиа и Э.Шеварднадзе от федеративного устройства нового государства, курс на его грузинскую национальную унитарность привели к войнам в Южной Осетии и Мегрелии. Опыт этих войн, а также реальное равновесие в Абхазии, обеспеченное Конфедерацией горских народов Кавказа, на региональном уровне также позволяли найти мирное решение назревшего конфликта.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ войны в Абхазии сводятся к тому, что Абхазия географически оказалась связанной с «дугой нестабильности» от Балкан до Памира, возникшей в результате распада СССР и связанного с ним евразийского геополитического пространства. Человечество оказалось перед фактом неустойчивости и разрушения политических границ, сложившихся в результате Второй мировой войны, перед неизбежностью нового передела мира.

Эти процессы уже привели к объединению Германии, мирному разъединению Чехословакии, кровавому разрыву Югославии. При этом судьба Абхазии была решена лидерами мирового сообщества, вознамерившимися остановить развал СССР на уровне границ бывших союзных республик, оставив без внимания судьбу автономных государственных образований. В результате внутренние административные границы СССР, формировавшиеся в условиях тоталитарного режима, ООН признала как единственно законные, а Э.Шеварднадзе, пришедший к власти через кровавый переворот, получил право, опираясь на свой международный авторитет, строить государство, в котором не предусмотрено сохранение традиционной государственности Абхазии.

Сегодня широко известно, что вооруженное вторжение в Абхазию, выброшенную из правового пространства Грузии /путем признания утратившими юридическую силу всех актов советского периода, в том числе и сталинско-бериевского акта 1931 года о включении Абхазии в границы Грузии/, было согласовано Шеварднадзе с рядом лидеров мирового сообщества, в том числе и России, признавшими за Грузией право ставить принцип «территориальной целостности» выше принципов «Всеобщей декларации прав человека» и других международных хартий, защищающих права государств, народов, людей. На этом фоне ни Абхазия, ни Кавказ вообще уже не в состоянии были предотвратить войну в Абхазии, как бы санкционированную мировым сообществом. Таким образом, главную ответственность за кровопролитие в Абхазии несет глобальный фактор.

В чем же выход из сложившейся ситуации? В отказе ООН и других международных организаций от прямолинейного использования принципа «территориальной целостности» по отношению к тем республикам бывшего СССР, которые развязали войну против своих бывших автономий и иных территориально-этнических образований /продемонстрировав тем самым свою государственную несостоятельность/, в признании права Абхазии и других подобных образований на самоопределение и равноправное участие во всех переговорах и акциях по восстановлению мира в регионе. Необходимо осознать тот факт /известный, кстати, еще средневековым политикам/, что Абхазия является органической частью Северо-Западного Кавказа, что именно Шеварднадзе как глава Республики Грузия несет главную ответственность за уничтожение и разорение народов бывшей советской Грузии, а прикрываемая его международным авторитетом преступная практика государственного терроризма и политического лавирования между Россией, Ираном и НАТО играют сегодня главную дестабилизирующую роль в Кавказском регионе.

Лондон, 23 апреля 1993

Левон АБРАМЯН (Ереван)

ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ПРИНЦИПА НЕНАСИЛИЯ?

Карабахское движение - 5 лет борьбы и осмысления

Когда пять лет тому назад армянское национально-демократическое движение выступило за мирное, конституционное решение проблемы Карабаха, оно заявило тем самым о себе как о принципиальном стороннике идеи ненасилия. Хотя такой термин в документах Движения, кажется, не встречается, можно утверждать, что идея ненасилия принадлежит самой сути его политического и нравственного кредо.

Приверженность благородному принципу ненасилия составляла, думается, одну из самых притягательных черт Карабахского движения. Она хорошо гармонировала с нарекациевскими элементами нашего национального сознания. (О природе этих элементов, их истинном значении превосходно сказано в только что вышедшей в свет книге Э.Р.Атаяна «Свобода как идея и как действительность»). Если бы в самом начале Движения, весной 1988 года, его лидеры обратились к народу с таким воззванием - составить некий «экспедиционный корпус» и отправиться в Арцах, чтобы отвоевать его силой, можно не сомневаться, что поддержка, оказанная комитету «Карабах», не была бы такой всеобщей и такой безусловной, какой она была - кто об этом помнит? - в те дни.

Принцип ненасилия был для нас важнейшим пунктом программы действий - бороться, используя исключительно мирные формы и средства. Но ненасилие, кроме того, было также попыткой прогнозирования: представлялось более чем вероятным, что проблема Арцаха может быть решена без вражды и ненависти, без кровавых столкновений, непоправимых, невосполнимых потерь.

И этот прогноз также соответствовал нравственным представлениям людей - о добре и зле, о допустимом и недопустимом, о приемлемом и неприемлемом. Проделаем мысленный эксперимент. Допустим, на одном из февральских минтингов, что проходили на Площади Свободы, кто-то, способный все точно знать наперед, мог предсказать: в ответ на обращение Областного совета НКАО в городке близ Баку будет обесчещена, изуродована и сожжена одна - одна! - женщина. Каким было бы в таком случае решение Площади? Принять решение на таких условиях было бы, понятно, в высшей степени не просто.

Даже после потрясения, вызванного Сумгаитом, то есть после того, как насилие стало фактом и наш слишком оптимистический прогноз был опровергнут, участники движения еще надеялись, что волну насилия, может быть, удастся сбить, если они не позволят себе опуститься до уровня потерявших человеческий облик погромщиков. На протяжении полугода, с конца февраля до глубокой осени, они держались на пределе сил, опасаясь в то же время, что срыв может произойти невольно...

В своем прогнозе мы ошиблись. И если существует ответственность за эту

ошибку, она падает на всех, кто поддерживал Карабахское движение, и в том числе, на автора этих строк. Потому что в этом мы ошиблись все вместе. (Были ли люди, предвидевшие иное? Были. Но они находились вне Движения, чтобы не сказать - против. В своих пессимистических оценках перспектив мирного развития они, как теперь ясно, были правы. Не забудем, однако, что они были неправы в главном - в своем отношении к Движению.)

Если теперь вернуться на пять лет назад, можно увидеть, что эта наша общая ошибка, конечно же, имеет объяснение: ее корни уходят в другие наши наивные, «романтические» представления. Нам казалось, что к концу XX столетия homo sapiens достиг такой ступени своего развития, когда он уже полностью оправдывает свое научное наименование «человека разумного». Мы не представляли, какая масса людей ждет лишь повода, чтобы предаться самым диким и садистическим аффектам. Кроме того, мы исходили из того, что долгом всякого государства является защита жизни, безопасности и достоинства его граждан. Мы полагали, что «страна обновляющегося социализма» - шел еще третий год «перестройки» - не допустит массовых убийств по национальному признаку, хотя бы из соображений международного престижа.

Увы, мы ошиблись. Но в чем именно? Мы ошиблись не в правомерности наших требований и не в правильности ненасильственного пути, а лишь в прогнозе событий: вопреки нашим ожиданиям (и, нечего скрывать, надеждам), стихия насилия. которую лицемерно называли «азербайджанским фактором», была развязана.

А далее наступил момент, когда насилию необходимо стало дать ответ на языке силы. Никакого другого доступного языка не удалось найти тогда ни нам, ни А.Д.Сахарову, ни «цивилизованным странам». В создавшихся обстоятельствах нельзя было последовать завету Евангелия от Матфея: речь шла не о том, чтобы подставить другую щеку - решалась судьба целой ветви армянского народа. Так или иначе, различного рода «факторы» сумели столкнуть нас с выбранного пути мирного, ненасильственного развития.

Тот факт, что война (разве полупартизанская война - не война?) стала фактом, многое меняло - как вокруг нас, так и в нас самих. Никто не имел права игнорировать реальную действительность. Но, с другой стороны, возможно, приучая себя смотреть фактам прямо в глаза, мы попадали под их гипноз и теряли способность думать о чем-либо другом. И тогда кому-то начинало казаться, что кратчайший путь к прекращению насилия лежит через эскалацию насилия.

В последние пять лет, да и раньше тоже, мы, наверное, часто забывали, что положения, в которых мы оказываемся, определяются не столько самими фактами, сколько нашим отношением к ним, нашей их оценкой. В прошлом существовало даже что-то вроде культа фактов. Не случайно политические деятели, претендовавшие на роль теоретиков, любили тупо повторять: «Факты - упрямая вещь». В действительности, напротив, факты - вещи изменчивые и преходящие: сегодня они есть, а завтра, смотришь, их нет. А некоторые факты таковы, что могли бы вообще не существовать. Мы не должны верить в их социально-историческую или какую-либо иную предопределенность, заданность. Потому что в противном случае, если над нами тяготеет какой-то неодолимый рок или судьба, вся наша деятельность и борьба, все наши поиски

превращаются в совершенно бессмысленную и бесполезную возню.

Многие, отдавая должное возвышенному характеру идеи ненасилия, находят, что она, так сказать «не от мира сего». Все ее обаяние, говорят, меркнет в свете того, что в Арцахе и в приграничной полосе каждый день гибнут люди - не только боевики, но ни в чем не повинные дети; что целый народ, вследствие такого бесчеловечного акта войны, как блокада, поставлен в условия унизительного пещерного существования. В конце концов, ведь Карабахское движение на своем собственном опыте убедилось, что слепой, не владеющей собой силе способна противостоять только сила. Что же, собственно, остается после всего этого от идеи ненасилия?

Попытаемся вникнуть в смысл этих возражений. Выдвигается, в сущности, два связанных друг с другом аргумента. Во-первых, утверждают, что принцип ненасилия опровергается самим фактом существования в этом мире насилия (ибо «мир во зле лежит»). Во-вторых, ссылаются на то, что нам в конечном счете пришлось силой брать Шушу и пробивать коридор через Лачин.

Но оба эти аргумента бьют мимо цели. Оба они, отчасти, основаны на недоразумениях. Прежде всего, концепция ненасилия вовсе не оспаривает факта существования насилия. В известном смысле она, как это ни парадоксально, из этого факта исходит: в самом деле, если бы в мире не было насилия, все требования об исключении из жизни общества насильственных действий были бы просто беспредметными и потому излишними. Подобно этому, и принцип равенства людей не отрицает существования неравенства. Напротив, он отвергает именно то, что есть. (Кстати говоря, ненасилие представляет собой условие, которое, можно сказать, предваряет Свободу, Равенство и Братство, потому что насилие, как это совершенно очевидно, не оставляет места ни для равенства и братства людей, ни для свободы личности.)

Другое недоразумение связано с тем, что концепцию ненасилия не отличают от свойственной многим религиям и религиозно-философским системам проповеди непротивления. Контуры учения о непротивлении злу насилием обозначены, надо сказать, не очень отчетливо. В самом христианском из всех христианских толкований, согласно, в частности, Льву Толстому, на насилие и зло следует отвечать добром. Другой несомненный авторитет в этих вопросах, Махатма Ганди, учил, что злу необходимо сопротивляться, но лишь ненасильственным образом. Однако и он все же мог воскликнуть: «Мне бесконечно приятнее видеть, что Индия прибегла к оружию для защиты своей чести, чем чтобы она трусливо оставалась свидетельницей собственного бесчестия...»

Недостаточная определенность понятий, которыми оперирует непротивленчество, проистекает, думается, из того, что оно не ставит различия между насилием и применением силы. Справедливо отвергая насилие - использование силы во зло, эта доктрина требует воздерживаться от любого, безо всякого исключения, обращения к силе, независимо от того, чем оно продиктовано. В отличие от этого, концепция ненасилия, отдавая безусловное предпочтение мирным средствам, запрещает не всякое применение силы.

Прибегнув к самообороне, Арцах вступил в противоречие с учением о непротивлении. Но при этом мы нисколько не отошли от принципа ненасилия, ибо он, в согласии с правовым сознанием современного человека, признает право на необходимую оборону, если даже при этом используется сила.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что санкцию на применение в известных случаях силы концепция ненасилия оговаривает определенными условиями, внося сюда существенные ограничения. Прежде всего она не допускает нарушения предела необходимой обороны, за которым право незаметно переходит в произвол: если ты прав, защищая себя, это вовсе не означает, что тебе все позволено. Далее, принцип ненасилия требует, чтобы к использованию силы мы относились, в любом случае, не как к норме, не как к общему правилу, а как к вынужденному исключению, как к чему-то навязанному внешними обстоятельствами. Иначе говоря, человек, обратившийся к помощи силы, должен, хотя бы время от времени, напоминать себе: «По своей доброй воле я бы к силе ни в коем случае не прибегал». Наконец, концепцией ненасилия предполагается, что стороны, вовлеченные в силовое противоборство, должны одновременно последовать призыву к прекращению насилия, чтобы не получилось так, что пострадает именно та сторона, которая более восприимчива к доводам разума.

Каковы, однако, шансы, что призыв Гайаваты - стать на тропу мира - будет услышан обоими сторонами? Вопреки своей кажущейся оторванности от жизни, данная концепция находит, что апеллировать можно не только к нравственно ориентированному разуму, но и к здравому рассудку, внимательному к прямым и непосредственным интересам сторон, вовлеченных в конфликт, они одинаково заинтересованы в спасении человеческих жизней, и в этом ни одна из них не получит меньше, чем другая.

Подводя итог, можно сказать, что приведенные выше возражения не затрагивают существа принципа ненасилия. Рассмотренные аргументы не указывают на причины, вследствие которых мы должны были бы от него отказаться. Сегодня, как и вчера, мы выступаем против попыток силового решения проблемы Карабаха, настаиваем на ее мирном, политическом урегулировании.

Правда, надо признать, что не всегда мы бываем последовательны в защите принципа ненасилия. Глубокий кризис, переживаемый Третьей Республикой, касается не только хозяйственно-экономической, но и духовной сферы. Мы, в общем, плохо понимаем, что с нами происходит, и подчас готовы удовлетвориться слишком простыми объяснениями. Стало уже общим местом говорить, что многие наши представления не оправдали себя. Это означает, что они должны быть приведены в соответствие с фактами действительности. Однако же, когда речь идет о ценностях, вобравших в себя опыт многих поколений, не их надо пересматривать - переделывать нужно факты.

Сегодня принцип ненасилия по видимости контрастирует с угнетающими всякую нормальную психику фактами насилия. В чем же выход? Необходимо сделать все для того, чтобы вернуть события в проектировавшееся нами русло мирного, ненасильственного развития. Только так, исправляя самый ход истории, нужно восстанавливать согласие между текучей жизнью и наиболее глубокими нашими убеждениями.

«Республика Армения», 29 января 1993 г.

Мартин Лютер КИНГ

Я БЫЛ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

(ИЗ РЕЧЕЙ, ПРОПОВЕДЕЙ И СТАТЕЙ)

*

Потому в мире так много разочарования и отчаяния, что мы полагались на богов, а не на Бога. Мы поклонялись богу науки и в результате получили атомную бомбу, а это породило страх и тревогу, которые наука не в состоянии развеять. Мы славословили бога наслаждения, но оказалось, что острые ощущения приедаются, а чувства недолговечны. Еще одним богом были для нас деньги, но выяснилось, что купить можно не все - например, нельзя купить любовь и дружбу - и что в мире, где существуют такие вещи, как экономическая депрессия, крах биржи и неудачное помещение капитала, деньги - довольно ненадежное божество. Эти преходящие боги не могут спасти или дать счастье человеческому сердцу. На это способен только Бог. Именно веру в Него мы и должны заново обрести.

*

И вот я говорю вам: ищите Бога, найдите Его и сделайте господином своей жизни. Без Него все наши усилия обращаются в прах, а рассветы становятся ночным мраком. Без Него жизнь оказывается бессмысленной драмой, где отсутствует кульминация. Но с Ним мы в силах подняться от мрака безнадежности к свету радости. Августин был прав: мы созданы для Бога и не успокоимся, пока не найдем покоя в Нем.

Любите себя, если это подразумевает осмысленный, здоровый и нравственно оправданный интерес к себе. Вам это заповедано. В этом заключается длина жизни. Любите ближнего своего, как самого себя. Вам это заповедано. В этом заключается широта жизни. Но никогда не забывайте, что есть первая и более важная заповедь: «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими». В этом заключается высота жизни. И, выполняя все это, вы будете жить полной жизнью.

*

Когда я говорю о любви, то имею в виду не какое-то вялое проявление чувств. Я имею в виду ту силу, в которой все великие религии видят высший объединяющий принцип жизни. Любовь - своего рода ключ, который отпирает врата, ведущие к последней реальности.

*

Любовь - самая прочная власть в мире. Эта творческая сила, столь прекрасно явленная в жизни Христа, - самое мощное орудие, доступное

The words of Martin Luther King, Jr. - N.Y.: Newmarket Press, 1987.

человечеству для достижения мира и безопасности.

*

Настоящая совместная молитва - это подлинный социальный опыт: здесь собираются люди из разных слоев общества и осознают свое единство в Боге. Если же церковь сознательно или бессознательно отдает предпочтение одному социальному классу, она теряет духовную силу, заложенную в учении о самоотверженном следовании за Христом, и тогда ей грозит опасность превратиться в нечто вроде клуба с легким оттенком религиозности.

*

Мнение о том, что Бог сделает для человека все, столь же несостоятельно, как и мнение о том, что человек может все сделать для себя сам. И то, и другое объясняется маловерием. Мы должны понять: ожидать, что Бог сделает все, в то время как мы сами не будем делать ничего, - не вера, а суеверие.

*

Религия, верная своей природе, должна заботиться также и об условиях жизни человека. Религия имеет дело как с землей, так и с небом, как с временем, так и с вечностью. Религия действует и в вертикальном, и в горизонтальном направлении. Она стремится соединить не только человека с Богом, но и человека с человеком, а также примирить человека с самим собой. А это означает, что христианское Евангелие - по сути, дорога, ведущая в двух направлениях. Во-первых, оно направлено на то, чтобы изменить человеческую душу и таким образом соединить ее с Богом. Во-вторых, оно направлено на изменение условий человеческой жизни, чтобы обновленный человек мог жить в достойном его мире. Религия, декларирующая заботу о человеческих душах и безразличная к трущобам, которые их губят, к экономическим условиям, которые их душат, и к социальному положению, которое их уродует, - такая религия мертва. Именно так любят изображать религию марксисты, которые называют ее духовным опиумом.

*

Если человек гибнет за идеалы движения, цель которого - спасти душу страны, то это и есть настоящая искупительная смерть.

*

Мы должны самоотверженно и без устали работать над тем, чтобы преодолеть пропасть, разделяющую научный прогресс человечества и его нравственное развитие. Одна из величайших бед человечества состоит в том, что мы страдаем от духовной нищеты, сосуществующей с огромными научно-техническими достижениями. Чем богаче мы становимся материально, тем больше беднеем духовно и нравственно.

Каждый человек принадлежит к двум мирам, к внутреннему и внешнему. Внутренний мир - это духовные цели, которые проявляются в литературе, искусстве, религии и морали. Внешний мир - это сочетание средств, механизмов, приемов и способов, с помощью которых мы существуем. Наша беда

сегодня в том, что мы позволили внешнему захватить внутреннее. Мы позволили средствам, с помощью которых мы живем, вытеснить цели, ради которых мы живем.

*

Каждый может стать великим. Потому что каждый может служить. Чтобы служить, не нужно кончать университет. Чтобы служить. не нужно уметь согласовывать подлежащее со сказуемым. Чтобы служить, не нужно читать Платона и Аристотеля. Чтобы служить, не нужно знать второй закон термодинамики. Нужно только сердце, исполненное благодати. Душа, вдохновленная любовью.

*

Я решил вести борьбу во имя своей философии. Человек должен во что-то верить, причем верить так горячо, чтобы стоять за свое дело до конца. Я не могу поверить в то, что Бог хочет, чтобы я ненавидел. Я устал от насилия. И я не позволю угнетателям диктовать мне методы борьбы. У нас есть сила, сила, которой не обладают гранаты, но которая есть у нас. Сила, которой не обладают винтовки и пули, но которая есть у нас. Эта сила стара, как прозрение Иисуса из Назарета, и современна, как методы Махатмы Ганди.

*

Если человечеству суждено двигаться вперед, ему не обойтись без Ганди. Он жил, думал и действовал, воодушевленный образом человечества, которое развивается в направлении мира и гармонии. Пренебрегая учением Ганди, мы совершили бы опасную ошибку.

*

Обязуюсь преданно служить - телом и душой - ненасильственному движению. Поэтому я даю обет соблюдать следующие десять заповедей:

1. Ежедневно совершать медитацию на темы учения и жизни Иисуса.

2.Всегда помнить, что ненасильственное движение в Бирмингеме добивается справедливости и примирения, а не победы.

3. Действовать и говорить в духе любви, ибо Бог есть любовь.

4. Ежедневно молиться о том, чтобы Бог сделал меня Своим орудием в деле освобождения всех людей.

5. Жертвовать своими желаниями ради освобождения всех людей.

6. С друзьями и врагами соблюдать общепринятые правила вежливости.

7. Стремиться постоянно служить другим людям и миру.

8. Воздерживаться от насильственных действий, грубых слов и недобрых мыслей.

9. Стараться поддерживать здоровье души и тела.

10. Следовать решениям руководства движения, а во время демонстраций выполнять указания старшего.

Подписываю это обязательство по зрелом размышлении и с твердой

решимостью упорно его выполнять.*

*

К счастью, история не ставит перед нами задач, для которых со временем не предлагает решений. Разочарованные, обездоленные, неимущие во времена глубоких кризисов словно бы призывают особых гениев, которые позволяют им понять и осмыслить, какое именно оружие необходимо им, чтобы выковать собственную судьбу. Таким мирным оружием стала ненасильственная борьба, тактика которой была выработана необычайно быстро. Она воодушевила негров, и они прочно взяли ее на вооружение.

Негры поняли, что ненасильственное действие хорошо дополняет - но не заменяет - борьбу за юридические изменения. Ненасильственное действие позволило неграм покончить с пассивностью, не становясь на путь мести. Действуя согласованно в деле утверждения своих гражданских прав, негры могли начать осуществлять боевую программу с требованиями соблюдения равноправия - на улице, в автобусе, магазине, парке и других общественных местах.

Религиозная традиция учит негров, что ненасильственное сопротивление первых христиан оказалось моральным оружием такой сокрушительной силы, что пошатнуло Римскую империю. Американская история учит, что ненасильственная борьба в форме бойкотов и демонстраций протеста разрушила Британскую империю, положила основание освобождению колоний от угнетения. Уже в нашем веке этика ненасильственной борьбы Махатмы Ганди и его последователей заставила замолчать британские пушки в Индии и освободила более трехсот пятидесяти миллионов людей от колониализма.

*

А теперь я скажу, что главное, о чем мы должны заботиться, если хотим, чтобы «на земле был мир и благоволение к людям»,** - это ненасильственное утверждение святости всякой человеческой жизни. Каждый человек важен, потому что он дитя Бога.

*

Церковь не может молчать, когда человечеству грозит ядерное уничтожение. Если Церковь верна своей миссии, она должна выступить с призывом прекратить гонку вооружений.

***Этот текст, составленный М.Л.Кингом, подписывали участники демонстрации против расовой сегрегации в г.Бирмингем (Алабама) в 1963 г.**

****Парафраз на тему Лк 2:14.**

«Я был на вершине горы...»

ОТРЫВОК ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ РЕЧИ МАРТИНА ЛЮТЕРА КИНГА, КОТОРУЮ ОН ПРОИЗНЕС 3 АПРЕЛЯ 1968 г. В г. МЕМФИСЕ, ТЕННЕССИ. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ОН БЫЛ УБИТ.

...Мы доведены до той черты, где нам придется решать задачи, которые люди пытались разрешить на протяжении всей истории, однако не достигли успеха, так как обстоятельства не вынуждали их к этому. Сейчас их решение необходимо для выживания. Люди уже много лет говорят о войне и мире. Но теперь невозможно только говорить об этом. Сегодня миру уже не приходится выбирать между насилием и ненасилием. Сегодня вопрос стоит иначе: ненасилие или несуществование.

Такова нынешняя ситуация. То же самое относится и к области прав человека. Если не будут приняты меры - причем срочно - чтобы избавить цветное население планеты от многолетней нищеты, обид и пренебрежения, то человечество обречено на гибель.

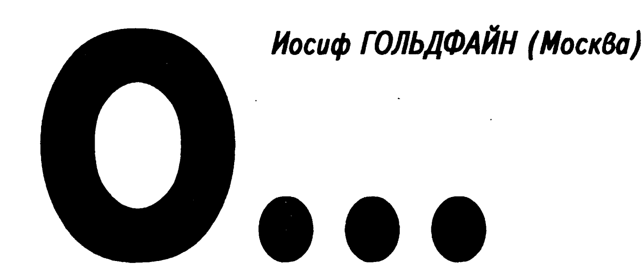
...Если бы я жил в Китае или даже в России, или в любом тоталитарном государстве, возможно, я понял бы какие-то запреты. Возможно, я понял бы отказ признавать основные права, закрепленные в Билле о правах, потому что те страны не обязывались их соблюдать. Но я читал в Американской конституции о свободе собраний. О свободе слова. О свободе печати. Я читал, что величие Америки заключается в том, что человек вправе протестовать против нарушения своих прав. И поэтому я говорю: ни полицейские собаки, ни брандспойты нас не остановят. Никакие запреты нас не остановят. Мы продолжаем наш путь.

...Давайте сегодня вечером поднимемся с еще большей готовностью. Давайте встанем с еще большей решимостью. И давайте в эти великие дни, в эти дни решительного протеста, продолжим свой путь, чтобы сделать Америку такой, какой она должна быть. Мы в силах изменить нашу страну к лучшему. И я хочу снова поблагодарить Бога за то, что я здесь с вами.

...Я не знаю, что произойдет дальше. Впереди у нас трудные дни. Но теперь не имеет значения, что будет со мной: ведь я уже был на вершине горы. А остальное мне неважно. Как и всякий человек, я хотел бы жить долго. Но теперь это меня не заботит. Я только хочу исполнить Божью волю. А Он дал мне подняться на гору. И я посмотрел вокруг. И увидел обетованную землю.* Может быть, я не достигну ее вместе с вами. Но я хочу, чтобы сегодня вы знали: наш народ достигнет обетованной земли. И сегодня я счастлив и ни о чем не тревожусь. Я не боюсь никого из людей. Глаза мои видели Славу грядущего Господа.

***Ср.Числа 27:12сл, Второзаконие 32:48 сл. Перед смертью Моисея Бог велел ему подняться на вершину горы и поглядеть на обетованную землю.**

Иосиф ГОЛЬДФАЙН (Москва)

О...

1. О ТОМ, ЧТО ПРОИГРАЛ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, НАДЕЯСЬ ВЫИГРАТЬ ФИНСКУЮ КАМПАНИЮ

Когда большая страна нападает на маленькую, оправдываясь, что желает добра жертве, моральное осуждение агрессора естественно, но толку от такого возмущения бывает мало. Более того, интеллигентные сторонники агрессора пытаются даже оправдывать войну против слабого.

Вот дневниковая запись академика В.И.Вернадского 12 декабря 1939 года:

«Вчера читал «Temps». Ясно по существу несоответствие лозунгов демократии с действительностью: видят Маннергейма в качестве защитника демократии - явное противоречие. Идея свободы мысли там для известных слоев обеспечена больше, но идея свободы бедных и обездоленных - меньше. Я думаю, что в конце концов, особенно в той форме, в какой социализм охватывает финскую жизнь, Финляндия должна будет подчиниться и встанет за то, что огромное большинство населения выиграет». ("Дружба народов". 1992, N 11-12, с.39).

Аргументы, честно говоря, не достойные академика: и общественный строй у финнов реакционный, и демократия не та, и свободы меньше... А, может, все-таки побольше, чем в сталинском СССР?

Можно привести множество примеров, когда малый сосед оказывал неожиданно сильное сопротивление и порой добивался победы.

Но подобные уроки истории также вряд ли кого остановят. Ведь агрессор всегда уверен, что он все учел. Более того, даже обыкновенного уголовника не останавливает мысль о преступниках, которые попались. Он всегда уверен, что как раз у него все рассчитано (по крайней мере, когда речь идет о сознательно корыстном преступлении).

Поэтому мы приводим два примера, когда агрессор получил ответный удар не сразу и в совершенно неожиданном месте, за тысячи километров от места событий. В жизни (и в политике) всего не учесть. А Бог правду видит, хоть не скоро скажет. Быть может, мысль о том, что нападение может иметь совершенно неожиданные последствия, хоть на кого-то подействует сдерживающе.

На одной пресс-конференции немецкий представитель заявил о нападении

Финляндии на СССР. Финская журналистка разрыдалась: «Это на нас напали». У советского журналиста такая «истерика» вызвала насмешку. Знал бы он, над чем смеется. Через два года было не до смеха. Через два года была блокада Ленинграда.

Вспомним, что в 1941 году Финляндия выступала на стороне Германии, и Ленинград с севера блокировали финские войска. Но этим роль финнов в войне не ограничивается.

Без помощи финнов немцам не удалось бы нейтрализовать в 1941-1943 годах Балтийский флот, представлявший серьезнейшую угрозу для немецких коммуникаций на Балтике. Без активного участия финнов в войне немцам вряд ли дошли бы до Москвы и Сталинграда. и уже заведомо им бы не удалось организовать блокаду Ленинграда.

В финский плен попало 60000 советских солдат. Финские подлодки топили советские корабли. Дойдя до реки Свирь, финны захватили значительную часть советской территории и т.д.

В марте 1940 года советские войска, преодолев с большими потерями линию Маннергейма, неожиданно остановились, и был заключен мир. Это часто трактуют как свидетельство миролюбия СССР. Но при этом забывают: к марту 1940 года вблизи южных границ СССР была создана мощная группировка англо-французских войск, нацеленная на Баку. Ею должен был командовать генерал Вейган, автор «чуда на Висле», - он был главным военным советником при польском командовании, когда на подступах к Варшаве были разбиты красные войска под командованием Тухачевского; Сталин был тогда член РВС фронта. Имя прославленного французского полководца должно было внушать страх Сталину.

Эта группировка войск имела достаточно мощную авиацию и защитить от нее бакинские нефтепромыслы было бы трудно. Баку в то время было основным источником нефти в СССР.

Полуофициально целью создания мощной группировки объявлялась помощь Финляндии. Но нельзя забывать, что из Баку в то время шли значительные поставки нефти в Германию. Лишить Германию этой нефти значило для англичан и французов в первую очередь - защитить самих себя. Возможно, именно угроза нападения на Баку и заставила Сталина заключить столь невыгодный для себя мир с финнами.

Но значительные силы англо-французов не приняли участия в боях с немцами летом 1940 года, и здесь Германия была в выигрыше от советско-финской войны.

Когда началась эта война, США наложили эмбарго на поставки стратегических товаров в СССР, - в частности, высокооктанового бензина, необходимого для советской авиации. Этим объясняется недостаточный летный опыт сталинских соколов к началу Отечественной войны. По крайней мере, так считает автор одной заставляющей задуматься книги (Соколов Б.В. Цена победы. М. 1991. стр. 61).

2. О ТОМ ЖЕ УРОКЕ ИСТОРИИ, НО НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ И ГЕРМАНИИ

Нападающий сам выбирает момент для нападения. Но потом он теряет контроль над событиями. Жертва может оказать неожиданно сильное сопротивление, могут вмешаться внешние силы и т.д.

Сентябрь 1939 года. Гибнет польское государство - «уродливое детище Версальского договора» /В.Молотов/. После войны много писали о панике, охватившей в то время польское руководство. Но, оказывается, несмотря на безнадежную военную ситуацию, оно думало о том, как продолжить борьбу с чудовищным по силе врагом. Было решено переправить в Лондон летчиков, которые приняли активное участие в битве за Англию.

Чтобы лучше оценить значение этого решения, вспомним некоторые факты из истории:

1. Противники Германии были слабо готовы к войне. Уязвимым местом Великобритании была нехватка летчиков, особенно пилотов - истребителей. Чтобы подготовить воздушного бойца, требуется много сил, средств и времени. Это было осознано польским руководством.

2. Битва за Англию /происходила с августа 1940 по май 1941 г./ - первое стратегическое поражение гитлеровской Германии. Немецкая авиация понесла значительные потери - более 2000 самолетов. Для сравнения: в июне 1941 года Гитлер бросил на СССР менее 5000 самолетов /включая авиацию союзников Германии/. Подумать только, насколько труднее пришлось бы советским людям, если бы немецкие потери в битве за Англию были бы меньше, и Гитлер мог бы послать против СССР на тысячу самолетов больше. Заметим, что бои происходили над британской территорией, и прыгавший с парашютом немецкий летчик неизбежно попадал в плен.

3. О смелости и мужестве польских солдат во Второй мировой войне написано много. Они воевали на земле и в небе, на море и под водой с 1939 по 1945 год. Поляки внесли свой вклад и в «войну умов». Накануне войны они были близки к расшифровке военных кодов Германии. После нацистского вторжения ученых вывезли в Англию, с их помощью англичане разгадали немецкие шифры.

Не дай бог, если война в Закавказье не прекратится приемлемым для враждующих сторон миром, если одна из сторон решит добиться сокрушительной победы. Тогда можно себе представить, что /а пример Финляндии и Польши подтверждение тому/ в Степанакерте, Ереване или, наоборот, в Баку будут напрягаться все силы и умы. И не надо быть провидцем, чтобы предсказать мнимость победного триумфа, а также жестокость ответного удара побежденных.

«Требуется ли напоминать, как необходим и сладок мир, как непоправимо ужасна война», - вопрошал Борис Пастернак.

Увы, требуется! Подобное напоминание, возможно, самая главная обязанность политика, философа, историка, писателя.

М.ЭПШТЕЙН, А.ЛУЙО /Париж/

АРМЯНЕ ВО ФРАНЦИИ: ВОЗВРАЩЕННАЯ ПАМЯТЬ

Цориг, хотя и родился на одной из окраин Парижа, всегда знал. что он армянин. Родители часто напоминали ему об этом, когда он был еще совсем маленьким. В 8 лет мальчик открыл энциклопедию в надежде найти флаг Армении, легенддарной страны, о которой он столько слышал. Напрасно. Позже он искал карту своей страны в учебниках географии. То же разочарование. Упоминания об Армении в учебниках истории? Никаких. Армения исчезла, не оставив следов. Поглощена временем. В лицее, когда ему было 17, он подготовил доклад об уничтожении армян по приказу турецкого правительства в 1915 г.: "Было убито 1,5 миллиона человек, - рассказывал он. - Это первый геноцид XX в., но турки упорно продолжают отрицать его." Одноклассники были поражены, преподаватель - тоже. "Мое поколение, - считает сегодня Цориг, - всегда наталкивалось на стену молчания и непонимания. Пора, наконец, заявить о себе. Показать, что мы существуем.

Нет сомнения, что в армянской общине Франции происходят сейчас важные перемены. В ближайшее время она будет насчитывать около 300 тыс. человек тех, чьи имена оканчиваются на "ян" (т.е. "сын такого-то") и они все больше сознают свою силу. Можно сказать, что армяне выходят из молчания, на которое они сами себя обрекли.

Кажется, что медленно, но верно французы армянского происхождения начинают реагировать на опасность интеграции, столь успешной, что во многих случаях она близка к полной ассимиляции: увеличение числа смешанных браков ,постепенное исчезновение собственно армянских кварталов,стогнация армянской апостолической Церкви способствовали ослаблению связей в общине. "Если будет потерян и язык, мы окажемся в смертельной опасности", - говорит Сэда Берберян, директор двуязычной школы в Марселе. Эту школу, основанную в 1980 г., посещают сегодня 200 учеников. В будущем году здесь начнут готовить к сдаче экзамена на звание бакалавра, причем армянский можно будет сдавать как один из живых языков (в прошлом году только в регионе Рон-Альп его сдавали 25 кандидатов).

Часть диаспоры обратилась к поиску своих корней. В Альфортвиле (департамент Валь-де-Марн) культурный центр предлагает курсы "знакомства с армянской традицией", а также армянского языка, музыки, танца. На вечерах играют молодые музыканты, которые сами изготовили народные инструменты, неизвестные во Франции. В двух шагах отсюда около многоквартирного жилого дома стоит памятник с надписью: "В память 1,5 миллионов армян - жертв геноцида, осуществленного по приказу турецкого правительства в 1915 г.". В этом же квартале, где на заболоченном участке между бумажным и газовым заводами обосновались в 1923 г. первые иммигранты., улицы носят название "Группы Манушьян" и "Ереванской".

Французы плохо знают историю этой общины. Большая ее часть - беженцы 20-х годов, изгнанные из Анатолии. Тысячами они высаживались в Марселе, бывшем

в то время самым оживленным портом Средиземноморья, прибывая из Ливана, Турции, Сирии, Болгарии и Греции. Для многих этот город стал лишь этапом на пути в Северную Америку.

В 1918 г. во Франции проживало лишь 4 тыс. армян, богатых негоциантов, между прочим финансировавших строительство церкви на улице Жан-Гужон в Париже около Елисейских полей. 20 лет спустя их уже было окло 63 тыс. Вскоре в поисках работы одни начинают переселяться дальше на север в район Валанса (департамент Дром) и Лиона, другие - направляются в столицу, имевшую репутацию города, где легко найти работу и достаточно высокие заработки. Эти люди, избежавшие геноцида, но потерявшие родных, были согласны на любую работу. Насмешки, которым они подвергались во Франции (дразнилка "Armeniens, tete de chien, mange ta soupe et dis plus rien" - "Армяшка, собачья голова, ешь свой суп и помалкивай") совсем безобидны по сравнению с жестокостью турок. Многие стали чернорабочими. Но очень быстро, отмечает в своем исследовании Анаит Тер-Минасян, "у армян - рабочих обнаружилась одна и та же навязчивая идея: уйти с завода. Возможность такого бегства они нашли в работе на дому: пошив обуви для цехов Бельвиля, одежды - в Альфортвиле, изготовление трикотажа - в Исси-ле-Мулино для еврейских оптовиков на Сантье. Из этих маленьких семейных производств и родились позднее известные всем "success stories" - от свитеров Алэна Манукяна до обуви Стефана Кельяна - оба эти производства находились около Валанса.

Патрик Деведжян, мэр города Антони, охотно говорит о культе работы у армян. "Они работают по 15 часов в сутки; в противном случае на человека косо смотрят в общине. В 70-е годы я видел, как многие приезжали из Ливана совершенно без средств, а 5 лет спустя уже были хозяевами собственного домика", - уверяет он.

Потребность в профессиональном признании, бесспорно, объясняет множество ярких достижений, которыми может похвастаться группа, насчитывающая менее 0,5% населения Франции. Достаточно назвать такие имена, составляющие гордость армянской общины, как Алэн Манукян, Рози Вартан, семья Петросян и, конечно, Шарль Азнавур. Не забудем также кинорежиссера Анри Вернея, композитора Мишеля Леграна, писателя Анри Труайя, автогонщика Алэна Проста и футбольную команду Валанса, поднявшуюся во вторую группу после того, как городская команда слилась с командой игроков армянского происхождения.

Шок от землетрясения

На подмостках сцены армяне не забывают о своем происхождении, как свидетельствует создание ассоциации "Азнавур - для Армении". Адвокат Патрик Деведжян бросился на помощь террористам АСАЛА (ASALA - Armee secrete de liberation de l Armenie - Тайная армия освобождения Армении). Другние держатся более сдержанно, как например, Эдуард Балладюр, чей отец после Первой мировой войны был одним из директоров Оттоманского банка. Семья Балладюров армяно- персидского происхождения из района Анкары. В 1795 г. эдиктом Высокой Порты Балладюры были объявлены французскими подданными, находящимися под защитой турецкого правительства. Маленький Эдуард покинул Турцию вместе с родителями, когда семья, как и многие другие левантийские семьи, жившие торговлей, пострадала от экономического спада 30-х годов. "Who

s who" указывает лишь, что он родился в Смирне 2 мая 1929 г., сам же Балладюр не считает себя армянином.

В наши дни к потребности в профессиональном признании добавилось культурное пробуждение. Последнее в значительной степени оказалось связано со страшным Спитакским землетрясением в декабре 1988 года. В своей книге "Общинная связь. Три поколения армян" (издательство Arman Colin) антрополог Мартин Ованессян напоминает о шоке, вызванном землетрясением во Франции "Молодежь, не имнтересовавшаяся прежде армянскими проблемами, коммерсанты, занятые исключительной заботами об эффективном функционировании своей торговли, тратили время на сбор необходимых медикаментов и одежды... Размах солидарности позволил диаспоре одновременно выявить свою идентичность, задаться вопросом о целях и будущем собственной судьбы".

Землетрясение и провозглашение независимости бывшей советской Армении в 1991 году мобилизовали французскую общину, крупнейшую в диаспоре после американской. Но ее "пробуждение" началось двадцатью годами раньше, когда 24 апреля 1965 года около 10 тыс. человек прошли по Елисейским полям в день 50-летия памяти жертв геноцида. В 1973 г. убийством турецкого посла около станции метро Бир-Хакейм в Париже началась серия террористических покушений АСАЛА, завершившаяся 9 лет спустя смертоносным взрывом в аэропорту Орли. В этот период прошлое, многими забытое, вошло в дома французских армян сквозь телеэкраны, заставив многих людей среднего возраста и даже стариков сделать свой выбор.

Наконец, было появление армян-беженцев из Ливана (в начале так называемой "гражданской" войны в Бейруте в 1975 году) и Ирана (во время "иранской революции" и после 1979 года).

В странах ислама армяне сумели сохранить свое национальное своеобразие в отличие от иммигрантов, прибывших в Европу в 20-е годы. Молодые люди из Ливана и Ирана, прибывшие во Францию, бегло говорили по-армянски - к великому изумлению своих французских сверстников. "В Бейруте, - говорит один из них, - я жил в маленькой Армении - со своим языком, продуктами, книгами, фильмами... Здесь же я нашел армян безразличных и холодных. Здесь гораздо труднее сохранить свое национальное отличие. Сегодня недавние иммигранты составляют абсолютное большинство в Дашнакцутюн, самой влиятельной политической партии диаспоры.

Старшее поколение, пережившее геноцид, было ошеломлено новой волной иммигрантов без комплексов. "Для поколения моих родителей или моих дедушки и бабушки было очень важно не привлекать к себе внимания к армянам, "чтобы не было неприятностей", - говорит пастор Рене Леонян, президент общества "Надежда для Армении". Подвергшись преследованиям в Турции, они хотели обезопасить себя от возможной ксенофобии во Франции. "Французы - очень приятная нация", - доверительно сообщает Акаби Топольян, очаровательная 80-летняя старушка, обосновавшаяся около Марселя. "А господин Миттеран - добрый правитель", - добавляет она. Мишель Саркисян, работница армянского дома культуры Альфортвиля, вспоминает о своей бабушке: "Она не разрешала нам разговаривать, когда по радио выступал генерал де Голль. Мы ее спрашивали: "Почему мы должны молчать, если ты все равно не понимаешь по-французски?" На что она неизменно отвечала: "Глава правительства приютившей нас страны

заслуживает уважения. Он, по крайней мере, не собирается убивать нас, как турки". Поколение 80-летних до сих пор переживает ужас геноцида: "Есть старики, которых с 1915 года каждую ночь мучают кошмары", - говорит доктор Мари Гоарьян, врач Валанса.

По словам Миграна Амтавляна, главного редактора журнала "Франция - Армения!", новое поколение прекрасно адаптировалась: "Мы живем рядом с французами, народом и христианским, и склонным к актерству... Это очень близко нашему характеру! В таких условиях сложно противиться интеграции". Тем более, что для многих она символизирует победу над судьбой. Журналист Жан Кэйан признает: "Стать французом значит в некотором роде навсегда избежать трагедии Истории". Жанин Алтунян, автор книги "Лишь откройте мне дорогу в Армению..." (издательство "Belles Letres") со смехом рассказывает, что ее происхождение заставило ее выйти замуж за ...бретонца: "Такова была жизнь! В армянских семьях живы призраки геноцида. Психоанализ позволил мне похоронить их, стать не только потомком выживших, но и испытывать радость, просто жить в конце концов!" Некоторых подобные чувства раздражают, они обвиняют таких, как Жанин, в "предательстве мертвых": "Напротив, - вздыхает она, - Любить жизнь значит остаться верным своим предкам".

Поступок Жанин Алтунян, конечно, шокировал общину, известную своей консервативностью, чтящую семью и христианское вероисповедание. Церковь! Она занимает место, для многих неотделимое от национальной принадлежности... При малом числе протестантов и католиков 9 из 10 армян принадлежат к апостолической Церкви, названной так потому, что она была основана двумя апостолами. Церковь остается главным связующим элементом общины, испытывающей потребность в объединении. Однако епископ Лиона, его святейшество Закарьян констатирует: "У меня есть паства, заполняющая церковь, но нет прихода. Просто люди, приходящие каждую неделю, - не одни и те же".

Дело, по-видимому, в том, что единение, возможное в лоне Церкви, имеет свои границы. Архиепископ Парижский, его святейшество Накашьян поставил себе за правило участвовать лишь в тех уличных манифестациях, где представлены все политические течения, существующие в общине. Но он отмечает, что таких единых выступлений не было (за исключение 24 апреля - годовщины геноцида) с 1989 года.

"Армянские голоса" на выборах?

Разногласия не мешают армянам афишировать единство перед "чужими"; как бы плохо не думали о "Майрик" (фильм Анри Вернея о французских армянах) или о "Полночном экспрессе", фильме-обвинении Алана Паркера о турецких тюрьмах, не-армянам о них всегда будут говорить только хорошее!

Отсутствие организации в общине до настоящего времени не дает ей возможности оказывать какое-либо политическое влияние. Показательно, что муниципальные советники получают очень мало прошений о субсидиях от армянских ассоциаций, довольно многочисленных. Говорят, что "евреи и арабы гораздо лучше организованы". Политические деятели относятся все же вполне серьезно к "армянским голосам". Хотя Робер Вигуру не верит в их существование, настолько армянская община интегрировалась во Франции. Но мэр Марселя - осторожность никогда не помешает - пожелал, чтобы в каждом из 7 избирательных округов города среди кандидатов был один армянин. В период избирательной компании

политические деятели всех мастей один за другим появляются в "Ла Ротонд", одном из армянских кафе Марселя. Что они обещают? "Луну с неба, - говорит хозяин; - и даже больше".

"Нет" при возвращении

Проблема общины состоит, по-видимому, в том, что она не в состоянии выразить свои интересы и надежды, даже если предположить, что они сбудутся. Что общего между молодым сирийцем армянского происхождения, готовым с оружием в руках защищать Карабах, и неким Жюльеном Дюраном, у которого армянином был дедушка, а, может, бабушка была армянка. Медленное угасание общины приводит в отчаяние Арпик Мисакян, главного редактора газеты "Арач" - единственного независимого, ежедневного издания на армянском языке: "Арач" был маяком для недавних иммигрантов, не говоривших по-французски. Но сегодня, когда умирает глава семьи, мы теряем подписчика".

Создается все больше и больше ассоциаций, возглавляемых молодыми людьми, которые никак не связаны с памятью о геноциде, но больше интересуются архитектурными богатствами региона или же поэзией, "фольклором" и "музейной болтовней", как говорят дурные языки. Но о чем еще может идти речь на французской земле? Раздробленная община, полная противоречивых тенденций, члены которой в подавляющем большинстве потеряли желание и отказались от мысле о возвращении на землю предков. В Валансе, напрмер, ассоциация "друзья Харпута" объединяет тех, чьи корни уходят в этот район Кавказа. Интересуются ли ее члены Харпутом? "Ни в малейшей степени! Там у них ничего не осталось". Все здесь. Они встречаются дома, устраивают пикники, пробуют армянские блюда, рассказывают анекдоты, говорят обо всем, кроме Харпута.

Армянская нация и армянская культура - да. Земля же, для большинства - нет. Действительно, нет. Ужасной истории Жана и Люси Тер-Саркисян, 40 лет удерживаемых в советской Армении и "освобожденных" лишь в 1987 году после вмешательства президента Миттерана, достаточно, чтобы охладить наиболее горячих приверженцев "возвращения на землю". Их родители были в числе "приглашенных" Сталиным, заманившего в Армению после Второй мировой войны десятки тысяч армян диаспоры для восполнения демографических потерь. Жизнь там, как они свидетельствуют в "Красных яблоках Армении" (издательство "Flammarion"), смущает общину. До такой степени, что чету Тер-Саркисян встретили настороженно, когда они, наконец, смогли вернуться к себе в Валанс.

Что же завтра? В своем кабинете в мэрии города Антони Патрик Деведжян не строит иллюзий: "Судьба армянской диаспоры в том, чтобы исчезнуть в процессе ассимиляции". Но политика Турции держит общину в состоянии мобилизации: "Пока геноцид не будет признан, - говорит он, - пока не будет турецкого Вилли Брандта, который встанет на колени перед армянским мемориалом и попросит прощения, у наших мертвецов не будет покоя. В наших сердцах - непреклонность Антигоны".

Антигона была лишена права предать земле убитого брата. Армяне отказываются признать прошлым то, что не было погребено.

Пер. с французского Л.Мордвинцевой

Epstein M., Louyot A. Armenies de France: La memoire intacte // L express. - P., 1993. - Semaine du 25 fev. au 3 mars 1993. - P. 64-70.

Хаим РУВЕНСКИЙ (Лондон)

БАЙРОН СРЕДИ АРМЯНСКИХ МОНАХОВ

Каждый входящий в монастырь Сан-Ладзаро-дельи-Армени, что на крошечном острове в Венецианской лагуне, видит беломраморную мемориальную доску, установленную в честь «преданного друга Армении» - Джорджа Гордона Байрона.

Столетиями землю Армении разрывали на части завоеватели, неоднократно учинявшие резню ее мирного населения и ровнявшие с землей ее города. И на протяжении веков монахи монастыря Сан-Ладзаро верно служили национальной армянской культуре, ревностно храня бесценные рукописи, реликвии и устную мудрость, восходящие к первым годам письменной истории Армении.

Трудно себе представить, что английский поэт, само имя которого стало символом крайности страстей, мог связать свою судьбу с этой обителью молчаливых, погруженных в книги, замкнуто живущих монахов. И тем не менее он провел здесь шесть месяцев в 1817-1818 годах, изучая армянский язык. Здешние монахи и сегодня почитают его.

Байрон навсегда покинул родину в 1816 году. Высший свет тогдашней Англии вначале превозносил до небес хромого, но поразительно красивого поэта, «безумного,безнравственного и опасного», как его характеризовали. Но слухи и сплетни, сопровождавшие его личную жизнь - связь с единокровной сестрой Огастой Ли, в результате которой родился ребенок, жестокое обращение со своей молодой невестой Аннабеллой Милбэнк и скандальный роман с леди Каролиной Лэм, женой будущего премьер-министра лорда Мельбурна, - в конце концов вынудили Байрона покинуть страну.

Вначале он жил в Женеве вместе со своим другом, поэтом Перси Биши Шелли, и его молодой женой Мэри. Здесь, оставаясь верным себе, он соблазнил сестру Мэри - Клэр Клэрмонт, которая забеременела от него.

После этого он отправился в Венецию. Ему предстояло прожить здесь с перерывами два года и написать третий акт «Манфреда» и сатирическое произведение «Беппо».

В первую венецианскую зиму Байрон открыл для себя монастырь Сан-Ладзаро, в котором обитали 90 монахов - «весьма ученых и совершенных мужей». Он тогда сравнивал свой ум с морским прибоем, которому «хочется скалы, чтобы биться об нее». По этой причине он каждый день отплывал из города на лодке и день за днем одолевал в монастыре армянскую грамматику.

«Его привела сюда любовь к Востоку и стремление духа», - говорит нынешний настоятель монастыря отец Джузеппе. Но Байрон штурмовал не только грамматику, но и свою домохозяйку Марианну Сегати. «Сия леди, к счастью для меня, оказалась менее неприступной, чем армянский язык; в противном случае, разрываясь между этими двумя предметами, я потерял бы остатки душевного здоровья», - писал он другу в декабре 1817 года.

Несмотря на трудности языка, Байрон упорно двигался вперед - в отличие от пятнадцати французских исследователей, которые за четыре года до этого сдались, едва дойдя до двадцать шестой из тридцати девяти букв армянского алфавита. «Действительно, этот алфавит - настоящее Ватерлоо. Но, бросив его, эти господа поступили вполне в своем духе - ведь раньше они уже бросали своего императора», - язвил уже постигший тонкости чужого языка Байрон.

Поэт изучил армянский настолько глубоко, что оказывал помощь в составлении армяно-английского словаря. Он делал все, что только мог, для издания его в Англии - соглашаясь на повышение стоимости, не давая ни минуты покоя своим друзьям из высших литературных кругов. «Вам не следует пренебрегать моими армянами», - внушал он не проявлявшему энтузиазма издателю.

За время пребывания в монастыре, который один из настоятелей охарактеризовал как «сердце армянской нации, разделенной и рассеянной по всей земле», Байрон очень полюбил этот народ и впоследствии с воодушевлением говорил о его стойкости и сопротивлении превратностям судьбы.

С Арменией у Байрона были связаны и религиозные ассоциации. Как и многие, он верил, что именно на месте Армении был расположен Эдемский сад. В пределах древнего армянского царства расположена и гора Арарат, где впервые спала вода всемирного потопа и где приземлился голубь, посланный Ноем. Армения, как с гордостью поведают вам монахи, была первой страной в мире, провозгласившей (в четвертом веке нашей эры) христианство государственной религией.

Но, в отличие от 8,5 миллионов живущих ныне армян, которые в большинстве своем принадлежат к монофиситской церкви, отцы-мхитаристы Сан-Ладзаро - католики ордена бенедиктинцев.

Они принимают участие в экуменическом движении и видят свою задачу в сохранении культурного наследия всех армян. Эта монашеская община была основана католическим армянским аббатом Мхитаром, прибывшим в Венецию из малоазийского города Сивас через Морею, тогда венецианскую колонию. Спасаясь от преследований со стороны турок, он с небольшой группой монахов прибыл в Венецию в 1715 году, претерпев по пути много лишений.

Венецианские власти пожаловали новоприбывшим остров, который, как свидетельствует его название, прежде был колонией прокаженных, но уже много лет пребывал в полном запустении.

«Калейдоском» (Тель-Авив) 14 мая 1993.

Николай НИКОГОСЯН /Москва/

ЗЕРКАЛО

Возможно, кому-то из ваятелей это покажется странным. Возможно, они скажут - причем здесь зеркало, если нет таланта и ты неудачник? Но знают ли они: когда остаешься один в мастерской и подходишь к зеркалу, то видишь не просто отражение, а свой образ, свои переживания, и уже не размышляешь. а начинаешь говорить с собой. Вас двое, вы говорите честно, обо всем.

В моей мастерской над умывальником висит небольшое полукруглое зеркало. Обычное. Оно отражает всех, кто приходит, чтобы позировать мне. Мужчин. Женщин. Увидев морщины, они грустят. А как хороши они с заколками в губах, расчесывая волосы!

Когда нет модели, зеркало служит мне. Сколько раз, взглядываясь в него, я писал автопортрет.

Но после неудач, усталый, злой, с руками, тяжелыми от глины, иду к умывальнику... И некуда деться от зеркала: вижу тусклые глаза, опущенные уголки губ, растрепанные, запачканные глиной волосы, опавшее, потерявшее краски лицо. Смотрю на себя с неприязнью. Меня мучает собственная неумелость, мне ясно: я - неудачник. И отражение, понимая все, отвечает: «Конечно. И никто не посочувствует, кроме меня. А с какой стати? Смотри же, смотри на меня, и стыдись». Ах, так?! Яростно плюю в свое лицо и мгновенно успокаиваюсь.

Увы, такое случалось не раз...

Однажды работал долго-долго. Но все получалось вялым, серым. Вдруг раздался звонок. Я открыл дверь и увидел скульптора Малахова, весьма уважаемого мною, - он владел тайной пластики в скульптуре, имел тонкий вкус и был очень строг к себе. К тому же был другом моего любимого педагога - Капланского.

- Здравствуй, Нико!

- Здравствуйте, Абрам Михайлович! Как хорошо, что вы пришли. Как раз собирался закончить, все равно ничего не выходит. Хотите взглянуть?

Я подвел его к скульптуре, а сам пошел мыть руки. Передо мной - знакомое лицо.

- Ну, что смотришь? Что?!

Задыхаясь от гнева, плюнул в себя. И услышал голос Абрама Михайловича:

- Нико, ты молодец! Хорошо найден размер, вылеплено конструктивно.

Слушаю слова Малахова и шепчу отражению: «Ну, почему ты такое злое, беспощадное? Хотя бы раз похвалило. Нет, ты все время хмуришься, злишься! Почему ты заставляешь меня страдать?»

Двумя руками срываю зеркало со стены и швыряю об пол, - оно взрывается осколками. Гнев мгновенного вылетает из меня, я успокаиваюсь.

- Зачем ты разбил зеркало?

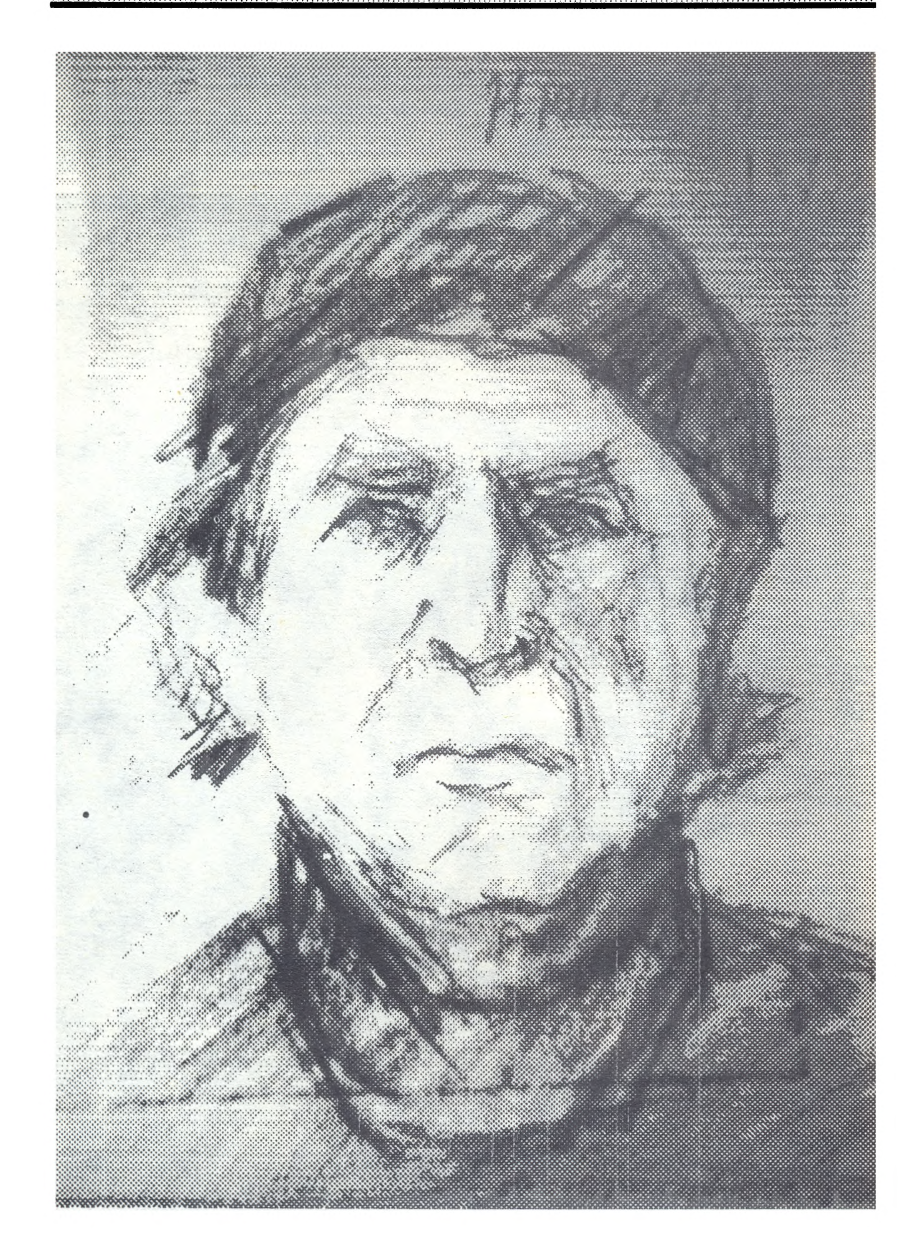
- У меня с ним свои счеты, Абрам Михайлович, но сейчас мы - квиты.

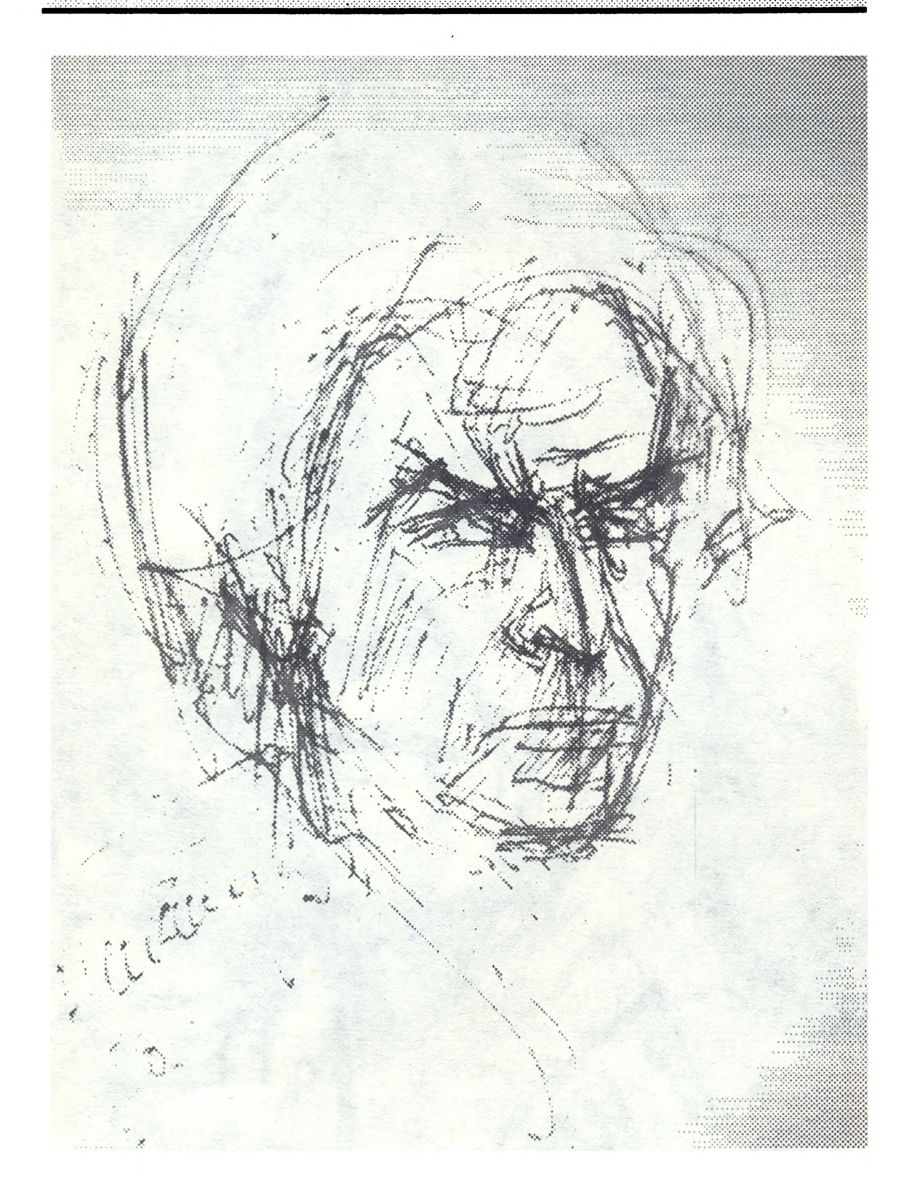
Некоторое время над умывальником - ничего. Я не вижу своего мучителя. Молчу. Мне не на кого злиться. После работы спокойно, в глубоком раздумье, мою руки и ухожу из мастерской. Возможно, так легче жить? Может быть... А вот хорошо ли? На распутье моих невезений, неудач, исканий, борьбы - кому доверить потаенное, с кем разделить сомнения? На кого обрушить ярость, отчаяние?

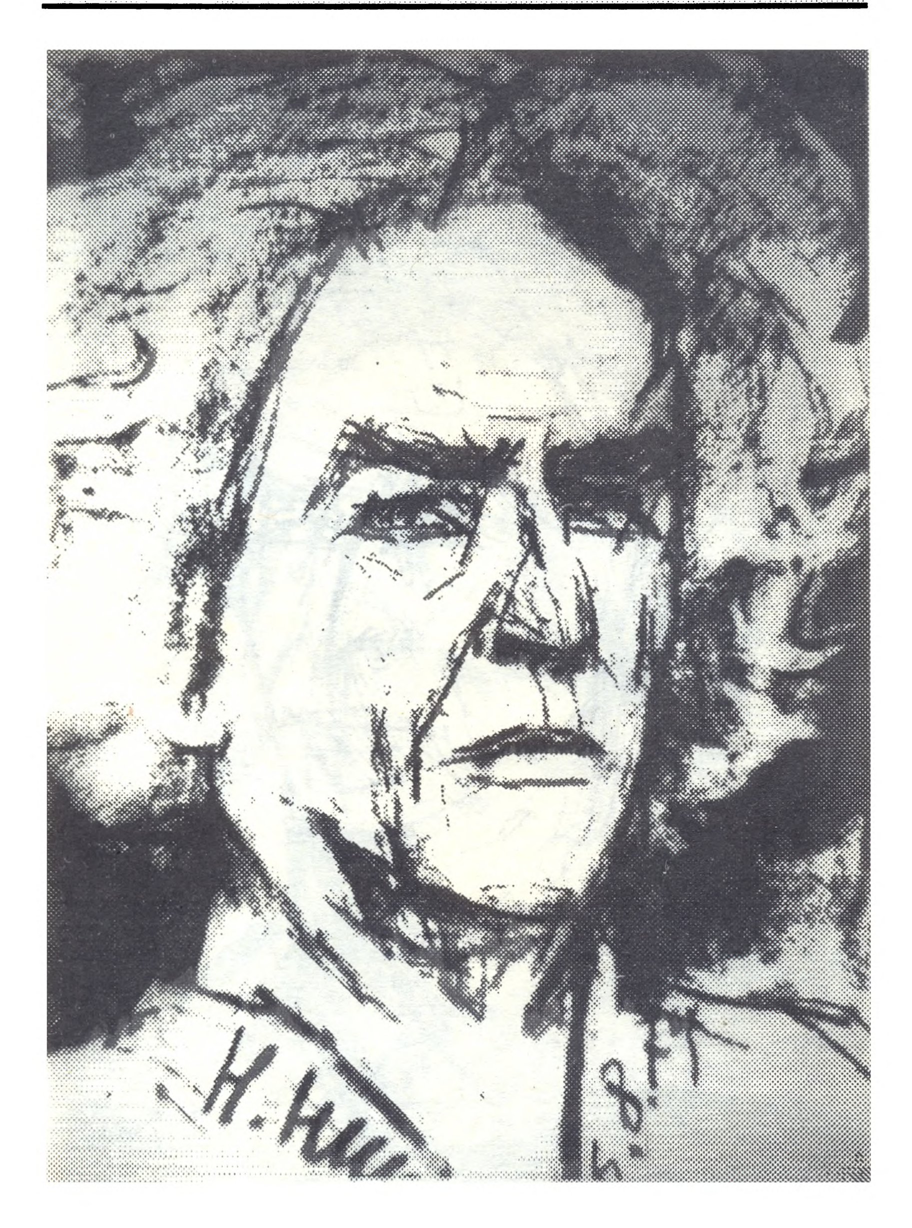
...Над умывальником снова появилось зеркало.

На вкладках — "Автопортреты" Николая Никогосяна.

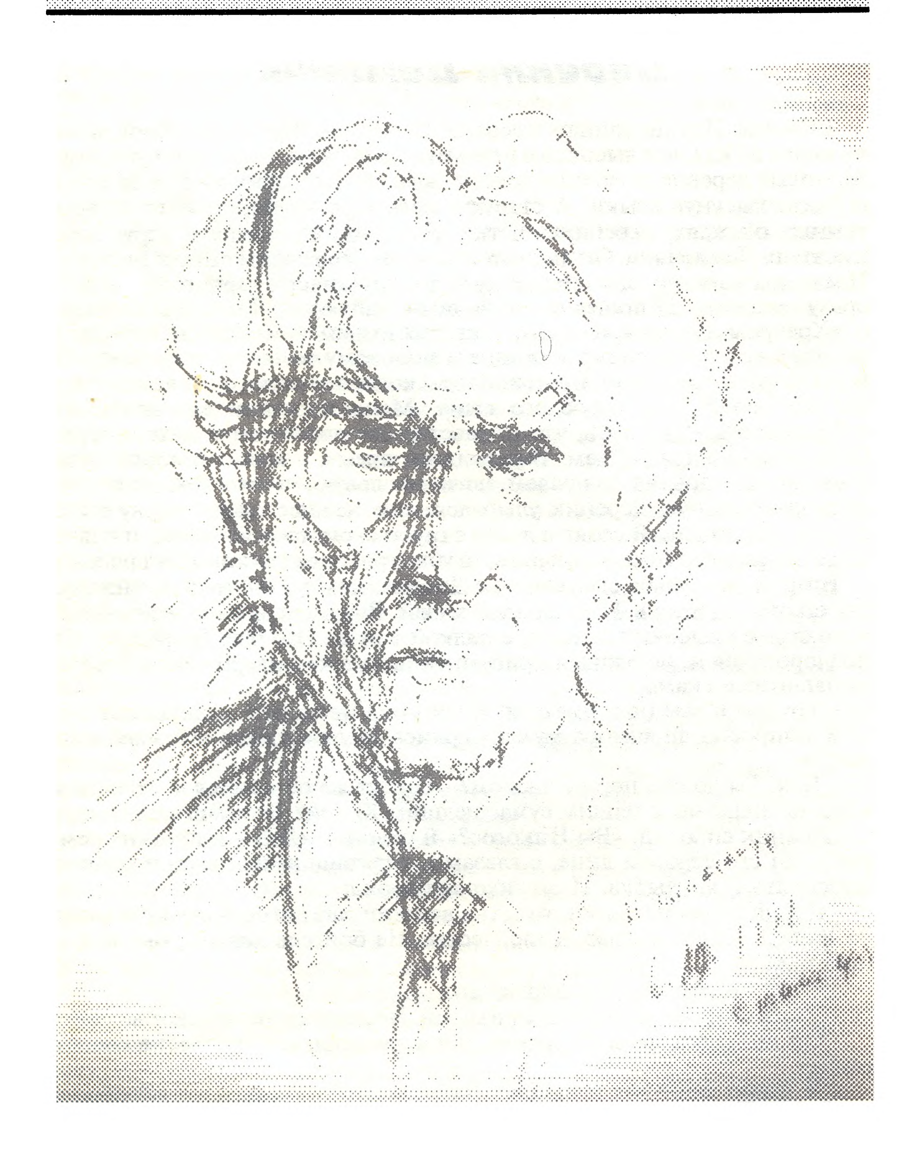

Дереник Демирчян

1934 год. Иду по улицам Еревана. Стоит знойное лето. Город давно не видел дождя, все высохло и переменилось, даже люди ходят увядшие. Молодые деревца от солнца совсем зачахли. Под стенами в тени лежат собаки, высунув языки. А старухи, несмотря на жару, сидят в своих темных одеждах, перебирая четки. Да, я иду по улице и вдруг вижу писателя Демирчяна. Он движется навстречу со своим сыном Вигеном. Несмотря на жару, они спешат куда-то, спускаясь с гористой улицы. Я сразу узнал их... И пошел вслед за ними, наблюдая. Я шел и вспоминал о «Храбром Назаре»,который стал любимцем армянского народа. Я смотрел вслед взрослому мужчине и молодому человеку, и любовь моя и уважение к тому мужчине усилились, когда я заметил одну деталь - как он вел своего уже взрослого сына. Меня поразили его нежность, заботливость - казалось, что отцовство его переходит в материнство. Сын остановился. «Идем, Виген-джан, идем», - мягко говорил отец. Сын стоял, прыгая с правой ноги на левую, и это продолжалось несколько минут. Дереник улыбался, еще нежнее гладя голову сына, потом они пошли. Я стоял и долго с грустью смотрел им вслед, и видел, как сын висит на отцовской руке, то убыстряет шаг, то ковыляет рядом...

Второй раз судьба свела меня с Демирчяном в 1948 году. Я заглянул по какому-то делу в Театральный музей. Вдруг дверь тихо отворилась. и показался высокий человек с палкой в руке. Это был Демирчян. Он поздоровался и, не ожидая приглашения, тут же у двери сел на первую попавшуюся скамью:

- Трудно к вам подниматься! Ноги меня не тащат! - сказал он.

Я попросил директора музея Саркиса Меликсетяна: «Познакомьте меня».

- Как! Ты до сих пор не знаком? - Он тут же обратился к Деренику: - Вы не знакомы с нашим сумасшедшим Колей? Это наш скульптор.

Дереник спросил: «Вы Никогос?» Я ответил: «Да!» - и протянул ему руку. На его строгом лице, с глазами, спрятавшимися в тени бровей, проскользнула улыбка. И он тихо заговорил:

- Я давно знаком с вами, то есть с вашими работами. Я слежу за вами. За Вашей искренностью в творчестве. Не бойтесь правды, она всегда побеждает.

Тут же он обратился к директору:

- Пусть его работы украсят ваш музей. Не пожалеете - он свое возьмет!

- Он погладил меня по голове, и я вспомнил, как он гладил сына и сказал:

- Я давно знаю вас и люблю. Люблю «Небо Родины» и «Храброго Назара». Давно хотел лепить ваш портрет, но боялся просить вас об этом. А теперь нет смысла: Сурен Степанян так нашел ваш образ, что, пожалуй, лучше не придумаешь.

- Нет, сынок, как бы хорошо ни сделал один творец, образ не кончается. И ты найдешь свое решение, и, может быть, тоже хорошее! Не бойся!

- Хорошо, - сказал я, - значит, вы мне не откажете, когда я приеду

в следующий раз из Москвы?

- Пожалуйста! Даю слово, конечно, если мне позволит здоровье.

- Ну, я буду просить бога, чтобы вы были всегда здоровы.

- А вы, что, в бога верите?

- Для вашего здоровья - верю!

- Коля работает, как огонь! - сказал Меликсетян.

- Главное не в том, как работать, а в том, какие результаты. - Я попрощался с ним и ушел.

1955 год. Мы были уже близкими друзьями, словно породнились. Позвонил телефон, и я услышал в трубке его теплый голос:

- Никогос! Рад буду завтра видеть вас у себя дома. Непременно!

На следующее утро, взяв глину, я явился к нему. Дверь открыл Виген. Из комнаты послышался вопрос Дереника:

- Кто там?

- Какой-то человек! - сказала низенькая сухощавая женщина, увидев меня.

Дереник вышел: «А-а-а! Здравствуй, любимец! Пожалуйста!» - Он показал на дверь в какую-то комнату. «Ты что? Уже глину принес! Не спросив, готов я или нет?»

- Я не хочу день терять. Время не ждет!

Я сразу поставил станок и принялся класть глину.

- Слушай, сынок, ты хоть передохни.

- Ничего! Я всегда отдыхаю во время работы!

- Ну, ладно, - отвечал Дереник и, как послушный ребенок, сел на стул в неизъяснимо простой и трогательной позе, положив руки на колени. Он думал свою думу. И этот образ захватил меня. Но тут вошел Виген и начал прыгать с ноги на ногу ритмично и однообразно. Настроение сразу испортилось. Я кипел, но сдерживался. Однако Дереник почувствовал это. Он попросил сына: «Не мешай! Дай поработать Никогосу. Закрой дверь».

Виген вышел. А Дереник сидел опечаленный. Я понимал, что на душе у него давнее страдание. Но как отвлечь его от грустных мыслей? Не подумав, сказал:

- Хочу менять профессию.

- Что ты хочешь менять? Свою профессию? Которая вместе с тобой выросла и питалась вместе? Конечно, ты можешь уйти от нее, но она от тебя не уйдет и будет ходить за тобой, как тень. Ты думаешь, это так просто? Настоящее искусство - это дело совести. Как совесть бывает у человека чиста и беспристрастна, так и его произведения должны быть чисты и беспристрастны.

Я слушал его, не переставая работать. И мысль его объединяла натуру с моим произведением. А он продолжал:

- Любое произведение искусства - это поле боя: ты или победишь или сломаешь шею... - Он остановился на мгновение и спросил: - Никогос, ты любишь музыку? Конечно, любишь! Это видно по твоему памятнику Микаэлу Налбандяну. В его музыке вся трагедия армянского народа. Не теряй этого качества. Люби музыку!

Дереник встал, вышел в другую комнату и вернулся со старой

скрипкой.

- Хочешь, я для тебя поиграю?

Он отошел к окну, поднял голову, поглядел вдаль. Потом положил скрипку на плечо, глубоко вздохнул и вдруг опустил руку со смычком: «Эй вортех орэра!» - «Эх, дни мои!».

- Знаешь, Никогос, сколько раз я играл перед этим окном? Для чудо-девушки. Ее окна были напротив, но голоса моего она слышать не могла, даже если б я кричал. И чтобы она услышала меня, я играл, и мелодия передавала ей мое душевное состояние. Эх, музыка, музыка!

Помолчав, он добавил:

- Знаешь, то была совершенно необыкновенная девушка. Таких девушек теперь мало!

Я ответил:

- Такой любви тоже мало!

Дереник провел смычком по струнам, и они запели знакомую мелодию. Сначала я не понял, что это было. А потом узнал «Музыкальный момент» Шуберта. Дереник играл плохо, но так выразительно, будто звуки выходили не из инструмента, а из его сердца. И мне стало так грустно, так одиноко! Я понял его старость, ушедшие дни, болезнь сына. Дереник сыграл еще один такт стоя, потом сел на кровать и играл сидя, а потом лег и уже лежа закончил пьесу. Я подумал: «Что делает старость! Все в человеке замирает, угасают силы, блекнет его цвет, слабеют нервы. Но никакая старость не в силах ослабить любовь к искусству».

-Я очень любил играть на скрипке. Я находил в этом душевное успокоение. А сейчас мне уже трудно держать скрипку, правая рука вообще плохо движется.

В этот момент вошел Виген и удивленно уставился на начатую мной скульптуру.

Дереник спросил:

- Виген-джан, похож отец?

Виген ответил приглушенно:

- Это - глина!

Потом он вглядывался поочередно - то в отца, то в скульптуру. Вдруг внимание его привлекли кусочки глины на полу, и он бросился собирать их...

- Скульптура - это кусок пластического движения. Не только симфония движется и течет, скульптура - тоже. Сегодня я в первый раз понял: скульптура движется. Мы, художники, никогда не бываем одиноки. Заходишь в рабочую комнату один, а потом возникает образ. Ты начинаешь с ним делиться, говорить, жить вместе... Кажется, мы закончили работу сегодня? Я тоже должен выйти из дому. Мой руки и пойдем вместе.

Когда мы вышли, Виген тихо закрыл за нами дверь.

Самуил МИРИМСКИЙ (Москва)

МОЙ ДЕДУШКА

Рассказ

Мне было шесть лет, когда умер отец, и в жизни своей я стал замечать перемены. Скажем, раньше меня всегда подстригала мама, а тут парикмахер Рахмил увидел меня из окна, поманил к себе пальцем и оглядел мою голову.

- Ой-вей! - всплеснул он руками. - Разве можно ходить такой чучелой-мучелой? Садись немедленно в кресло, я тебя обслужу.

Само собой, за стрижку с одеколоном дядя Рахмил не взял с меня ни гроша.

Я расхаживал по улице гоголем и всем встречным подставлял свою голову. Все охотно нюхали и говорили, как я сладко пахну. Дядя Эфраим подозвал меня, тоже понюхал и пригласил в свою пекарню. Он дал мне горячий бублик, я съел его, но не уходил, а стоял возле полыхающей печки и смотрел, как румянятся булочки, бублики и кренделя.

- Тебе интересно? - спросил дядя Эфраим, поглядывая на меня одним глазом, потому что второй он держал закрытым от жара.

- Интересно.

- Может, хочешь сделать сам себе бублик?

- А как?

- Очень просто. Сперва помой руки, потом скатай из теста колбаску, сделай кольцо, смажь его кисточкой и кинь вот сюда.

Выйдя из пекарни, я был уверен, что нет ничего интереснее в жизни, чем стать пекарем. Но, конечно, не только пекарем. Продавцом в лавочке тоже неплохо. А чем худо парикмахером? Все эти люди, которые раньше не замечали меня, после смерти отца здоровались со мной за руку, гладили по голове и говорили, какой я умный, красивый, добрый и не помню что там еще. Наверно, отец был неплохой человек, если все вспоминали о нем и свою благодарность изливали неизвестно за что на меня.

Вот почему я нисколько не удивился, когда на станции грузчик Лешка Степной подозвал меня, тоже понюхал мою голову, после чего отодрал доску от ящика и набил мне полную пазуху яблоками. Яблоки были румяные и такие крупные, что казались ненастоящими. А пахли даже лучше, чем моя голова. В наших садах такие не росли. Придерживая руками рубашку, я не знал, что с ними делать. Мне бы хватило двух яблок, чтобы набить живот, а что делать с остальными? Может, Элику Збарскому отнести? Но раздумывать мне не пришлось - как раз в это время мне встретился Гринька, мой двоюродный брат. Он деловито

ощупал меня и стал перекладывать яблоки в свою запазуху.

- Тебя дедушка зовет, - сказал он.

- Зачем? - спросил я.

- Наверно, надо зачем-то. Он сейчас молится в сукес.

Гринька дедушку не боялся. Он мог зайти в сарай в то время, когда тот кидал на тачку навоз, и отнять у него вилы. Если дедушка запрягал коня, Гринька садился в телегу и отбирал у него вожжи. А вот я подойти не решался. Глаза у дедушки суховато сверкали из-под густых бровей, будто он искал, на кого рассердиться, и мне почему-то казалось всегда: не на меня ли?

И вот я покорно тащился за Гринькой, а он шагал впереди и беспечно грыз огромное яблоко. Что же такого я натворил, думал я. Кое-какие грешки за мной, конечно, водились - было за что поругать. Позавчера, например, я проник в сад Коржинских, пробрался по забору до сарая, зацепился за гвоздь, упал и убежал с разорванной штаниной. И хотя ни гнездо, ни птенцы, которых я хотел посмотреть, не пострадали, но мама, увидев мои растерзанные штаны, сказала, что придется рассказать дедушке. Дедушкой нас, ребят, его внуков, обычно пугали. Пусть он поговорит с тобой, сказала мама. Вот это меня и беспокоило - пусть поговорит. Дело в том, что я почти не слышал, чтобы он с кем-то говорил. Зато был наслышан, как он дерется. Рассказывали, как он свалил в речку двух мужиков, когда те задержали его с телегой, требуя выкупа. Оказывается, они шутили, но он шутки не понял и «выкупал» их. Когда-то дедушка был пожарником, рассказывали, что он не боялся огня, мог руками развалить горящую избу, спасая вещи. Эти рассказы я только слыхал, а совсем недавно своими глазами видел, как он стащил с чердака дядю Наума, который лазил за дедушкиным ружьем. Дедушка привязал дядю Наума к крыльцу, долго сидел возле него и курил, дожидаясь, пока соберется родня. Когда сошлись, наконец, сыновья и внуки, дедушка снял с дяди Наума штаны и отстегал его плетью. Дядя Наум уже бегал за девками, ему было четырнадцать лет, а тут он ревел и смеялся одновременно. Ревел потому, что больно, а смеялся потому, что все смеялись. А что ему еще оставалось, чтобы не сгореть от стыда? Но он от стыда не сгорел, он еще хвастался потом перед нами, своими племянниками, что ревел нарочно, что ему ни капельки не было больно, и в доказательство предлагал всем желающим щипать во все мягкие места, в том числе и в те, на которых остались синие пятна от порки. Если бы я мог веселиться, как дядя Наум, я бы не дрожал сейчас, следуя за Гринькой, который шел впереди и на весь поселок хрумкал яблоком. Вот за эти яблоки я тоже боялся. «Где ты их взял?» - спросит дедушка. «Откуда они у тебя такие большие?» Разве поверит он, что я не стащил их и что Лешка Степной дал их мне ни за что ни про что, не взяв за них ни копейки? Кто я такой, чтобы делать мне такие подарки?

Когда мы подходили к дедушкиному дому, я уже еле передвигал ноги, сердце мое скатилось вниз и перекатывалось из одной пятки в другую.

У крыльца я остановился, не в силах передвинуться даже на шаг. Как раз на этом месте дедушка устроил показательную порку за ружье, которым дядя Наум пугал прохожих, наставляя ствол и делая вид, что стреляет. Может быть, дедушка звал меня еще и для того, чтобы спросить про ружье? Дело в том, что Гринька выследил, куда дедушка спрятал ружье, потом привел меня в сарай и показал на тяжелую колоду, которой он завалил его в дальнем углу. И взял с меня клятву, что про ружье я никому не скажу. И заявил, что мы вытащим, как только начнется война с империалистами. Тогда ружье нам пригодится. В армию нас, конечно, не возьмут, но детский полк создать мы сумеем. Мы хорошо посмеялись над дедом, представляя, как он придет за ружьем, а за колодой найдет только фигу с маслом. Я дрожал, теперь совершенно уверенный, что дедушка сквозь щелку видел, как мы стояли возле колоды и смеялись над ним.

- Ты подожди, - сказал Гринька и открыл двери в сторожку. - Ты пока не ходи.

Я успел разглядеть в проем дедушкину бороду над книгой, тень от его ермолки на тонких бревнах стены и медный подсвечник. Гринька захлопнул двери за собой. Какое-то время стояла тишина. Потом раздался дробный стук падающих яблок. Может, это дедушка вытряхивал из Гриньки яблоки? В самом деле - Гринька вылетел из сторожки с пустой запазухой и сказал веселым голосом:

- Можешь идти.

- А ты со мной не пойдешь?

- Я ему больше не нужен.

Гринька тут же припустил за ничейным псом Жиганом, который всем себя предлагал в сторожа, но никто не брал его, а я робко вошел в сторожку. Я встал напротив дедушки, опустил голову, но он глазами показал, куда мне сесть. Я устроился на краешек лавки и смотрел на столик, на узловатые дедушкины руки, державшие раскрытую книгу. Черные буквы, похожие на птичек и жуков, так и прыгали в моих глазах. Я перевел глаза на медный подсвечник, и мне показалось, что птички и жуки в неверном свете свечи ползут к краю страницы, к узловатым дедушкиным рукам. Я изо всех сил старался отвести от них глаза и не мог это сделать, вспоминая, как вот этими руками дедушка снимал с дяди Наума штаны...

Между тем дедушка читал и молчал. От страха я устал, немного передохнул и расслабился. Я поднял глаза и стал рассматривать сторожку, из щелей которой торчали ветки с листьями, а по стенкам перемещались, обгоняя друг друга, зеленые тени от вечернего света, проникавшего сверху, в то время как снизу, от свечки, на них наезжали желтые блики. Мне показалось, что свечка - это не свечка, а девочка, которая плачет. Слезы капали с ее ресниц на стол все чаще и чаще, и тогда я потянулся, чтобы остановить их поток, свечка грохнулась на пол, огонек взметнулся вверх и растекся по доскам, облизывая хвоинки. Что

случится через минуту, я представить себе не мог. Я сжался весь и закрыл глаза. Но вскоре открыл и увидел, что дедушка спокойно душит прокуренными пальцами огоньки. Видно, тушить пожары было для него привычным делом, недаром же в чулане до сих пор валялись брезентовый плащ и багор с железным крючком. Свечка перестала капать и горела ровным огоньком, и пока я смотрел на нее, я вспомнил другую свечку, которая горела в изголовье отца, когда он лежал на столе и над ним творил молитву дедушка Лейба - не этот, а тот, другой, мамин отец, который приехал из уездного города. А этот мой дедушка, как только закончилась молитва, поднял отца и отнес его на телегу, а потом подбил ветки под голову, чтобы ему было мягче лежать. Вот именно тогда я впервые увидел, как дедушка плакал. И когда я вспомнил, как с дедушкиной бороды падали капли, все во мне сразу скопилось - и страх перед разговором, ради которого он вызвал меня, и кошмар от пожара, который я чуть не устроил, - все это сразу скопилось во мне, и я заплакал. Плача, я почувствовал, как мне на голову легла тяжелая дедушкина рука.

- Что ты плачешь, Хаимка? Ты испугался?

Я поднял глаза и увидел, как в дедушкиной бороде сверкнули белые зубы, и это было, как солнце, пробившее тучи: дедушка улыбнулся мне! Я не ослышался - он назвал меня Хаимкой, а это было имя отца, я же был Сэндерле, Санчик или просто Саня, как меня чаще всего называли. И только тогда, именно в эту минуту я впервые понял, что сквозь страх всегда во мне жила любовь к нему. Дедушка любил папу, папа любил меня, значит по цепочке он любил и меня, своего внука, в котором он видел повторенье отца. Все это всколыхнулось во мне так пронзительно и нежно. что я схватил теплую дедушкину руку и прижался к ней губами и лбом.

Мы долго сидели с дедушкой в сторожке. Он угощал меня медовыми коврижками, дал мне выпить серебряную рюмочку вина. А потом мы грызли большие красные яблоки, которые лежали в углу. Их сладкий запах мешался с хвойным духом бревнышек, душистым дымом от свечей, табачной вонью от дедушкиной бороды и легким тленом желтой бумаги, на которой прыгали птички и жуки. Дедушка гладил меня по голове, и тяжесть его руки была мне легка и приятна.

- Ну, а кадеш ты помнишь?

Вот чего ради он вызвал меня - в этой веселый осенний праздник кущей не забыл ли я поминальную молитву об отце? И я прочел ему кадеш, и он одобрительно кивал, потому что, не понимая слов, я произносил их вслух отчетливо и точно. Я крепко их запомнил еще с тех пор, как произносил их дедушка Лейба над отцом, который лежал на столе. Когда я кончил кадеш, дедушка похвалил меня и опять назвал меня Хаимкой. Он путал меня с отцом. А может, не путал, а просто видел во мне отца, а это значит, что отец умер не совсем, если я жил на свете. Недаром же *Хаим* по-русски означает *жизнь*.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ (Москва)

ТВЕРДЫЕ ФОРМЫ

О, небо, радужной, тончайшей оболочки
Над пропастью не оброни!..
Стучат рабочие, слепые молоточки
В развалинах Гарни.

Внизу - вода впадает молодая
В седой поток.
Но реставраторы стучат, не уставая,
Что им- века и солнцепек!

Вновь камни копятся над шумами провала,
Там, где орда прошла
И травы вместе с храмами сдирала,
Как скатерть со стола.

Но память воссоздаст и отформует слепок,
Отлитый раз и навсегда.
Он - гибко-угловат или округло-крепок,
Текучий, как вода.

И снова тянутся стеклянные колонны
Воспоминаний - в небосвод.
Как мотылек, на свет летящий неуклонно,
Горит круговорот.

Так хочется заснуть - застыть, остановиться
Хотя б на пять минут,
Но в почву ягоды роняет шелковица,
И розы дикие цветут.

Лепило время нас и плотью облекало,
Но, глянь, - знакомых нет!
И не снесла коса - незримое лекало
Пересекло предмет.

И крупорушками слова перетирая,
Готовит сладковатый корм
Неотвратимая, как спелость восковая,
Стихия твердых форм.

БЕЖЕНЦЫ

Средь беженцев не видно Иисуса.
Велеречив премудрый Соломон,
Лицо Давида смуглое безусо,
Свою звезду на шее носит он.

Мерещится, когда ватагой всею
Из-за стола прощального встают,
Суровое подобье Моисея,
Самсон, Иаков, несколько Иуд.

Средь эти лиц - Юдифи лик орлиный,
Эсфири нежный, сумеречный свет,
Заломленные руки Магдалины,
Рахиль и Лия. Лишь Марии нет.

Семен ГРИНБЕРГ (Иерусалим)

БАСЁ

Покинув эскалатор, я вступил
Под своды беломраморного зала.
Еще ладонь невнятно сохраняла
Прикосновение резиновых перил,

А я уже не помнил, я забыл,
Что было или не было сначала,
Меня совсем иное обуяло,
Лишь только твердь ногами ощутил.

Я шел за женщиной, похожей на луну.
Среди ветвей она то пропадала,
То чуть подальше белое мелькнет,

То появилась, словно в полнакала,
То вдруг исчезла, как пошла ко дну.
Как новолуние. Я долго ждал и вот...

Из книги «Разговоры и сонеты».
«Тарбут». Иерусалим. 1992.

Леонид МОЗЕНС

МИНЕРВА

С. Х-ову

Еще в тот весенний вечер лета господня 1750, съезжая в свите полковника Вишневского с закарпатского нагорья на Венгерскую равнину, и увидев далеко на горизонте Токайскую гору, - сразу же почувствовал Григорий Саввич Сковорода, что в Токае он долго не задержится.

Всматриваясь издали в треугольник слияния Ляторицы и Бодриги, где в сиянии предвечерней дымки виднелся город, вспомнил Григорий Саввич то далекое время, когда впервые и на долгие годы охватило его чувство преходящести. Это было в такой же весенний вечер, когда он, вдохновленный жаждой знаний юноша, с бьющимся сердцем ступил на зеленый двор Киевской Академии, ожидая от нее, что вот-вот отомкнут ему все двери сокровищницы добродетели и знаний. Однако ни одна из тех надежд не оправдалась. И прав был тайный голос, шептавший ему в ту минуту: «Не здесь, не здесь...».

Тот же голос коснулся вновь души двумя годами позже, когда покинув Академию, отправился он в «Северную Пальмиру» - Петербург и из-под войлока кибитки увидел словно бы остережение - острый шпиль адмиралтейства. Тот голос поразил его. Он с такой радостью оставлял обрыдлые стены Академии и отправился в вольные просторы. Но нет, предчувствия все-таки оправдались, и вскоре убедился придворный певец, что не в петербургской мгле, не под зеленовато-синим небом севера, не в ласке чужой царицы и чужого гетмана находится та жизненная ось, которой так жаждет его душа.

И вот он вернулся назад в Академию, но во второй раз услышал тот же остерегающий голос, чтобы вновь покинуть свою «Альма матер» и направиться, наконец, на чужбину. Принимая предложение полковника Вишневского ехать переводчиком с царской миссией за кордон, - ждал с тревогой Сковорода, что вот-вот отзовется в нем тот же голос и напомнит свое остерегающее: «Не здесь, не здесь!...» Но ничего не случилось и он с радостью пустился в дальнюю дорогу.

Сразу же, с первых шагов по тем землям Священного Римского Цесарства, через которые пролегал путь, ожидал Сковорода, что увидит новый, другой мир, радостней, чем у себя дома на Украине, или «на Московщине», где «богатому кланяются, а бедного презирают, неуча награждают, а достойный побирается, разврат нежится на мягких перинах, а невинность томится за решеткой».

Но никакой особой разницы между чужбиной и отечеством не разглядел сразу Григорий Саввич. На первый взгляд ему даже показалось, что чужбина и беднее и грустнее, чем его Украина. А случилось

так потому, что дорога миссии лежала через Червленую Русь, захватила глухой угол Польши, а после пошла среди буйной природы забытой Богом и людьми Венгерской Руси.

Однако свое разочарование он еще скрывал. Европа большая, и среди многих королевств и народов найдет же он возможность узнать мудрость, справедливость, все достоинства жизни, которые делают людей довольными, счастливыми и разгоняют тьму, угнетение и неволю... Не отозвался и голос остережения, как бы поддерживая надежду, что все желаемое найдет он за этими кордонами, которые так давно стремился переступить. Потому и радостно выехал Сковорода в Токай, но когда тот голос отозвался снова - то показался ему город чужим и равнодушным.

Но день спешил за днем от приезда в Токай, и Григорий Саввич потихоньку втягивался в свои обязанности. И не так обязанности дьяка при старой Токайской церкви, которую цесарская власть передала для пользования миссии, как работа переводчиком отбирали у него много времени и внимания, не оставляя места для других мыслей.

Миссия Вишневского была послана за кордон для закупки вина к царскому двору и православным церквам, да взять в аренду российского правительства несколько славных токайских винокурен. Это требовало от Вишневского множества забот, разговоров, осмотров, торгов, уговоров и визитов, при которых толмачом всегда был Сковорода, ибо со своим знанием лишь французского и москальского языков, чувствовал себя Вишневский совсем беспомощным в том многоязычном Вавилоне, каким показался малый Токай даже полиглоту Сковороде.

Стало уже чем-то обычным, что в один и тот же час должен Григорий Саввич переводить и шумный поток слов токайского еврея, в устах которого знакомый немецкий язык казался причудливой путаницей, и кудрявые латинские периоды образованного венгерского шляхтича, и венский диалект присланного в миссию из Вены чиновника. Приходилось временами собирать и растерянные знания древнееврейского, но чаще всего переводить с той, казалось ему, мешанины славянских и венгерских языков, в которой узнавал он начала всех славянских языков, более всего своего языка малороссийского.

С Вишневским пришлось объехать Сковороде все земли в округе, осматривая славные Токайские виноградники, арендованные винокурни да присматриваясь к людям, обычаям и природе окрестностей Токая. Оказавшись за городом, грязным и по-еврейски суетливым, враз переносился Григорий Саввич в свои родные Чернухи что на Лохвичине.

Та же жаркая синева летнего неба вздымалась над Токайскими виноградниками, как и над нивами Полтавщины, белые русинские хаты казались перенесенными сюда из его родных Чернух, виднелись такие же золотые подсолнухи, мелькали на горизонте длинные журавли криниц, да мерно колыхались в ярмах встречных возов крутогорогие венгерские волы. И простой люд окраин был всем, всеми проявлениями своей жизни тот же, что на Украине. Только он под венгерскими

магнатами испытал уже и обман и унижение, презрение и барское ярмо, все то, чувствовал Сковорода, ждет скоро и его родину в недалекой уже панщине.

Проходило лето, жаркое и лучистое, уменьшалось Сковороде работы. Окончились и работы на винокурнях, да и церковные службы раз в неделю не требовали много забот. И теперь Токай начал казаться ему совсем чужим и снова потянуло его в широкий мир.

От недоученного клирика, который был токайским городским писарем, узнал недавно Сковорода о славном задунайском городе Тирнавия, или Трнава. Есть-де в этом городе премного красивых костелов, а по ним чудотворные образы, и живет в нем много ученых богословов и философов. Но еще более известен он своим Университетом, который сто лет назад основал славный Петро Лазианъ и отдал в ведение иезуитам.

Но ни костелы и чудеса, ни достоинства иезуитского ордена и слава «славянского Рима», как иногда, вдохновленный старым токайским, называл Трнаву писарь, - не интересовали Сковороду. В другой форме и другой обрядности знал это все Григорий Саввич дома. Весьма интересовал его лишь университет. В церковном архиве нашел он и старую, рваную и вновь латанную карту Венгрии, украшенную красной витиеватой надписью: «Специалос Маппа Географика». На ней в уголке притаился и четырехугольничек с надписью «Тирнавия». Григорий Саввич повесил карту на стену и все чаще начал присматриваться к ней, прикидывая расстояние от Токая до Трнавы... Однако все не мог отважиться.

Но в один из вечеров, когда по-южному быстро спустились на притихшую околицу сумерки, взял Сковорода, наигрывая на своей неразлучной флейте, один давно уже забытый аккорд. Что-то в тех звуках было такое, что враз пробудило в нем все надежды, которые он возлагал когда-то на это путешествие... И вдруг понял Григорий Саввич, что в Токае нечего уже ему делать, нечему учиться, не на что надеяться... И в этот же вечер просил он Вишневского, чтобы отпустил его из Токая, даже совсем освободил от службы.

Всеми соблазнами уговоров и обещаний старался полковник удержать Сковороду. Не помогло. И хотя официально был Григорий Саввич лишь дьяком при миссии, но все считали его положение чем-то временным и не соответствующим столь ученому человеку. Вишневскому даже в голову не пришло, что он может задержать своего дьяка силой.

А на следующий день наскоро попрощался Сковорода со всеми знакомыми, поспешая, словно боясь, что опоздает с уходом и упустит что-то важное. Лишь дольше переговорил с писарем, расспрашивая его напоследок о Трнаве, университете, профессорах, студентах и старательно записывая все необходимое. Писарь тоже пробовал задержать его. Он выдвинул такой, на его взгляд, важный аргумент - мол,

Сковорода не видел еще славного праздника виносбора, который проходит под осень в близкой к Токаю Маде. Праздник, на который кроме «бессчета» простого люда с окраины, приезжают графы, князья и высокие особы даже из столичного Прешпорка... Все было напрасно...

Сложив в котомку немного белья, несколько книг, заработанные деньги и засунув за пояс неразлучную флейту, двинулся Григорий Саввич из Токая по своей давней привычке «пер педес апостолорум», что значит пешкодрала. Через Будапешт, Остригом, Паркань, Комарно направлялся он в Трнаву.

Дорога была радостной, как и вообще была для Сковороды радостной каждая дорога со сменой горизонтов и новизной мыслей. А здесь еще была и природа, так похожая на родную, была живая связь с простым людом, но более всего то неизвестное, что манило его вперед. И все это делало путешествие самым интересным из тех, что были до сих пор.

Не уменьшила той радости и Трнава. Город расступался как роскошный сад на фоне недалекого предгорья, а внутри был даже чище, чем он надеялся, потому что несмотря на большое количество костелов, это был город преимущественно еврейский. И по нему видел Сковорода, что не ошибался, думая о целой стране: «Село славянское, город жидовский, власть немецкая, а пан венгерский».

Прием его в университетских кругах был неожиданно хорошим и даже сердечным. Уж на это он совершенно не рассчитывал. Правда, отцы каноники и прелаты университетской коллегии сначала с удивлением и недоверием присматривались к неблестящему внешне чужаку, но достаточно было первых минут разговора, как недоверие уступало место удивлению, а удивление - уважению к человеку с такой блестящей эрудицией и завораживающим обращением. Да к тому же чужестранец из далеких земель хотел лишь одного: поучиться в славном университете, дополнить свои знания, которые он называл еще «скудными».

В ознакомительных посещениях, диспутах скоро летело время и, оголодавши в Токае за «пищею духовною», привольно чувствовал себя Сковорода среди ученого окружения. Уже начали ему закидывать, что только стать бы ему магистром, а там и надольше он может связать свою жизнь с университетом, Трнавой и цесарской землею. Умным отцам иезуитам хотелось бы иметь при университете этого ученого сзихматика для привлечения в свою школу и некатоликов.

Равнодушный к внешней обрядности, не интересовался Сковорода высокой политикой воюющей церкви, не протестовал против этих завлекающих намеков, и, наконец, с радостью принял свое зачисление в студенческий конвикт. Необходимо было лишь согласие ректора, но ректор, выехав в Прешпорк, долго не возвращался в Трнаву и давал знать, что задержится еще какое-то время. Чтобы самому уладить свое дело и заодно увидеть столичный город, двинулся Сковорода в Прешпорк.

Осень была уже в разгаре и целиком захватила Сковороду. Такой

яркой феерии осенних красок не видел он у себя дома. Никогда, казалось, и воздух не достигал там той прозрачности, которую наблюдал он в тот день над гребнем близких гор, когда издалека увидел лесистые отроги, под которыми лежала столица Венгрии - Прешпорк.

И вот наконец с холма Трнавского шляха блеснул перед Сковородой серебряной сетью своих рукавов многоводный Дунай, величественное строение королевского замка вытянулось над градом во всем своем могуществе, потом потянулись навстречу низкие дома предместья, такого похожего на Киевский Подол, дальше горабая брусчатка предвечерними сумерками укрытой венгерской улицы и, наконец, хмурая Михайловская брама...

А еще через полчаса рекомендательное письмо и текучая латынь обеспечили Григорию Саввичу самый искренний прием в доме отца каноника, который он нашел среди той путаницы уличек и переходов вокруг кафедрального костела.

От гостеприимного хозяина узнал также Сковорода, что ректора он может увидеть завтра на службе в костеле. И как только он услышал это и посмотрел в окно на залитую лунным сиянием громаду самого собора, заслонившего собой пол-неба, как только осознал, что завтра решится его судьба, - волна радостного воодушевления охватила его и уже не покидала целый вечер.

Когда же хозяин отвел его, наконец, в амбарчик под соломой, пожелал доброй ночи и вышел с предупреждением об опасности пожара, то Григорий Саввич, несмотря на усталость, не лег сразу. Он погасил сальную свечу, отворил окно в мелкой раме и высунулся во двор.

Под потоками лунного света черепичные крыши домов казались покрытыми серебряной чешуей, гигантская тень соборной башни протянулась почти до замка, где-то вдали, за стенами города, стучал колотушкой часовой, но от сухого клацанья дерева об дерево торжественная тишина осенней ночи казалась еще более глубокой... И Сковорода невольно был захвачен этим умиротворенным настроением.

Вот наконец привел он корабль своей души к пристани. Согласие ректора - всего лишь формальность, уже через пару дней он будет в спокойно-мудром коловороте университетской жизни. Так будет хорошо. Куда бы он не кидался досель, а все поворачивал к науке, к собиранию знаний, все влекла его к себе лишь одна мудрость - Минерва. Потому и из Академии ушел, что ничем уже не мог утолить свою жажду. И в Петербург манило его ничто другое, как эта властная Минерва. Она же указала ему и путь за рубеж, аж до далекой Трнавы (слыхал ли кто в Чернухах о ней?)... Здесь и остаться?... Далеко от родной земли? Люди везде одинаковы!.. Везде!..

Так легко дышать чистым воздухом осенней ночи, так радостно и мирно на сердце, что, кажется, ступил бы на серебристую дорогу, которую лунное сияние расстелило на дунайских волнах, и пошел бы странствовать в королевство мудрой Минервы...

Он отвернулся от окна, чтобы идти в постель, и враз окаменел. Так ясно, как никогда до этого, зазвучал в его сознании знакомый издавна голос. Ясно, как никогда раньше, услышал Сковорода остерегающее: «Не здесь, не здесь!..» Неодолимое чувство преходящести накрыло его как тихий сумрак и вытеснило все мысли, все чувства, все настроения, чтобы яснее был слышен властный голос тайного остережения...

Сковорода прикрыл глаза рукой, словно заслоняя их от какого-то ослепляющего сияния, постоял еще секунду, потом медленно разделся и склонился возле постели, как ребенок, который потихоньку проговаривает молитвы. Чувство преходящести прошло, но совсем уже другие мысли завладели будто освещенным мозгом. Вот лишь сегодня, здесь, в цесарской земле, начинает понимать он наконец, чей то был голос, зачем предупреждал и куда звал...

То не тоска по Минерве-мудрости гнала его с места на место. То сама его душа - Минерва, доверху полная собранными сокровищами, тянула его разнести их по той земле, из которой она вышла. Отплатить за радость вечеров, гармонию песен, сладость познания, искание правды...

О, он знает теперь, что эта оплата должна состояться не здесь, в цесарском городе, за стенами коллегии... Не диалектикой Академий и умноженьем мудрости школьных скамей. Нет, вернуться домой, к «родной тетке» (так иногда, шутя, называл он Украину), пройти вновь теми родными нивами, каким так недостоет радости и ласки, знания и веселья, удовлетворения и счастья... Все, что собрала душа его в странствиях, отдать той земле, схватить ее когтями мудрой Минервиной птицы и в каждую ранку вкапнуть свою капельку мудрости и любви...

О, веди же меня, душа моя, верная Минерва!... Гений мой необоримый!...

Городские ворота Пресшпорка еще были закрыты и Григорию Саввичу пришлось ждать... В то утро он был первым, кто переезжал дунайским перевозом на другой берег...

Всходило ясно-холодное октябрьское солнце, а Сковорода, направляясь через городские луга к венской дороге, казалось, шел ему навстречу...

Пер. с украинского Игорь ПИСТРЫЙ

ДАТЫ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИИ

44,
15 ноября

По повелению армянского царя Санатрука в селе Шаваршан казнены апостол Фаддей и обращенная им в христианство царская дочь Сандухт

302

Основан Католикосат всех армян - высший орган Армянской апостольской церкви.

1307

Армянская Церковь в Кантоне /Китай/.

1461

Основана армянская патриархия в Константинополе.

1829

Александр Карамян стал первым армянином, избранным в палату общин английского парламента.

1842

Степанос Назарян основал в Казанском университете первую в России кафедру арменоведения.

1846

Первая армянская евангелическая церковь /Константинополь/.

1860

Создание Национальной конституции, которая должна была упорядочить жизнь западных армян, улучшить школьное образование, упрочить положение церкви и т.д.

1885

В Ване создана первая армянская национальная политическая партия «Арменакан казмакернутюн» /в 1921 г. вместе с партией «Азатакан» объединилась в партию «Рамкавар азатакан»/.

1889

Образование епархии /диоцеза/ армянской церкви в США.

1897

В Лондоне создано общество «Друзья Армении».

1906

Египетский министр, политик, дипломат Нубар-паша основал Армянский благотворительный союз /с 1956 г. его возглавляет Алек Манукян/.

1920,
21 сентября

Начало турецко-армянской войны.

1947,
30 апреля-4 мая

Всемирный армянский конгресс в Нью-Йорке собрал 715 делегатов из 22 стран.

1955

Профессора Гарвардского университета /США/ создали Национальную ассоциацию арменоведческих исследований, объединяющую Центр армянской информации и документации, Институт арменоведческих исследований, Научную библиотеку по арменоведению, издательство «Армянское наследие», Центр по изучению геноцида армян. Президент ассоциации - Манук С.Янг.

1972

Основана Армянская ассамблея Америки /А.А.А./, цель которой - установление связи между армянской общиной США и американским правительством.

1977

В Мюнхене создан Институт армянских проблем. Директор - Э.Оганесян.

конец
1980-х гг. **Полностью разрушен Нарекский монастырь (X в.) на берегу оз. Ван в Турции, где жил св. Григор Нарекаци, автор «Книги скорби».**

1982

В Кембридже /США/ основан Институт Зорян - центр современных арменоведческих исследований и документации.

1983

II Всемирный армянский конгресс /Лозанна, Швейцария/.

1985

Историки Тесса Хофманн и Жирайр Кочарян создали в Западном Берлине Центр информации и документации по Армении.

**1988,
22 ноября**

Верховный Совет Армянской ССР принял Закон об осуждении геноцида армян 1915 года в Османской Турции.

**1989,
май**

Съезд Всемирного Совета Церквей /Сан-Антонио, США/ единогласно (350 делегатов) принял резолюцию, содержащую призыв ко всем церквам-членам Совета «обратиться к правительствам своих стран с призывом оказать давление на Турцию с целью признанию ею факта геноцида армян».

**1989,
13-18 марта**

Американский астронавт Джеймс Бадьян совершил свой первый космический полет на «Дискавери» в составе экипажа из 5 астронавтов.

**1989,
апрель**

Международный симпозиум «Геноцид армян: история, политика, этика» /организован Калифорнийским университетом/.

**1991,
5-14 июня**

Второй космический полет Джеймса Бадьяна (США) - на «Колумбии», в составе экипажа из 6 астронавтов.

**1993,
17 апреля**

В Ереванском зоопарке умер единственный слон - 30-летний Вова.

1993,
19 мая

Президент Армении Л.Тер-Петросян и председатель парламента Грузии Э.Шеварднадзе подписали в Ереване межгосударственный договор о дружбе, сотрудничестве и взаимообороне.

1993,
12 июня

В Нагорном Карабахе погиб американский гражданин Монте (Аво) Мелконян, 35 лет - подполковник, командующий силами самообороны Мартунинского района.
Всех, кто знал Монте Мелконяна, просим прислать воспоминания о нем в редакцию вестника «Ной».

1993,
14 июня

Президиум Верховного Совета НКР одобрил /6 голосов - «за», 5 - «против»/ миротворческую инициативу СБСЕ. Выступивший против такого заявления и.о. председателя ВС НКР Георгий Петросян заявил о своей отставке. Обязанности спикера парламента возложены на Карена Бабуряна.

1993,
19 июня

В Кишиневе освящена армянская церковь св. Богородицы. На торжественном богослужении присутствовал президент Республики Молдова Мирча Снегур.

1993,
20 июня

Учредительное собрание Армянской Ассамблеи Москвы (ААМ). Президентом ААМ избран президент концерна «Гоар» Серж Джилавян.

1993,
22 июля

В Москве состоялась учредительная конференция Международной Армянской Ассамблеи (МАА). Ее президентом избран Серж Джилавян.

ДАТЫ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

525

В бою с эфиопами погиб царь Зу Нувас; с его смертью пришел конец иудейскому царству в Химьяре /Южная Аравия/ на территории нынешнего Йемена.

909

Построена синагога в Каффе /Крым/.

1113

Еврейский погром в Киеве после смерти великого князя Святополка II. «Кияне же разграбиша двор Путятин тысячьского, идоша на Жиды и разграбиша».

1150

Первые сведения о евреях в Польше.

1241

Во Франкфурте на Майне толпа ворвалась в еврейский квартал и убила 180 человек. Поводом к погрому послужил слух, что евреи находятся в родстве с монголами и призвали их в Европу, дабы погубить христианские народы.

1262

В Лондоне, во время гражданской войны, погибли от погрома почти 700 евреев.

1306

Король Филипп Красивый изгнал евреев из Франции, присвоил их имущество, а парижскую синагогу подарил своему кучеру.

1896

Врач Владимир Аронович /Мордехай-Зеэв/ Хавкин /1860-1930/ получил противочумную сыворотку. «Чума не очень страшна. Мы имеем уже прививки, оказавшиеся действенными, которыми мы, кстати сказать, обязаны русскому доктору Хавкину. В России это самый неизвестный человек, в Англии же его давно прозвали великим филантропом. Биография этого еврея... в самом деле замечательна» (А.П.Чехов).

1940

Консул Японской империи в Ковно (Литва) Сенпо Сугихара спас от 6 тысяч еврейских беженцев из окупированной Польши, - с японскими паспортами им удалось переправиться в Кобэ, оттуда в Шанхай, где они и дождались конца войны.

1982

В Тель-Авиве прошла международная конференция по Голокаусту и геноциду. По итогам конференции в США опубликован сб. материалов «Геноцид армян в перспективе» с предисловием Ричарда Ованисяна и Исраела Чарни.

1992

В Москве открыт Еврейский университет /ректор Михаэль Гринберг, проректор Аркадий Ковельман/.

1993, апрель

В Тбилиси вышел первый номер «Меноры» - еврейской газеты на грузинском языке. Редактор - Гурам Бетиашвили.

1993

В Москве издан научный перевод текстов «Пятикнижия Моисеева /Торы/». Автор перевода и комментариев - доктор исторических наук И.Ш.Шифман /1930-1990/.

1993, 26 апреля

В Вашингтоне открыт Мемориальный музей геноцида евреев США. Архитектор - Джеймс Инго Фрид, скульпторы и живописцы - Ричард Серра, Джоуэл Шапиро, Сол ЛеВитт, Эллсворт Келли.

1993, май

В Саарбрюкене /Германия/ открыт «Монумент против расизма» /автор - Иохен Герц/.

1993, 22 июня

В киббуце Кфар-Блюм состоялось заседание Правления Всемирной сионистской организации, на котором в состав ВСО были приняты евреи СНГ.

1993, 8 июля

В Иудейских горах палестинскими террористами застрелен художник Мордехай Липкин (р.1953). До 1991 года жил в Москве.

ПРАЗДНИК ПЕРЕВОДЧИКА

Редьярд КИПЛИНГ

БОГИ АЗБУЧНЫХ ИСТИН

Проходя свои воплощенья сквозь ряд племен и времен,
Я отдаю с совершенным почтеньем Богам Базара поклон.
Величие их беспредельно, пока не дошло до беды.
Но лишь Боги Азбучных Истин во всех испытаньях тверды.

Когда мы их повстречали, обитал на деревьях наш род,
Они нас учили, что воды - мочили, а огонь - обязательно жжет.
Но не найдя у них взглядов широких, запросов и перспектив,
Мы оставили их учить горилл и включились в людской коллектив.

Мы помчались дорогой прогресса. Они - не ускорили шаг.
От Богов Базара в отличьи постоянна была их душа.
Но странно, - как мы ни спешили, нас всегда догоняли они:
То племя издохнет на льдине, то в Риме погаснут огни.

К желаньям, нас распалявшим, весьма старомодно глухи,
Они отрицали съедобность Луны, не верили в прочность трухи.
Крылатость свиньи, гуманность змеи казались им делом пустым.
Так что мы обратились к Богам Базара, суливших нам все, что хотим.

Нам в верхнем палеолите был вечный мир возвещен:
Лишь стоит зарыть томагавки, прекратится вражда племен.
Мы поверили раз - они предали нас, безоружных, нашим врагам.
И Боги Азбучных Истин сказали: «Наука вам».

Нам в эпоху Эмансипаций обещали жизнь и весну,
И мы полюбили ближнего, а потом - и его жену.
Наши женщины стали бесплодны. Нашу честь подняли на смех.
А Боги Азбучных Истин сказали: «Плата за грех».

Нам в каменноугольной эре бысть обещана счастья пора -
Ограбленьем избранного Павла для всеобщего счастья Петра.
Но хоть денег у нас стала куча, ничего не купишь - беда!
И Боги Азбучных Истин сказали: «Смерть без труда».

И рухнули Боги Базара с красноречием их мудрецов,

И все мы враз присмирели, признали в конце концов,
Что дважды два не двенадцать, не всегда можно верить глазам,
И Боги Азбучных Истин стали вновь нас учить азам.

Так будет в грядущем. Так было в день творенья света из тьмы -
Лишь четыре вещи бесспорны и во веки веков верны:
Вернется пес на блевотину, а свинья - в свиное дерьмо,
И дурак, обжигая палец, его сунет в огонь все равно.

И когда это все свершится, и земной рай наступит для всех, -
Рай, где каждому платят за счастье, но никто не платит за грех,
Так же верно, как жжет нас пламя, так же верно, как мочит вода,
Боги Азбучных Истин, сея гибель, вернутся тогда.
1919

ЗАГВОЗДКА МАСТЕРСТВА

Когда в зелень и в золото райских садов низвергался закат-водопад,
Адам, наш отец, под древом сидел и палкой чертил невпопад.
И могучему сердцу первый эскиз был отрадой скорей, чем трудом,
Пока Дьявол не свистнул в листве: «Ничего. Но искусство ли,
собственно, в том?»

И кликнул Адам свою Еву и - что ж? Переделывать сел он пейзаж, -
Он был первым из тех, кто ставил хоть в грош критических отзывов
блажь.
И оставил он детям наследье свое. А итог оказался хорош,
Ибо Дьявол промолвил: "Искусство ль сие, когда Каин отер свой нож?"

Люди строили Башню, чтоб звезды достать, как из мошны горсть
монет...
«Внушительный замысел, - Дьявол сказал, - но искусство ли это?
О, нет».
И рухнули стены, и тучи людей копошились в жарком песке,
И каждый о цели искусства вопил, притом на своем языке.

А народы, под гром оглушительных фраз, в такую бойню пошли,
Что воды на землю хлынули враз и бысть покой на земли -
До дня, пока голубь взлетел до зари, из-под Ковчега скользя.
«Гуманно. - Дьявол пустил пузыри. - Но искусство ли это, друзья?»

Как древо познанья рассказ этот стар и юн, как юная страсть,
Ибо знает любой, что дана нам судьбой над Искусством и Истиной власть
И слышит любой сквозь смертный прибой, когда воздвигается мгла,
В слабеющем сердце последнюю боль: «А искусство ль твои дела?»

О, мы изострили свой ум - даже гвоздь из Древа нам сделать - не штука;
Мы мать и отца в скорлупку яйца загоним хитрой наукой;
Мы знаем даже, как хвост вертит псом, как кучером правит карета,
А Дьявол, как прежде, вздыхает: «Умно. Но искусство ли это?»

Когда чахлое солнце на Лондонский сквер бросает лучи уныло,
Сыны Адама в клубах сидят, макая перья в чернила.
А нам гладь листка - гробовая доска, и сил нет пером скрипеть,
Но Дьявол вновь бормочет, как встарь: «Мило. Но не искусство ведь».

И если вновь попадем мы в Эдем, где четыре великих реки,
Где, брошены Евой, в зеленой траве до сих пор пламенеют венки,
И мимо стражи уснувшей шмыгнем в сияющий рай, -и там
Об искусстве мы будем не больше знать, чем наш праотец Адам.

1890
Пер. с английского Павел БУНИН

ИТОГ

/послание/

Когда на последнюю фреску
Последняя краска уйдет,
Последний оттенок померкнет
И критик последний умрет -

На век, а, быть может, на вечность
Мы удалимся во тьму.
Но Старейшина цеха прикажет,
И нас приведут к Нему,

И Он отберет достойных
И благословит их Трудом.
Галактика станет палитрой,
Вселенная станет холстом.

И мы будем писать с натуры
Магдалину и Павла с Петром,
И никто торопить нас не станет,
Не помянет ни злом, ни добром.

Нас не будут учить слепые.
Нас не станет судить глупец.
Не для денег поднимутся кисти.
Не для славы ударит резец.

Но лишь для себя и для Бога,
Презрев и хулу, и лесть,
Мы будем писать то, что видим -
Мир такой, какой есть!

Пер. с английского Анатолий ФРИДМАН

Поль Клодель
БАЛЛАДА /1915/

Случалось и прежде нам уходить - уходим в последний раз.
Прощайте те, кого я любил - пора отправляться в путь.
Случалось и прежде играть эту сцену - сыграем в последний раз.
Вы думали, я не смогу уйти? Как видите, не в этом суть.
Мама, прощай! Ничто не может помочь.
Надежды нет никакой - зачем же плакать тогда?
Я - призрак, тень. Вы - тоже. Являемся на мгновенье и снова уходим в ночь.
БОЛЬШЕ МЫ НЕ ВЕРНЕМСЯ СЮДА.
Мы покидаем всех женщин - невест, супруг, настоящих и ложных.
Легко на душе и свободно - себе лишь принадлежим.
И все же в последний, торжественно-траурный миг, пока еще это возможно,
Дай, дай мне увидеть лицо твое, прежде чем стану чужим.
Прежде, чем смертью стану, дай еще раз увидеть лицо, прежде чем оно повернется к другому.
Хоть о ребенке заботься, о нашем ребенке! Исчезну я без следа,
А он, моя плоть и душа, со словом «Отец» обратится к другому.
БОЛЬШЕ МЫ НЕ ВЕРНЕМСЯ СЮДА.

Друзья, прощайте! Взамен доверия снискал я у вас лишь любопыт
ство и страх.
Есть, казалось бы, твердая почва, с которой никогда не сойти - но
о ней помолчим:
В познании радость, но суть его в том, что мир - это прах.
Человек ни на что не годен, мертвец, мнящий себя живым.
Бесполезное, убийственное знание - ты остаешься со мною,
«Наука, искусство, свобода» - да что у нас общего? Мы были чужими
всегда.
Почему не дать мне уйти, оставить меня в покое?
Мы не увидимся больше, мы уже на борту,
Уже убирают сходни, уже между нами вода.
И нет ничего - только дымок на горизонте, только Божие солнце и
море. Вы смотрите в пустоту.
БОЛЬШЕ МЫ НЕ ВЕРНЕМСЯ СЮДА.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Вспомним день, когда Бог впервые с печалью на мир поглядел,
Ибо тот, кто был создан по образу Божьему, осквернил его
мерзостью дел.
Вся земля покрылась водою, дождь хлестал, и ветер гудел.
Но над волнами плыл ковчег.

Первого ноября вспомним потоп - снаружи туман, который можно
резать ножом, дождь, что все еще не утих.
А во храме с утра игра разноцветных огней, преломленье лучей в
витражах, и слова благостыни звучат по-латыни
В День Всех Святых.
Всех до единого - мы не вышли б из тьмы,
не будь хоть одного из них.
Не познали бы света вовек.

И хор наверху перечислит всех, а вечером под похоронный звон,
Проникая сквозь стены постепенно, приходят со всех сторон
Мертвецы - одни позабыты, другие - навек незабвенны, и всем им
нужно помочь, и Смерть вступает на трон.
Начинается ночь.

Начинается ночь, вспоминается смерть, и колокол бьет сквозь дождь
ледяной.
Дрожащей рукой зажигаю лампаду, стенанья слышны за стеной.

Боль глуха, и тяжесть греха, и стесненье в груди, страшный суд впереди -
Он уже надо мной!
И ужаса не превозмочь.

Я молюсь о погибших, но скоро умру и сам, внешний мир исчезает, ни улиц, ни гавани нет.
Темный и злой, как морская вода, туман застилает весь свет.
Есть только я, и лампада моя, и несчетное море душ, накопившихся за тысячи лет.
Я взываю: «Помилуй нас!»

Я сам еще жив, но злосчастное море бурлит подо мной.
Я молитву читаю над морем без края, вздымающимся между Богом и Сатаной.
И слышу вздохи усопших, рожденные непоправимой виной:
Они упустили свой час!

Упустили свой час, им теперь предстоит нагими явиться к Творцу.
Без защиты, без платья, без тела оказаться лицом к лицу
С ночным безжалостным Солнцем, прийти к своему концу
В сияньи холодных лучей.

Тех самых лучей, что светят в аду, и сами мрачны, словно ад,
Они очищают вернее, чем пламя, и глубже, чем ласка, впиваются в душу, не зная преград.
И когда их увидишь, поймешь: трудно броситься в бездну, но выдержать Господа взгляд
Намного, намного трудней.

Лампада меркнет, и сзади меня ночь, ничем не согрета,
Не обычная ночь - тень яркого дня, а полное отрицание света.
И я, подсудимый, чья очередь близится, жду приговора-ответа.
Ответ на вопрос: кто я?

Опьяненный ужасным восторгом, жду - подходит судьба моя.
Милосердия более нет, предо мной - Судия!
Остается надежда - быть может, виновен не я?
Впрочем, возможно и другое.

Возможно и другое - вечные муки. Представить только! Понять!
Отчаянье бьет надо мною крылом, но я продолжаю читать.

Читаю псалом, стих за стихом, не устаю заклинать.
Охвачен смертельной тоскою.

«Господи, Ты можешь меня уничтожить одним движеньем перста.
Ты допросишь меня и докажешь легко, что совесть моя нечиста.
А когда я найду хоть какой-нибудь довод, Смерть затворит мне уста.
И все же мне есть, что сказать.

Почему Ты против меня, Творец, что так милосерд и всеблаг?
Пристойно ль Тебе шпионить за мной и взвешить каждый мой шаг?
Ловить на словах, ловить на делах, как будто бы я - Твой враг?
Ведь я еще только в пути!

Ты знаешь, что я бреду, словно тень, меня пожирает страх.
Я, как платье, изъеденное молью, вот-вот рассыплюсь во прах.
И может ли, Бог, повредить тебе тот, кто всюду в Твоих руках?
Кому от Тебя не уйти?

Да, Ты Бог, а я - человек, и слаб по природе своей.
Грехи мои и впрямь тяжелы, но несчастья - еще тяжелей.
Позволь мне передохнуть, отойди хоть на миг, пожалей!
Дай мне сглотнуть слюну!

Вечность пройдет, и земля остынет, и солнце сгорит до тла.
Но не исчезнут слезы невинных, которых объемлет мгла.
Слышишь стоны живых и молчание мертвых, никому
не сделавших зла?
Не постигших свою вину?

Ладно, Боже, я ведь знаю, что и Сам Ты не виноват,
Это мы делами своими сотворили безвыходный ад.
Твоя боль не уступит нашей - Ты, Отче, лишен своих чад
И скорбишь об их судьбе.

Прав Ты иль нет - все равно, я люблю Тебя, Бог.
Пусть Ты властен над вечностью, властен над адом, и всему подво
дишь итог -
Одного уничтожить и Ты никогда бы не смог:
Любви человека к Тебе.

Осуди меня - все равно не сумеешь эту любовь побороть,

Потому что Себя самого уничтожить не можешь, Господь.
И когда Ты меня проклинаешь, я помню, что я - Твоя плоть.
Все равно, Ты - ОТЕЦ мне».

Фитилек дрожит, я совсем один, пора отдавать долги.
Все замерло, только стрелки часов чертят свои круги.
Но вдали, за пространством и временем, страхом и тьмою - шаги!
Я знаю: Спаситель идет!

Он придет, я верю! Ему не впервые искупать чужую вину.
Он в последний мой час протянет мне руку, и я свою протяну.
Он заглянет своему созданию в душу и спустится к самому дну
И любовь к Себе только найдет.

Прислушиваюсь. Гудок, затем три, затем все... хриплый кашель
машин сквозь прибой.
Из невообразимых просторов Чистилища, весь горизонт
заслонившего собой,
Бурля и кипя, вздымается море, какого не видел и праведник Ной -
Человеческих душ океан.

Так помни о смерти, что царит надо всем, и все поглотить готова.
Помни о море - оно поднялось, оно бьется в пирс, напоминает снова
и снова:
Первый корабль отошел, спеши! Не видно уже и второго -
Лишь слышится хриплый рев сквозь туман.

Пер. с французского Анатолий ФРИДМАН

«ЗОЛОТОЙ МОСТ»

«...И опять мы, извечные странники, продолжаем свой путь по земле. Два народа... Изгои? Избранники? Горстка соли на скудном столе.»

Эти грустные строчки гроссмейстер Юрий Арустамов посвятил гроссмейстеру Вениамину Городецкому; армянин, уехавший в Израиль - еврею, оставшемуся в России.

Горстка соли... Конечно! Ибо без соли жизнь пресна. Но не только. Евреи и армяне оставили яркий след в политике, бизнесе, военном деле, науке, литературе, искусстве, спорте. И в спорте тоже!

В 376 году до н.э. армянский царь Вараздат стал победителем Олимпийских игр по кулачному бою. А несколькими веками ранее юный Давид победил в единоборстве великана Голифа. И в новое время оба народа явили немало примеров спортивного великолепия: Серго Амбарцумян и Исаак Бергер, Тигран Петросян и Михаил Таль, Марк Спиц и Владимир Енгибарян, Никита Симонян и Марк Ари... Символом спортивного гения евреев и армян стал Гарри Каспаров.

А почему бы спортсменам Израиля и Армении не встретиться лицом к лицу? Странно, что такая простая мысль не пришла никому в голову. Теперь-то уже пришла: армяно-еврейский вестник «НОЙ» выступил инициатором проведения соревнований «ЗОЛОТОЙ МОСТ»: футбольного и шахматного матчей между сборными двух стран. Эти соревнования могут стать традиционными. Первый раунд состоится в 1994 году в Израиле.

Вардван ВАРЖАПЕТЯН
«Советский спорт», 18 мая 1993 г.

«ЗОЛОТОЙ МОСТ» УЖЕ НЕ В ТУМАНЕ

Похоже, что идея навести ЗОЛОТОЙ МОСТ между спортсменами Израиля и Армении в виде футбольного и шахматного матчей сборных команд этих двух стран действительно осуществится.

После заметки об этом «Советский спорт» получил сообщение из Еревана. Ответственный секретарь шахматной федерации Армении и главный редактор журнала «Шахматная Армения» Гагик Оганесян отстучал по факсу, что дело перспективное и заманчивое, они его поддерживают.

Слово теперь за Эдуардом Маркаровым, тренером национальной футбольной сборной.

«Советский спорт», 22 июня 1993 г.

СБОРНАЯ АРМЕНИИ ГОТОВА ВСТРЕТИТЬСЯ С ФУТБОЛИСТАМИ ИЗРАИЛЯ

18 июля в телефонном разговоре с главным редактором армяно-еврейского вестника «НОЙ» В.Варжапетяном тренер национальной сборной Армении по футболу Эдуард Маркаров приветствовал идею проведения соревнований «ЗОЛ-

ОТОЙ МОСТ»: «Наша команда будет рада встретиться на поле с футболистами Израиля. Конечно, осуществление этой инициативы потребует немало времени и средств, но очень важно сделать первый шаг: пусть для начала встретятся даже не сборные, а команды двух городов, двух клубов - это замечательно! Инициаторы проведения такого матча могут рассчитывать на футболистов Армении».

«Советский спорт», 20 июля 1993 г.

ИДЕЯ, ОБРЕЧЕННАЯ НА УСПЕХ

Вся человеческая жизнь состоит из идей. Они бывают всякие: мелкие, крупные, некудышные, гениальные... Многим превосходным идеям не суждено пробиться, хотя иные не только пробивают себе дорогу, но и приносят немалый вред. Но есть идеи, которые непременно будут подхвачены и неминуемо осуществятся. Прмер такой идеи - соревнования «ЗОЛОТОЙ МОСТ», поединки между шахматистами и футболистами Израиля и Армении. Уверен, что число болельщиков этих соревнований будет поистине неисчерпаемым.

А пока поговорим о шахматах. Вернее, о выдающемся шахматном теоретике, литераторе, острослове Савелии Григорьевиче Тартаковере /1887-1954/. Он родился в Ростове-на-Дону. Выступления в бесчисленных соревнованиях сочетал с исключительно плодотворной деятельностью литератора. После первой мировой войны жил в Париже, но защищал спортивную честь Польши. Под именем «лейтенант Картье» участвовал в движении «Свободная Франция». Был необычно популярен среди шахматистов. Приводимые ниже афоризмы гроссмейстер обнародовал в начале 30-х годов, но эти мысли несиюминутны, возможно, они даже вечны, как вечна способность человека ошибаться.

В каждой ошибке есть зерно истины.

Вторая ошибка бывает иногда без первой.

Ошибки может и имеет право делать сильный игрок.

Ошибочные ходы иногда очень трудно найти.

В шахматах учатся только путем ошибок.

Для того и существуют ошибки, чтобы делать их.

Несимметрический взгляд на игру: виною проигрыша обычно бывают лишь сильные ходы, победа же достигается посредством ошибок.

Метафизический взгляд на игру: жертва обычно является лишь блестящим доказательством предшествующих ошибок.

Самые неумолимые правила в шахматах - это исключения.

Вариант убивает.

Вся шахматная игра может быть построена на одной ошибке.

Нередким вопросом в шахматах является: «Как мне быть нэнергичным?»

Второй по качеству ход часто единственно правильный.

Трагедия ошибок - трагедия страстей.

В шахматах есть только одна ошибка: переоценка противника. Остальные - или несчастный случай, или слабость.

Бывают неудачные победы и славные поражения.

Единственной ошибкой часто бывает восклицательный знак комментатора.

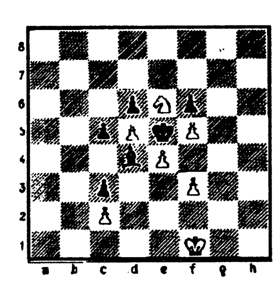
Я ошибаюсь, следовательно, я существую!

Самые тяжелые ошибки - это мнимые.

МАТ В 17 ХОДОВ!

Диаграмма N 1

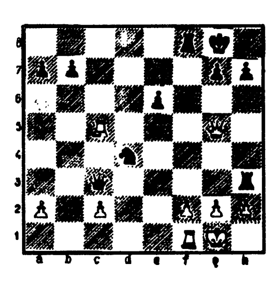
Вероятно, каждый граммотный человек встречал шахматные диаграммы с подписями «мат в 2 хода», «мат в 3 хода». Бывает, конечно, и больше ходов, но чтоб семнадцать?! А именно столько дано в задаче выдающегося шахматного композитора Генриха Моисеевича Каспаряна. Редакция не столь жестока, чтобы печатать ответ в следующем номере вестника, но все-таки попробуйте.

В ОДИН ХОД

Диаграмма N 2

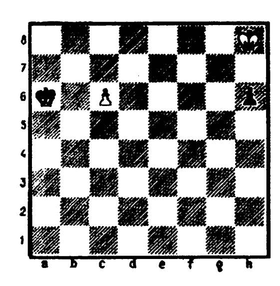
Черные начинают и выигрывают в... один ход. Пример почти хрестоматийный. Теперь попытайтесь найти этот изумительной по красоте и силе ход, создающий неотразимые матовые угрозы! Кстати, вы не помните, когда и в какой партии возникла ситуация, изображенная на диаграмме?

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ИДЕЯ

Диаграмма N 3

Ход черных. Найдите путь к спасению белых.

Вениамин ГОРОДЕЦКИЙ,
Гроссмейстер

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Надеемся, что читатель, взявшийся за шахматный гуж, оказался все-таки дюж. А для тех, кто добросовестно намучавшись, так и не нашел ответа, - скорая помощь.

МАТ В 17 ХОДОВ! Приводим главный вариант: 1. Кре2 с4 2. Kpf1! Се3 3. Kpg2 Cd4 4. Kph3 Се3 5. Kpg4 Ccl 6. Kph5 Се3 7. Kpg6 Ccl 8. Kpf7 Се3 9. Кре8 Ccl 10. Kpd7 Се3 11. Крс6 Ccl 12. Kpb5 Се3 13. Кр:с4 Cd2 14. Kpd3 Ch6 15. f4+! C:f4 16. Kf8 Cd2 17. Kg6X.

В ОДИН ХОД. Такая позиция была в партии выдающегося американского шахматиста Фрэнка Джеймса Маршалла /1877-1944/ и советского мастера Степана Михайловича Левитского /1876-1924/. Игравший черными американец нанес удар потрясающей силы и красоты: !...Фg3!!! После этого хода белые сдались. Партия сыграна в международном турнире /1912, Пиштани/.

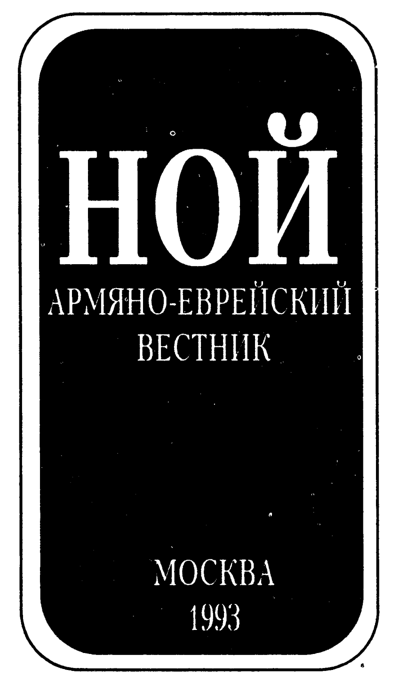
ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ИДЕЯ. Это этюд чешского гроссмейстера Рихарда Рети /1889-1929/. В шахматной литературе идея Рети именуется ошеломляющей. 1...h5 2. Kpg 7 h4 3. Kpf6 h3 4.Кре6 h2 5.с7 3...Kpb6 4. Кре5 h3 5. Kpd6 h2 6. с7. Ничья!

**Нас читают те, кто принимает решения в Тель-Авиве, Москве, Ереване.
Реклама в "НОЕ" выгодна прежде всего вам.**

**Наш телефон:
(095) 386-2563**

**Наш адрес: 113534
Москва, а/я 11 "НОЙ"**

**Наш расчетный счет 1810029 в Чертановском отделении Сбербанка 7979/01253 Москвы ОПЕРУ МБ МФО 201906 код ВА кор. счет 164725
Изд-во "НОЙ"**

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕ, КТО НАМ ПОМОГ:

АБРАМЯН Наталья
АВАКЯН Юрий
АРУСТАМЯН Эрнест
АЧИЛЬДИЕВ Игорь
АХВЕРДЯН Гаянэ
ВАСИЛЬЕВ Владимир
ГАНГНУС Александр
ГОРОДЕЦКИЙ Вениамин
ДАДЬЯН Гарри
ДОМБРОВСКИЙ Даниил
ЗАЙЦЕВА Алена
ИБШМАН Марк
ИСАГУЛИЕВ Георгий
КАЗУМЯН Сурен
КАРАБЧИЕВСКИЕ Светлана и Дмитрий
КОРАЛЛОВ Марлен
ЛИСЮТКИНА Лариса
МИРЗОЯН Гамлет
МОЛДАВСКИЙ Александр
НЕМИРА Лариса
ОДЕССКАЯ Маргарита
О"ШЕННОН Александр
ПЕТРОВ Владимир
ПОМЕРАНЦ Григорий
ПОРЯДОЧНЫЙ Александр
ПОТАШНИК Виталий
РАППОПОРТ Андрей
СТРЕЛЯНЫЙ Анатолий
СТРИЖЕВСКИЙ Давид
ТРУБИХИНА Юлия
ТЮТЮННИКОВ Михаил
ХРОМАКОВ Михаил
ШАХНАЗАРОВ Игорь

СПАСИБО!

И ВАМ СПАСИБО:

АО Ростеатр
Пута - М
Альфа-банк
Олимпийская лотерея «Лотто-миллион»
Американская еврейская правозащитная организация UCSJ
Газета «Частная жизнь»
Газета «Деловой мир»

ПРИЯТНАЯ НОВОСТЬ: художник
Сурен Григорьевич МАЛЬЯН
создал и передал в дар "НОЮ" эмблему
нашего издательства

Редактор В.Варжапетян
Главный художник В.Петров
Обложка художника Маркак Ибшмана
Верстка Д.Левина

Набор и верстка выполнены
в издательском центре "СТОЛИЦА"

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020338 от 26.12.1991 г
Подписано в печать 12.09.93 г.
Формат 84x108/32
Бумага офсетная
Заказ 1332
Цена свободная

НОЙ
נח
תשנ"ד · ו